

Кришнамурти Джидду

Первая и последняя свобода

Часть 1

Глава первая

Вступительная

Общаться с другим, даже если мы очень хорошо знаем друг друга, крайне трудно. Я могу использовать слова, которые имеют, возможно, для вас другое значение, чем для меня. Понимание приходит тогда, когда мы, вы и я, встречаемся на том же уровне в одно и то же время. Это происходит лишь тогда, когда подлинная привязанность существует между людьми – между мужем и женой, между близкими друзьями. Вот настоящее общение. Возникает мгновенное понимание, когда мы встречаемся на том же уровне в одно и то же время.

Очень трудно общаться с другим – общаться без усилий, плодотворно, полно, действенно. Я пользуюсь простыми словами, а не техническими терминами, потому что я не думаю, будто какие-нибудь технические выражения помогут разрешить наши трудные проблемы; так что я не буду прибегать к техническим терминам, психологическим или научным. К счастью, я не читал никаких книг по психологии, никаких религиозных книг. Я хотел бы выразить самыми простыми словами, которыми мы пользуемся в своей повседневной жизни, более глубокий смысл; но это очень трудно сделать, если вы не умеете слушать.

Слушать – искусство. Для того чтобы быть в состоянии по-настоящему слушать, надо оставить или отбросить все свои предвзятые мнения, заранее принятые формулировки, отложить свои дневные дела. Находясь в восприимчивом состоянии ума, вы можете легко понять любую вещь; вы слушаете, когда всё ваше внимание обращено на что-то. Но, к сожалению, большинство из нас слушает сквозь ширму сопротивления. Мы скрываемся за ширмой своих предвзятых мнений, религиозных или духовных, психологических или научных; или за ширмой своих повседневных забот, желаний и страхов. И окружив себя этими ширмами, мы слушаем. Поэтому, мы, как звучащая раковина, слушаем свой собственный шум, а не то, что нам говорят. Чрезвычайно трудно отбросить своё воспитание, предвзятые мнения, склонности, сопротивление и, выходя за пределы словесного выражения, слушать так, чтобы мгновенно понять. Вот одна из трудностей, с которой нам придётся столкнуться.

Если в течение этих бесед будет сказано что-нибудь противное вашему образу мысли и веры – просто слушайте, не сопротивляйтесь. Может быть, вы правы, может быть, я ошибаюсь; но слушая и рассматривая вместе, мы выясним истину. Истина не может быть дана вам кем-то. Вы должны открыть её; а чтобы открыть её, ум должен быть в состоянии непосредственного восприятия. Непосредственного восприятия быть не может, когда наличествует сопротивление, жажда безопасности, самозащита. Понимание приходит путём осознания того, что есть. Точно знать то, что есть – реальность, действительность – не интерпретируя, не осуждая или оправдывая её, вот, несомненно, начало мудрости. Лишь когда мы начинаем интерпретировать её, переводить на язык своей обусловленности, своих предвзятых мнений – вот тогда мы упускаем истину. В конце концов, это похоже на научное исследование. Чтобы знать про что-то, что оно в точности такое, требуется исследовать его – вы не можете интерпретировать его по своей прихоти. Подобным же образом, если мы можем смотреть, наблюдать, слушать, осознавать то, что есть – то, что в точности есть, – тогда проблема решена. Вот это-то мы и попытаемся сделать в ходе всех наших бесед. Я

буду указывать вам на то, что есть, а не переводить это на язык своей фантазии; но и вам не сле дует переводить или интерпретировать это согласно своему опыту или воспитанию.

Так разве невозможно тогда осознавать всё так, как оно есть? Начав с такого осознания, мы, несомненно, придём к пониманию. Признание, осознание, понимание того, что есть, – вот что кладёт конец борьбе. Если я знаю, что я лжец, и признаю этот факт, тогда борьба окончена. Признание, осознание того, что вы есть, это уже начало мудрости, начало понимания, которое освобождает вас от времени. Вовлечённость в качество времени – времени не в хронологическом смысле, но времени как посредника, как психологический, умственный процесс, – деструктивно и создаёт запутанность.

Итак, мы можем понимать то, что есть, когда осознаём его без осуждения, без оправдания, без отождествления. Знать, что находишься в определённом положении, в определённом состоянии – уже процесс освобождения; но человек, который не осознаёт своё положение, свою борьбу, пытается быть чем-то иным, чем то, что он есть, и это входит в привычку. Так давайте же помнить, что мы хотим рассматривать то, что есть, наблюдать и осознавать то, что есть – в точности, в действительности есть, – не прилагая к нему никакой точки зрения, никакой интерпретации. Чтобы осознавать то, что есть, и следовать ему, для этого требуется необыкновенная пронизательность ума, необыкновенная гибкость сердца; ибо то, что есть, постоянно движется, постоянно подвергается изменению, и если ум связан верой, знанием, он прекращает погоню, перестаёт следовать быстрому движению того, что есть. То, что есть, вне всякого сомнения, не статично – оно постоянно движется, как вы увидите, если внимательнейшим образом понаблюдаете за ним. Чтобы следовать за ним, вам требуется очень быстрый ум и гибкое сердце – качества, которые отрицаются, когда ум статичен, закоснел в вере, предвзятом мнении, самоотождествлении; а высохший ум и чёрствое сердце не в состоянии легко и быстро следовать тому, что есть.

Без излишних споров и разговоров осознаются, я думаю, царящие вокруг как на индивидуальном, так и на коллективном уровне хаос, запутанность и страдание. И это не только в Индии, но по всему миру; в Китае, Америке, Англии, Германии, по всему свету царит беспорядок, возрастающее горе. Это не только национальная, индийская проблема, это происходит во всём мире. Повсюду необыкновенная острота страдания, не только индивидуального, но и коллективного. Значит, мы имеем дело с мировой катастрофой, и абсурдно ограничивать её одним географическим ареалом, закрашенным сегментом на карте; ведь тогда мы не поймём всё значение этого, как мы ровного, так и индивидуального страдания. Осознавая царящий вокруг беспорядок, какой мы дадим на него сегодня ответ? Какой будет наша реакция?

Страдание царит в мире – политическое, социальное, религиозное; вся наша психологическая жизнь безнадежно запуталась, и все лидеры, политические и религиозные, не оправдали наших ожиданий; все книги потеряли свой смысл. Вы можете обратиться к Бхагавадгите, или к Библии, или к последнему политическому или психологическому трактату, и вы убедитесь – звучание, голос истины больше не раздаётся в них; они стали просто словами. Вы-то сами, вы, повторяющий эти слова, вы же запутались и не уверены в себе, и простое повторение слов – это переливание из пустого в порожнее. Слова и книги потеряли свою ценность; цитируй вы хоть Библию, хоть Маркса, хоть Бхагавадгиту – но раз вы, цитирующий и повторяющий их, сами не уверены в себе и запутались, ваше повторение становится ложью; написанное в книгах становится всего лишь пропагандой, а пропаганда – не истина. Повторяя сказанное другими, вы перестаёте понимать своё собственное состояние бытия. Вы просто прикрываете авторитетными словами свою собственную запутанность. Вот мы и попытаемся понять эту запутанность, а не прикрывать её цитатами. Так каков же будет ваш ответ – как вы ответите на этот необыкновенный хаос, на эту запутанность, на эту неуверенность существования? Осознавайте это, по мере того как я обсуждаю это с вами: следите не за моими словами, но за мыслью, за мыслью, которая активна и у вас. Большинство из нас привыкло быть зрителем и не участвовать в игре. Мы читаем книги – мы никогда не пишем книг. У нас стало традицией, национальной, всеобщей привычкой быть зрителями,

наблюдать за футбольной игрой, следить за политическими деятелями и ораторами. Мы всего лишь посторонние, наблюдатели и мы потеряли свои творческие способности. Отсюда наша жажда впитывать и разделять чужие мнения.

Но если вы будете всего лишь наблюдатели, если вы будете всего лишь зрители, смысл этих бесед окажется полностью утрачен для вас, потому что это не лекция, которую вам надо прослушать по привычке. Я не собираюсь снабжать вас сведениями, которые вы можете почерпнуть в энциклопедии. Что мы попытаемся сделать – так это следовать за мыслью друг друга, исследовать, так далеко и глубоко как только возможно, намёки и реакции наших собственных чувств. Так выясните, пожалуйста, каким будет ваш ответ на причину окружающего страдания; не в какие слова облечёт это кто-то другой, но как вы ответите сами. Ваш ответ будет равнодушный ответ, если страдание и хаос приносят вам пользу, если вы извлекаете выгоду из них – экономическую, социальную, политическую или психологическую. Поэтому вы и не против того, чтобы хаос продолжался. Несомненно, чем больше тревоги в мире, чем больше хаоса, тем сильнее ищешь безопасность. Разве вы не замечали? Когда мир охвачен беспорядком, психологическим и всяким другим, вы укрываетесь в какую-нибудь безопасную нишу, будь то банковский счёт или идеология; или же вы обращаетесь к молитве, идёте в храм – что на самом деле бегство от происходящего в мире. Больше и больше образуется сект, больше и больше появляется «измов» во всём мире. Из-за всё большего беспорядка, царящего вокруг, вы всё больше нуждаетесь в лидере, в ком-то, кто выведет вас из этой запутанности, – вот вы и обращаетесь к религиозным книгам или к одному из новейших учителей; или же вы действуете и реагируете согласно какой-нибудь системе, призванной разрешить все проблемы – системе левой или правой. Как раз это и происходит.

Как только вы осознаёте беспорядок – именно то, что есть, – вы пытаетесь бежать от него. Хуже всего те секты, которые предлагают вам систему для разрешения страдания – экономического, социального или религиозного; ибо тогда важна становится система, а не человек – религиозная система, левая или правая система. Система становится важна, философия, идея становится важна, а не человек; и ради идеи, идеологии вы готовы пожертвовать всем родом человеческим, что как раз и происходит в мире. Это не только моя интерпретация; понаблюдайте, и вы увидите – это именно то, что происходит. Важность приобрела система. А раз так, раз важность приобрела система, люди, вы и я, теряют своё значение; те же, кто контролирует систему – религиозную или социальную, левую или правую, – наделяются авторитетом, присваивают себе власть и приносят тем самым в жертву вас, личность. Как раз это и происходит.

Какова же причина этого беспорядка, этого страдания? Как возникает это горе, это страдание, не только внутреннее, но и внешнее, этот страх и ожидание войны – грозящей вспыхнуть Третьей мировой войны? Какова причина этого? Вне всякого сомнения, это указывает на падение всех нравственных, духовных ценностей – к вящей славе всех чувственных ценностей, ценностей, созданных рукой или умом. Что происходит, когда у нас нет других ценностей, за исключением ценностей чувственных, ценностей, являющихся продуктом ума, руки или машины? Чем большее значение мы придаём чувственным ценностям, тем больший возникает беспорядок, разве не так? И снова это не моя теория. Вам не надо прибегать к цитатам из книг, чтобы выяснить – ваши ценности, ваше богатство, ваше экономическое и социальное существование зиждется на вещах, созданных рукой или умом. Мы живём и действуем, целиком и полностью погрузившись в чувственные ценности, что означает: важность приобрели вещи, вещи, созданные рукой и машиной; а когда важность приобретают вещи, господствующее значение получает вера – и это как раз то, что происходит в мире, разве не так?

Таким образом, придание всё большего значения чувственным ценностям – вот что вызывает беспорядок; и погрузившись в беспорядок, мы пытаемся бежать от него, используя разные формы бегства – религиозные, экономические или социальные, или с помощью честолубия, власти, или путём поисков реальности. Но реальность находится рядом, вам

ненадо искать её; человек, ищущий истину, никогда не найдёт её. Истина – в том, что есть; вот красота её. Но как только вы стремитесь постичь её, как только вы ищете её, начинается борьба; а человек, который борется, лишается способности понимать. Вот почему мы должны пребывать в покое – наблюдать, пассивно осознавать. Мы видим – наша жизнь, наши действия не выходят из круга разрушения, из поля горя; запутанность и хаос всегда заливают нас, как волна. Запутанность существования не знает промежутка.

Что бы мы ни делали ныне, всё, кажется, ведёт к хаосу, всё ведёт к горю и несчастью. Взгляните на собственную жизнь, и вы увидите – наше бытие балансирует на краю горя. Наша работа, общественная деятельность, политика, разные между народными совещаниями по предотвращению войн – всё вызывает дальнейшие войны. Разрушение гонится за жизнью по пятам; что бы мы ни делали, всё ведёт к смерти. Вот что в действительности имеет место.

Можем ли мы остановить это страдание сразу, а не длить его бесконечно, залитые волной беспорядка и горя? Вот, являлись великие учителя, Будда или Христос, принимали веру, освобождались, возможно, от беспорядка и горя. Но им так никогда и не удалось предотвратить горя, покончить с беспорядком. Беспорядок продолжается, горе продолжается. Если вы, видя этот социальный и экономический беспорядок, этот хаос, это страдание, уходите в так называемую религиозную жизнь и оставляете мир, – вам может показаться, что вы присоединились к тем великим учителям; но мир-то продолжает пребывать в хаосе, горе и разрушении, вечном страдании своих богатых и бедных. Так что наша проблема, ваша и моя, заключается в том, сможем ли мы сейчас же минутой выйти из этого страдания. Если, живя в мире, вы отказываетесь быть частью его, вы поможете и другим вырваться из этого хаоса – не в будущем, не завтра, но теперь. Вот, несомненно, наша проблема. Вероятно, приближается война, ещё более разрушительная, ещё более ужасающая по своим формам. Предотвратить её мы, конечно, не сможем – уж слишком обострились и вышли на поверхность все спорные вопросы. Но разве вы и я не можем сейчас же миг осознать беспорядок и страдание, царящие вокруг? Мы должны осознать их, и тогда мы будем в состоянии пробудить то же самое понимание истины в другом. Иными словами, можете ли вы мгновенно освободиться? Ибо это единственный выход из нашего страдания. Осознание может иметь место только в настоящем; но если вы скажете: «Я осознаю это завтра», – волна запутанности накроет вас, и вы навсегда окажетесь погружены в беспорядок.

Так возможно ли прийти к такому состоянию, в котором вы сами осознаёте истину мгновенно и, следовательно, кладёте конец беспорядку? Я говорю, что да – и что это единственный возможный путь. Я говорю, что можно и должно прийти к такому осознанию, не основываясь на предположении или вере. Вызвать эту необыкновенную революцию (а это не революция, освобождающая от капиталистов и ставящая на их место другую группу людей), вызвать это удивительное изменение, которое есть единственная подлинная революция, – вот проблема. То, что обычно называется революцией, – всего лишь видоизменение или продолжение правых идей в соответствии с идеями левыми. А левые идеи в конце концов – продолжение правых в модифицированной форме. Если правые идеи основаны на чувственных ценностях, то левые – не что иное, как продолжение тех же самых чувственных ценностей, отличающихся только по степени или способу выражения. Следовательно, подлинная революция может иметь место только тогда, когда вы, личность, осознаёте себя в своих взаимоотношениях с другим.

Несомненно, каков вы в своих взаимоотношениях с другими – женой, ребёнком, начальником, соседом, – таково и общество. Само по себе общество не существует. Общество есть то, что создали, в своих взаимоотношениях, мы, вы и я; общество – внешняя проекция всех наших собственных внутренних психологических состояний. Так что если вы и я не понимаем сами себя, просто преобразовывать внешнее, являющееся проекцией внутреннего, не имеет никакого смысла; существенного изменения или модификации в обществе быть не может до тех пор, пока я не пойму самого себя во взаимоотношениях с вами. Запутавшись в своих взаимоотношениях, я создаю общество, которое есть точная копия, внешнее выражение того, чем являюсь я. Вот очевидный факт, который мы сможем

обсудить. Мы сможем обсудить, общество ли – моё внешнее выражение – создало меня или это я создал общество.

Разве не очевидный, следовательно, факт, что то, чем являюсь я в своих взаимоотношениях с другим, вот это и создаёт общество и что без коренного преобразования себя не может быть преобразования основных функций общества? Ожидая преобразования общества от системы, мы просто уходим от вопроса: система не в состоянии преобразовать человека; как показывает история, это человек всегда преобразует систему. До тех пор пока я в своих взаимоотношениях с вами не пойму самого себя, я останусь причиной хаоса, страдания, разрушения, страха, жестокости. Понимание себя не вопрос времени; я могу понять себя сей же миг. Если я говорю: «Я пойму себя завтра», – я погружаюсь в хаос и страдание, моё действие деструктивно. Как только я говорю «пойму», я вношу элемент времени и, таким образом, уже отдаюсь на волю волн беспорядка и разрушения. Понимание возникает теперь, а не завтра. Завтра – для ленивого, медлительного ума, для ума, который не интересуется ничем. Интересуясь чем-то, вы заинтересовываетесь мгновенно, и тут же наступает понимание, тут же происходит изменение. Если вы не изменитесь сейчас, вы не изменитесь никогда: изменение, происходящее завтра, всего лишь модификация, а не изменение. Изменение может произойти только немедленно; революция совершается теперь, а не завтра.

Когда происходит такое, вы полностью свободны от проблем, ибо тогда ваше «я» не озабочено больше собой; девятый вал разрушения не в силах тогда накрыть вас.

Глава вторая

Что мы ищем?

Что – что ищет большинство из нас? Что – что каждый из нас хочет? Особенно в нашем беспокойном мире, в котором все мы пытаемся обрести какой-то мир и покой, какое-то счастье, какое-то убежище, нам, несомненно, важно выяснить: что именно мы ищем, что именно мы пытаемся открыть? Вероятно, большинство из нас ищет какого-то счастья, какого-то мира и покоя; в мире, объятom смятением, войнами, раздором, борьбой, мы хотим убежища, в котором могли бы вкушать немного мира. Думаю, вот этого и хочет большинство из нас. Вот за этим мы и гоняемся, переходя от одного лидера к другому, от одной религиозной организации к другой, от одного учителя к другому.

Так ищем ли мы счастья – или мы ищем удовлетворения, какого-то удовлетворения, из которого надеемся извлечь счастье? Есть разница между счастьем и удовлетворением. Можно ли искать счастье? Возможно, можно найти удовлетворение, но несомненно – вы не можете найти счастье. Счастье – производное, это побочный продукт чего-то другого. И прежде чем отдать все силы ума и сердца на поиски, требующие немалой серьёзности, внимания, размышлений, забот, мы должны выяснить, не правда ли, что именно мы ищем – счастья или же удовлетворения. Боюсь, большинство из нас ищет удовлетворения. Мы хотим получить удовлетворение, хотим обрести чувство полноты в конце своих поисков.

В конце концов, если ищешь покоя и мира, можешь очень легко найти их. Достаточно слепо предаться какому-нибудь делу, какой-нибудь идее и укрыться там. Несомненно, это не решает проблемы. Простая изоляция в замкнутой идее не освобождает от конфликта. Значит, нам надо выяснить, что же хочет, как внутренне, так и внешне, каждый из нас. Если мы обретём ясность в этом вопросе, тогда нам больше никуда не надо будет идти – ни к какому учителю, ни в какую церковь, ни в какую организацию. Следовательно, наша трудность заключается в том, чтобы обрести внутреннюю ясность относительно своих намерений, не так ли? Можем ли мы прийти к такой ясности? И разве ясность возникает путём поисков, путём попыток узнать, что говорят другие – от высочайшего учителя до обыкновенного проповедника в церкви за углом? Надо ли вам обращаться к кому-то, чтобы обрести ясность? И всё же именно это мы и делаем, не так ли? Мы читаем бесчисленные книги, посещаем множество собраний и диспутов, вступаем в различные организации – пытаемся тем самым

найти средство от наших конфликтов, от страданий, разъедающих нашу жизнь. А если мы непродолжаем всего этого, то считаем, что уже нашли – что какая-то особая организация, какой-то особый учитель, какая-то особая книга удовлетворяют нас; мы нашли в них всё что душе угодно; и мы остаёмся в этом кругу – закосневшие, замкнутые.

А не ищем ли мы среди всего этого беспорядка чего-то постоянного, чего-то прочного, чего-то, что мы называем реальностью, Богом, истиной, чем угодно – название не имеет значения, слово не есть, конечно, реальная вещь. Так давайте не будем захвачены словами. Оставим это профессиональным лекторам. Большинство из нас занято поисками чего-то постоянного – чего-то, за что мы можем ухватиться, чего-то, что даст нам твёрдость, надежду, длительный энтузиазм, прочную уверенность в себе: мы же так не уверены в себе. Мы не знаем себя. Мы знаем множество фактов, о которых говорится в книгах; но сами-то мы не знаем, не обладаем непосредственным опытом.

И что же мы называем постоянным? Что это такое – то, что мы ищем, то, что постоянство принесёт (надеемся, что принесёт) нам? Не ищем ли мы прочного счастья, продолжительного удовлетворения, стойкой уверенности в себе? Мы хотим чего-то, что будет длиться вечно, что будет приносить нам удовлетворение. Если мы страхнём с себя все слова и фразы, прямо посмотрим на вещи – именно этого мы и хотим. Мы хотим постоянного удовольствия, постоянного удовлетворения – которое мы называем истиной, Богом или чем угодно.

Прекрасно, мы хотим удовольствия. Как ни грубо это прозвучит, но именно этого мы и хотим – знания, которое принесёт нам удовольствие, опыта, который доставит нам удовольствие, удовлетворения, которое не растает как сон завтра. Мы испытывали разного рода удовлетворения, и все они увяли; и мы надеемся теперь обрести постоянное удовлетворение – в реальности, в Боге. Несомненно, вот этого мы все и ищем – умные и глупые, теоретики и практики, силящиеся добиться чего-то. А бывает ли постоянное удовлетворение? Бывает ли что-то, что длится вечно?

Так вот, если вы ищете постоянное удовлетворение, называя его Бог, или истина, или как вам заблагорассудится – имя не имеет значения, – вы должны, несомненно, понимать, не так ли, ту вещь, которую ищете. Когда вы говорите: «Я ищу постоянного счастья» (Бога, истины, что угодно), – не должны ли вы также понимать ту вещь, которая ищет, ищущего, искателя? Ведь, может статься, такой вещи, как постоянная безопасность, постоянное счастье, вовсе нет. Истина может оказаться чем-то совершенно иным; и я думаю, что она в корне отличается от того, что вы в состоянии увидеть, постичь, сформулировать. Поэтому, прежде чем искать чего-то постоянного, необходимо, очевидно, понять самого ищущего, не так ли? Разве ищущий отличен от той вещи, которую он ищет? Говоря «я ищу счастья», – разве ищущий отличен от объекта своих поисков? Разве мыслитель отличен от своей мысли? Не составляют ли они единый феномен, скорее чем отдельные процессы? Следовательно, не является ли необходимым понять ищущего, прежде чем пытаться выяснить, что же он ищет?

Тут мы подходим к тому пункту наших рассуждений, где должны спросить себя со всей возможной серьёзностью и глубиной: а может ли кто-то другой дать нам мир, счастье, реальность, Бога, что угодно? Могут ли беспрестанные поиски, страстное стремление дать нам то необыкновенное чувство реальности, то творческое бытие, которое возникает, когда мы по-настоящему понимаем себя? Разве самопознание приходит путём поисков, путём следования кому-то другому, благодаря принадлежности к какой-нибудь особой организации, благодаря чтению книг и тому подобному? В конце концов, это главный вопрос, ибо до тех пор, пока я не пойму самого себя, у меня не будет фундамента для мысли, и все мои поиски окажутся тщетны. Я могу укрыться в иллюзию, я могу бежать от раздоров, споров, борьбы; я могу поклоняться другому; я могу ждать спасения от кого-то, кто придёт и спасёт меня. Но до тех пор пока я не познаю себя, до тех пор пока я не осознаю всех процессов, происходящих во мне, у меня не будет фундамента для мысли, для любви, для действия.

Но это же последняя вещь, которой мы хотим: познать самих себя. А между тем

несомненно – это единственное основание, на котором мы можем строить. Но прежде чем мы будем в состоянии строить, прежде чем мы будем в состоянии преобразовывать, осуждать или разрушать, мы должны познать, что мы такое. Пускаться на поиски, менять учителей, гуру, заниматься йогой, правильно дышать, исполнять ритуалы, следовать духовным учителям и всё прочее в этом роде – дело совершенно бесполезное, не так ли? Это не имеет смысла даже в том случае, если те же самые люди, которым мы следуем, скажут нам: «Изучайте себя», – ибо каковы мы, таков и мир. Если мы мелочны, за вистливы, тщеславны, жадны – то же самое мы создадим и вокруг себя, таким же будет и общество, в котором мы живём.

Мне кажется, что прежде чем отправляться в путешествие на поиски реальности, на поиски Бога, прежде чем действовать, прежде чем вступать в какие-нибудь взаимоотношения с другим – а это и есть общество, – нам необходимо начать первым делом с понимания самих себя. Серьёзным человеком я считаю того, кто полностью озабочен, первым делом, самопознанием, а не тем, как достичь какой-нибудь особой цели, потому что, если у нас с вами не будет понимания самих себя, как же мы сможем, действуя, произвести перемены в обществе, во взаимоотношениях, во всём, чем бы мы ни занимались? И это, очевидно, не означает, что мы делаем упор на личности, на «я», противопоставляя его массе, противопоставляя его другому.

Итак, без познания себя, познания путей собственной мысли и того, почему вам в голову приходят определённые мысли, без познания всего заднего плана своей обусловленности, без познания того, почему у вас складываются определённые идеи и верования относительно искусства и религии, относительно своей страны и своего соседа, и относительно самого себя, – как же вы можете правильно мыслить о чём бы то ни было? Без познания глубин самого себя, без познания субстанции собственной мысли и откуда она приходит – ваши поиски, несомненно, будут абсолютно тщетны, а действия бессмысленны, не так ли? И не имеет при этом значения, американец ли вы или индеец или какова ваша религия.

Прежде чем мы сможем выяснить, какова конечная цель жизни и что всё это значит – войны, национальные антагонизмы, конфликты, весь этот беспорядок, – нам надо начать с самих себя, не так ли? Это звучит так просто, а между тем это чрезвычайно сложно. Понимать самого себя, видеть, как действует собственная мысль, – для этого требуется необыкновенная чуткость, и по мере того, как начинаешь быть всё более чуток к запутанности собственных мыслей, реакций и чувств, начинает пробуждаться всё большее самосознание, и не только самосознание, начинаешь всё больше осознавать и другого, того, с кем находишься во взаимоотношении. Трудность состоит в том, что мы крайненетерпеливы; нам хочется продвинуться вперёд, нам хочется достичь цели, и потому мы не имеем ни времени, ни случая, дающего нам возможность изучать и наблюдать. Попутно мы втягиваемся в разные дела – зарабатывание на жизнь, воспитание детей – или мы берём на себя определённые обязательства по отношению к разным организациям; мы связаны по рукам и ногам, так что почти не имеем времени, чтобы размышлять о себе, наблюдать, изучать. А ведь на самом-то деле ответственность за свои реакции лежит на самом человеке, не на другом. Гоняться по всему свету за гуру и их системами, читать новейшие книги о том о сём и всё прочее в этом роде представляется мне совершенно пустым, совершенно никчемным занятием – вы можете объехать вокруг Земли, но вам всё равно придётся вернуться к себе. И поскольку большинство из нас абсолютно не знает самих себя, нам крайне трудно начать ясно видеть процесс своего мышления, своих чувств и действий.

Чем больше познаёшь самого себя, тем большая появляется ясность. Самопознание не имеет конца – невозможно никакое достижение, никакое умозаключение. Самопознание – бесконечная река. Изучая, погружаясь в её воды, обретаешь покой. Только когда ум спокоен – благодаря самопознанию, а не с помощью навязанной самодисциплины, – только тогда, в покое и молчании, может возникнуть реальность. Только тогда может возникнуть

блаженство, возникнуть творческое действие. И вот мне кажется, что без такого понимания, без такого опыта просто читать книги, слушать беседы, заниматься пропагандой – всего лишь какая-то детская игра, деятельность, не имеющая большего смысла; в то время как если мы сможем понять себя и тем самым обрести счастье творчества, опыт чего-то непостижительно нового, – вот тогда, возможно, это приведёт к изменению во взаимоотношениях среди нашего ближайшего окружения, а значит, и в мире, в котором мы живём.

Глава третья

Личность и общество

Такова проблема, с которой сталкивается большинство из нас: личность, только ли она инструмент общества или она цель общества? Вы и я как личности, используемся ли мы, управляемся ли мы, воспитываемся ли мы, контролируемемся ли мы, формируемся ли мы по определённому образцу обществом и правительством, – или это общество и государство существуют ради личности? Есть ли личность цель общества или она простая марионетка, обучаемая, эксплуатируемая, используемая как пушечное мясо на войне? Вот проблема, с которой сталкивается большинство из нас. Это мировая проблема: является ли личность простым инструментом общества, игрушкой формирующих её влияний или же общество существует ради личности?

Как вы будете выяснять это? Ведь это серьёзная проблема, не так ли? Если личность – всего лишь инструмент общества, тогда общество гораздо важнее, чем личность. Если это правда, тогда мы должны отказаться от личности и работать для общества; вся наша система воспитания должна подвергнуться революционному изменению, а личность превратиться в инструмент, который можно использовать, ломать и выбрасывать за ненадобностью. А вот если общество существует для личности, тогда функцией общества будет не приспособливать личность к какому-нибудь образцу, а пробуждать в ней чувство, желание свободы. Итак, мы должны выяснить, где здесь правда и где ложь.

Как вы хотите вникнуть в эту проблему? Это ведь живо трепещущая проблема, не так ли? Она независима ни от какой идеологии, левой или правой; а если она зависима от идеологии, тогда это просто вопрос мнения. Идеи всегда порождают вражду, запутанность, конфликт. Если вы зависимы от книг, левых, правых или священных книг, тогда вы просто зависимы от мнения, будь то мнение Будды, Христа, капитализма, коммунизма – кого угодно. Это идеи, а не истина. Факт нельзя отвергать. Мнение насчёт факта отвергать можно. Если мы сможем открыть истину в этом вопросе, мы будем в состоянии действовать независимо от мнения. Следовательно, нам необходимо отвергнуть, не так ли, то, что сказали другие. Мнение левых или правых лидеров – следствие их обусловленности, и если вы зависимы в своём открытии истины от того, что сказано в книгах, то вы просто связаны мнением. Это не вопрос знания.

Как нам открыть истину в этом вопросе? Опираясь на такое открытие, мы и будем действовать. Чтобы найти здесь истину, нужна свобода от всякой пропаганды, что означает: вы способны смотреть на проблему независимо от мнения. Вся задача воспитания – пробуждать личность. Чтобы видеть истину в этом вопросе, вам надо будет обладать очень большой ясностью, что означает: вы не можете зависеть от лидера. Выбирая себе лидера, вы делаете это оттого, что погружены в запутанность и, значит, ваши лидеры тоже погружаются в запутанность, и это то, что происходит в мире. Следовательно, вы не можете ждать от своих лидеров руководства или помощи.

Ум, желающий понять какую-нибудь проблему, не только должен понимать эту проблему целиком и полностью, но и должен быть в состоянии быстро следовать за всеми изменениями её, ибо проблема никогда не бывает статичной. Проблема всегда нова, будь то проблема голода, какая-нибудь психологическая проблема, какая бы то ни было проблема. Любой кризис всегда нов; следовательно, чтобы понять его, ум всегда должен быть свеж, ясен, быстр в своём стремлении. Думаю, большинство из нас осознаёт крайнюю

необходимость внутренней революции, которая только и может вызвать коренное изменение мира внешнего, общества. Вот проблема, которая заботит меня и всех серьёзно мыслящих людей. Как вызвать капитальное, коренное изменение в обществе – наша проблема; и это изменение внешнего мира не может произойти без внутренней революции. Поскольку общество всегда статично, любое действие, любая реформа, не сопровождаемые внутренней революцией, также становятся статичными; значит, без постоянной внутренней революции у нас нет никакой надежды, потому что без неё внешнее действие становится повторяющимся, привычным. Действие взаимоотношения между вами и другим, между вами и мной есть общество; и общество остаётся статичным, лишённым жизненных соков до тех пор, пока не происходит постоянной внутренней революции, творческого, психологического изменения; именно потому, что нет постоянной внутренней революции, общество всегда остаётся статичным, кристаллизуется и, следовательно, непрерывно распадается.

Какая связь между вами самим и тем страданием, беспорядком, что существуют внутри и вокруг вас? Несомненно, этот беспорядок, это страдание возникают не сами по себе. Вы и я создали их, не капиталистическое, не коммунистическое, не фашистское общество, – но вы и я создали их в своих взаимоотношениях друг с другом. То, чем вы являетесь внутри, проецируется наружу, в мир; то, чем вы являетесь, то, что вы думаете и что вы чувствуете, то, чем вы занимаетесь в своей повседневной жизни, проецируется вовне и составляет мир. Если мы внутренне несчастны, запутались, если внутри нас царит хаос – путём проекции, таким же становится мир, таким же становится общество, потому что взаимоотношения между вами и мной, между мной и другим есть общество (общество – продукт наших взаимоотношений), и если наши взаимоотношения запутаны, эгоистичны, узки, мелки, окрашены национализмом, мы проецируем это и вносим хаос в мир.

Какой вы, такой и мир. Значит, ваши проблемы – мировые проблемы. Это простой и несомненный факт, не так ли? В своих взаимоотношениях с личностью или с обществом мы как-то умудряемся всё время не замечать этот факт. Мы хотим вызвать изменения с помощью какой-нибудь системы или с помощью революции, революции идей или ценностей, основанной на системе, забывая, что это вы и я создаём общество, что это вы и я приносим беспорядок или порядок соответственно тому, как мы живём. Значит, мы должны начать с того, что около нас, должны заняться своим повседневным существованием, своими каждодневными мыслями, чувствами и действиями, которые проявляются в том, как мы зарабатываем себе на жизнь, и в наших отношениях с идеями и верованиями. Это наша повседневная жизнь, не так ли? Мы озабочены хлебом насущным, тем, как получить работу, заработать денег; мы озабочены взаимоотношениями с семьёй или с соседями, нас заботят идеи и верования. Так вот, посмотрите на свои занятия – они же главным образом основаны на зависти, а не просто на том, как заработать себе средства для пропитания. Общество построено на процессе постоянного конфликта, постоянного становления: мы всё время пытаемся стать кем-то; общество основано на жадности, на зависти, зависти к высшему; простой служащий хочет стать руководителем, что показывает: он заботится не просто о добывании средств к существованию, но о том, чтобы добиться положения и престижа. Такая позиция, естественно, приводит к хаосу в обществе, разрушает взаимоотношения; а вот если вы и я заботимся только о средствах к существованию, мы найдём правый способ заработать себе на жизнь, способ, не основанный на зависти. Зависть – один из самых разрушительных факторов во взаимоотношениях, потому что зависть указывает на желание власти, положения и в конце концов ввергает в политику; зависть и политика тесно связаны. Служащий, стремящийся стать руководителем, превращается в фактор создания политики с позиции силы, политики, разжигающей войны; таким образом, он прямо ответствен за войну.

На чём основаны наши взаимоотношения? Взаимоотношения между вами и мной, между вами и другим – а это и есть общество – на чём основаны они? Уж конечно не на любви, хотя мы можем сколько угодно говорить о ней. Наши отношения не основаны на любви, потому что, если бы в основе их лежала любовь, порядок, мир и счастье воцарились бы между вами и мной. А ведь в отношениях между вами и мной так много не

доброжелательства, принимающего уважительную форму почтительности, respekта. Будь мы оба равны, равны по мысли, по чувству – почтительности и недоброжелательству не было бы места в отношениях между нами, потому что мы встречались бы тогда как две личности, а не как ученик и учитель, не как муж, властвующий над женой, не как жена, держащая под каблуком мужа. При недоброжелательстве возникает желание господствовать, пробуждающее зависть, гнев, страсть, – всё то, что в наших взаимоотношениях создаёт постоянный конфликт, от которого мы пытаемся бежать, а это производит дальнейший хаос, дополнительные страдания.

Теперь что касается идей, являющихся частью нашего каждодневного бытия, что касается верований и формулировок – разве они не искажают наш ум? Ведь что такое глупость? Глупость – это наделение ложной ценностью тех вещей, которые создаёт ум, или тех вещей, которые делают руки. Большинство наших мыслей – детище инстинкта самосохранения, не так ли? Наши идеи – о, такое множество из них! – разве не обретают они ложной значительности, той, которой они не обладают сами по себе? Следовательно, когда мы верим – в любой форме, религиозной, экономической или социальной, – когда мы верим в Бога, в идеи, в общественную систему, отделяющую человека от человека, в национализм и тому подобное, мы, несомненно, наделяем веру ложной значительностью, а это указывает на глупость – ведь вера разделяет, а не объединяет людей. Мы же видим, что согласно тому, как мы живём, мы можем создать порядок либо хаос, мир либо конфликт, счастье либо страдание.

Значит, наша проблема, не так ли, состоит в том, может ли существовать общество, которое статично, – и в то же время личность, в которой происходит постоянная революция. Ведь революция в обществе должна начинаться с внутреннего, психологического изменения личности. Большинство из нас хочет видеть радикальное изменение в социальной структуре. Целая битва развёртывается в мире – вызвать социальную революцию коммунистическими или какими-нибудь иными средствами. А произойди социальная революция, то есть действие, касающееся внешней структуры человека, то какой бы радикальной эта социальная революция ни была, сама природа её остаётся статичной, если нет внутренней революции личности, психологического изменения.

Следовательно, чтобы вызвать существование общества, которое не было бы вечным повторением пройденного, не было бы статичным, распадающимся, общества, которое было бы постоянно живым, – действительно требуется революция в психологической структуре личности, так как без внутренней, психологической революции простое изменение внешних оболочек имеет очень мало значения. Ведь общество всё время кристаллизуется, становится статичным и поэтому постоянно распадается. Сколько бы законов мы ни издавали и какими мудрыми бы ни были эти законы, общество всегда находится в процессе упадка, потому что революция должна происходить внутри, а не только снаружи.

Думается, важно понять, не упустить это. Внешнее действие, совершившись, на том и заканчивается: оно статично; если взаимоотношения между личностями – а это и есть общество – не являются следствием внутренней революции, тогда социальная структура, будучи статичной, поглощает личность и, следовательно, делает её тоже статичной, повторяющейся. При осознании этого, при осознании необыкновенной важности этого факта не может быть и вопроса о согласии или несогласии. Это факт, что общество всегда кристаллизуется и поглощает личность и что постоянная, творческая революция может быть только в личности, не в обществе, не во внешней структуре. Мы видим, как быстро распадается структура современного общества в Индии, в Европе, в Америке, во всех частях света; мы знаем это по собственной жизни. Мы можем наблюдать это, идя по улице. Мы не нуждаемся в великих историках, чтобы раскрыть нам глаза на тот факт, что наше общество рассыпается; и нужны новые архитекторы, новые строители для создания нового общества. Структура общества должна быть построена на новом фундаменте, на новооткрытых фактах и ценностях. Таких архитекторов ещё не существует. Нет строителей, нет людей, которые, наблюдая, осознавая факт крушения структуры общества, превратили бы себя в

архитекторов. Вот наша проблема. Мы видим – общество крошится, распадается; и это мы, вы и я, должны стать архитекторами. Вы и я должны открыть новые ценности и строить на более ос новательном, прочном фундаменте; а если мы будем надеяться на профессиональных архитекторов, на политических и религиозных строителей, мы останемся у разбитого корыта.

Именно потому-то, что вы и я не являемся творческими личностями, мы и ввергли общество в этот хаос, значит, вам и мне надо стать творческими личностями, ибо проблема не терпит отлагательств; вы и я должны осознать причины краха общества и создать новую структуру общества, которая зиждется не на простом подражании, но на нашем творческом понимании. А это подразумевает, не так ли, негативное, отрицательное мышление. Отрицательное мышление – высшая форма понимания. Ибо для того чтобы понять, что такое твор ческое мышление, мы должны подойти к проблеме негативно, с отрицательной стороны, потому что положительный подход к проблеме – заключающийся в том, что вы и я должны стать творческими личностями, для того чтобы построить новую структуру общества, – будет подражательным. Чтобы понять ту вещь, которая крошится, мы должны исследовать её, изучить её негативно, отрицательно – не прибегая к положительным системам, позитивным формулам, положительным умозаключениям.

Почему распадается, рушится общество, – а это, несомненно, и происходит? Одной из основных причин является то, что личность, вы – вы перестали быть творческой личностью. Поясню, что я имею в виду. Вы и я стали подражателями, мы копируем – копируем внешне и внутренне. Внешне, обучаясь технике, общаясь на словесном уровне друг с другом – естественно, должно быть какое-то подражание, копирование. Я перенимаю слова. Чтобы стать инженером, я должен сперва изучить технику, а потом использовать технику для строительства моста. С внешней стороны, при изучении техники необходимо некоторое подражание, копирование, но когда подражание переносится во внутреннюю, психологическую область – мы, несомненно, перестаём быть творческими личностями. Наше воспитание, наша общественная структура, наша так называемая религиозная жизнь – всё основано на подражании; иначе говоря, я приспосабливаюсь к особой общественной или религиозной формуле. Я перестал быть реальной личностью; психологически я стал просто машиной, повторяющей определённые реакции, обусловленные тем, что я индуист, христианин, буддист, немец или англичанин. Наши реакции обусловлены соответственно тому, какому образцу общества мы принадлежим – восточному или западному, религиозному или материалистическому. Итак, одной из причин дезинтеграции общества является подражание, а одним из дезинтегрирующих факторов – лидер, самая сущность которого есть подражание.

Для того чтобы понять природу дезинтеграции общества, важно выяснить, не правда ли, в состоянии ли вы и я, личности – быть творческими личностями? Мы видим: когда есть под ражание, должна быть и дезинтеграция; когда есть авторитет, должно быть и копирование. И поскольку весь ваш умственный, психологический состав замешан на авторитете, – для того чтобы быть творческой личностью, нужна свобода от авторитета. Разве вы не замечали: в миг творчества, в счастливый миг живого интереса – чувство повторения, чувство подражания отсутствует? Такой миг всегда нов и свеж, это всегда миг творчества и счастья. Таким образом, мы видим, что одной из основных причин дезинтеграции общества является подра жание, то есть – поклонение авторитету.

Глава четвёртая

Самопознание

Проблемы мира столь колоссальны, столь сложны, что для понимания и разрешения их к ним надо подходить очень прос то и прямо; а простота и прямота не зависят от внешних обстоятельств, ни от наших особых пристрастий и настроений. Как я уже указывал, решение нельзя найти путём созыва конференций, составления планов или путём замены старых

лидеров на новых. Решение, очевидно, лежит в создателе проблемы, в создателе зла, ненависти и огромного взаимного непонимания, которое существует между людьми. Создатель этого зла, создатель этих проблем – личность, вы и я, а не мир, как мы склонны полагать. Мир есть ваши взаимоотношения с другим. Мир не что-то отличное от вас и меня; мир, общество – это взаимоотношения, которые мы устанавливаем или пытаемся установить между собой.

Значит, вы и я – вот проблема, а не мир, потому что мир является проекцией нас самих, и чтобы понять мир, мы должны понять себя самих. Мир не отделён от нас; мы есть мир, и наши проблемы – мировые проблемы. Нельзя слишком часто повторять это, ибо наш ум так неповоротлив и ленив, что мы думаем, будто мировые проблемы не наше дело, что они могут быть разрешены Организацией Объединённых Наций или заменой старых лидеров на новых. Думать так – значит обладать и впрямь очень несообразительным умом, ведь это мы ответственны за ужасающие страдания и беспорядок, царящие в мире, за всё надвигающуюся войну. Чтобы изменить мир, мы должны начать с самих себя; и что важно в этом начинании с самих себя, так это намерение. Нашим намерением должно быть – понять самих себя, а не оставлять другим изменять себя или вызывать поверхностные изменения путём революции, левой либо правой. Важно понять, что это наша обязанность, ваша и моя; ибо каким бы маленьким ни был мирок, в котором мы живём, если мы сможем изменить себя, радикально иным образом посмотреть на своё каждодневное существование, тогда, возможно, мы окажем воздействие и на «большой» мир, на весь круг своих взаимоотношений с другими.

Как я сказал, мы попытаемся выяснить, как протекает процесс понимания самих себя, который не является изолированным процессом. Это не удаление от мира, потому что вы не можете жить в изоляции. Быть – значит быть во взаимоотношении, и такой вещи, как жизнь в изоляции, не существует. Именно недостаток правильных взаимоотношений приводит к конфликтам, страданию и борьбе; и каким бы маленьким ни был наш мирок, если мы сможем изменить свои взаимоотношения в этом узком мирке, это будет подобно всё время расширяющейся волне. Я думаю, важно увидеть здесь суть: мир есть наши взаимоотношения, какими бы узкими они ни были; и если мы сможем внести в них изменения, не поверхностные, а коренные изменения, тогда мы начнём активно изменять и мир. Подлинная революция не есть соответствие какому-нибудь определённому образцу, левому или правому, но это революция ценностей – революция перехода от чувственных ценностей к ценностям не чувственным, свободным от влияния окружающей среды.

Чтобы найти эти истинные ценности, которые вызовут радикальную революцию, изменение или полное обновление, необходимо понять самого себя. Самопознание – начало мудрости, и следовательно – начало изменения или обновления. Чтобы понять самого себя, должно быть намерение понять – и тут у нас возникают трудности. Хотя большинство из нас и недовольны, мы желаем, чтобы всё изменилось как по мановению волшебной палочки, наше недовольство выливается в стремление достичь определённого результата; испытывая недовольство, мы либо ищем другую работу, либо просто капитулируем перед окружением. Недовольство, вместо того чтобы воспламенять нас, заставлять нас подвергать сомнению жизнь, весь процесс существования, направляется в какое-нибудь узкое русло и таким образом делает нас заурядными личностями, потерявшими ту энергию, ту напряжённость, которые необходимы для того чтобы выяснить весь смысл существования. Поэтому важно открыть эти вещи самим, ибо самопознание не может быть дано нам кем-то другим, его нельзя почерпнуть ни из каких книг. Мы должны совершать открытия, а для совершения открытий необходимо намерение совершать их, необходим поиск, исследование. Пока такое намерение уяснить, глубоко исследовать себя слаба или его не существует, голословные утверждения или случайные поползновения, делаемые в этом направлении, имеют очень мало значения.

Итак, изменение мира вызывается путём изменения самого себя, потому что наше «само» есть продукт и часть всего процесса человеческого существования. Чтобы изменить себя, необходимо самопознание; без знания того, что вы такое, у вас нет фундамента для

правильной мысли, и без знания себя изменение невозможно. Нужно знать себя таким, какой вы есть, а не таким, каким вы хотите быть, что является всего лишь идеалом и, следовательно – выдумка, нереальность; только то, что вы есть, может быть изменено, а не то, чем вы хотите быть. Знание самого себя таким, какой вы есть, требует необыкновенной живости ума, потому что то, что есть, постоянно подвергается изменению, и чтобы быстро следовать изменению того, что есть, ум не должен быть связан никакой особой догмой или верой, никаким особым образцом для действия. Если вы хотите следовать чему-нибудь, не годится быть связанным. Для знания самого себя нужна сознательность, живость ума, обладающего свободой от всяких верований, от всякой идеализации, потому что верования и идеалы только придают ненужную окраску, искажающую подлинное восприятие. Желая знать, что вы есть, нельзя воображать или верить во что-то, что вы не есть. Если я жаден, завистлив, склонен к насилию – грош цена иметь идеал ненасилия, нежадности. Но знать, что вы жадны или склонны к насилию, знать и понимать это – требует необыкновенной способности восприятия, не так ли? Это требует честности, ясности мысли, тогда как погоня за идеалом, уводящим от того, что есть – бегство; это препятствует открытию и непосредственному воздействию на то, что вы есть.

Понимание того, что вы есть, каким бы оно ни было – уродливое или прекрасным, порочным или злым, – пониманием того, что вы есть, без искажения, есть начало добродетели. Добродетель необходима, ибо она приносит свободу. Только при добродетели вы можете свершать открытия, вы можете жить – не при культивировании добродетели, что приносит всего лишь респектабельность, а не понимание и свободу. Есть разница – «быть добродетельным» и «становиться добродетельным». «Быть добродетельным» возникает посредством понимания того, что есть, тогда как «становиться добродетельным» – откладывание, тщательное скрывание того, что есть, с помощью того, чем вы хотели бы быть. Следовательно, «становясь добродетельным» вы избегаете непосредственного воздействия на то, что есть. Этот процесс избегания того, что есть, путём культивирования идеала возводится в добродетель; но внимательно и прямо посмотрев на дело, вы увидите – ничего подобного. Это просто откладывание встречи лицом к лицу с тем, что есть. Добродетель – не становление тем, что не есть; добродетель – понимание того, что есть, и, следовательно, свобода от того, что есть. Добродетель необходима в обществе, которое быстро распадается. Для того чтобы создать новый мир, новую структуру общества, отличную от старой, нужна свобода совершать открытия; а чтобы быть свободным, нужна добродетель, ибо без добродетели нет свободы. Разве сможет когда-либо безнравственный человек, стремящийся стать добродетельным, получить представление о добродетели? Аморальный человек никогда не сможет быть свободным и, следовательно, никогда не сможет узнать, что такое реальность. Реальность можно найти только при понимании того, что есть; а чтобы понять то, что есть, нужна свобода, свобода от страха того, что есть.

Чтобы понять этот процесс, нужно иметь намерение понять то, что есть, следить за каждой мыслью, чувством и действием; а понять то, что есть, крайне трудно, потому что то, что есть, никогда не бывает спокойно, статично, оно всегда в движении. То, что есть, – то, что вы есть, не то, чем вы хотели бы быть; это не идеал, потому что идеал – вымысел, но это то, что вы действительно делаете, думаете и чувствуете каждый миг. То, что есть, – действительность, и чтобы понять действительность, требуется осознание, требуется очень живой, быстрый ум. Но если мы начнём осуждать то, что есть, если мы начнём порицать его или противиться ему, мы не поймём его движения. Если я хочу понять кого-то, я же не могу осуждать его: я должен наблюдать, изучать его. Я должен любить ту самую вещь, которую я изучаю. Если вы хотите понять ребёнка, вы должны любить, а не осуждать его. Вы должны играть с ним, наблюдать его движения, его характерные особенности, манеру его поведения; но если вы будете только осуждать его, противодействовать ему или порицать его, понимания ребёнка не произойдёт. Так же и чтобы понять то, что есть, нужно наблюдать то, что думаешь, чувствуешь и делаешь каждый миг. Это – действительность. Любое другое действие, любой идеал или идеологически окрашенное действие – не действительность; это

просто желание, фиктивное желание быть чем-то иным, чем то, что есть.

Чтобы понять то, что есть, требуется состояние ума, в котором не происходит идентификации себя ни с чем или осуждения, что означает: ум чуток и тем не менее пассивен. Мы находимся в этом состоянии, когда действительно желаем понять что-то; когда присутствует напряжённый интерес, возникает это состояние ума. Когда мы заинтересованы в понимании того, что есть, подлинного состояния ума, нет необходимости насильствовать, дисциплинировать или контролировать его; напротив, возникает пассивная настороженность, внимательность. Это состояние осознания приходит тогда, когда существует интерес, намерение понять.

Полное понимание самого себя приходит не путём знания или путём накопления опыта, то есть просто развития памяти. Понимание самого себя происходит каждый миг; если мы просто накапливаем знание о самом себе, то само это знание препятствует дальнейшему пониманию, потому что накопленное знание и опыт становится центром, вокруг которого фокусируется мысль и утверждает своё бытие. Мир не отличен от нас и нашей деятельности, потому что то, что мы есть, – вот это и создаёт мировые проблемы; трудность для большинства из нас заключается в том, что мы не познаём непосредственно самих себя, а ищем систему, метод, способ действия для разрешения множества человеческих проблем.

А существует ли способ, система познания самого себя? Любой умный человек, любой философ может изобрести систему, метод; но несомненно – следование системе даст лишь результат, созданный этой системой, не так ли? Если я буду следовать определённому методу познания самого себя, то я получу результат, которого требует эта система; но результат, очевидно, не будет пониманием мной самого себя. Дело в том, что, следуя методу, системе, способу, которыми я пытаюсь познать самого себя, я формирую своё мышление, свою деятельность согласно какому-нибудь образцу; а следование образцу не есть понимание самого себя.

Следовательно, метода самопознания не существует. Поиск метода всегда подразумевает желание достичь какого-нибудь результата – а этого-то мы все и хотим. Мы следуем авторитету – не личности, так системы или идеологии, – потому что мы хотим результата, который будет удовлетворять нас, который принесёт нам безопасность. Мы на самом деле не хотим понять самих себя, своих побуждений и реакций, всего процесса своего мышления, как сознательного, так и бессознательного; мы предпочитаем следовать системе, которая обеспечивает нам результат. Но следование системе – это всегда следствие нашего желания безопасности, определённости, и результатом здесь, очевидно, не будет понимание самого себя. Следуя методу, мы должны обзаводиться авторитетом – учителя, гуру, Спасителя, Господа, – который гарантирует нам то, что мы желаем; и уж, конечно, это не путь самопознания.

Авторитет препятствует пониманию самого себя, не так ли? Под покровом авторитета, руководителя вы можете обрести на время чувство безопасности, чувство благополучия, но это не есть понимание всех процессов, происходящих в самом себе. Авторитет по самой своей природе препятствует полному осознанию самого себя, и, следовательно, в конечном счёте убивает свободу; а только в свободе может быть творчество. Творчество может возникнуть только благодаря самопознанию. Большинство из нас – люди не творческие; мы – машины для повторения, заезженные грампластинки, проигрывающие раз за разом определённые песни опыта, определённые умозаключения и воспоминания, принадлежащие нам самим или другим. Такое повторение не есть творческое бытие – но этого-то повторения мы и хотим. Из-за того, что мы хотим находиться во внутренней безопасности, мы постоянно ищем методов и средств для этой безопасности и тем самым создаём авторитет, поклонение другому, что разрушает понимание, то самопроизвольное спокойствие ума, единственно в котором и может быть состояние творчества.

Наша трудность, несомненно, заключается в том, что большинство из нас утратило это чувство творчества. Быть творческим человеком не означает, что мы должны рисовать

картины или писать стихи и стать знаменитыми. Это не творчество – это всего лишь способность выражать идею, которой публика рукоплещет или свищет. Не надо путать способность и творчество. Способность не есть творчество. Творчество – совершенно иное состояние бытия, разве не так? Это состояние, в котором «само» отсутствует, в котором ум больше не является средоточием наших опытов, наших честолюбивых планов, наших стремлений и наших желаний. Творчество не есть непрерывное состояние, оно ново каждый миг, это движение, в котором нет «я», «моё», в котором мысль не сосредоточена на каком-нибудь определённом опыте, честолюбивом замысле, достижении, цели и мотиве. Только когда «само» не существует, возникает творчество – то состояние бытия, единственно в котором и может быть реальность, творец всех вещей. Но это состояние нельзя постичь или вообразить, нельзя сформулировать или скопировать, нельзя достичь никакой системой, никакой философией, никакой дисциплиной; наоборот, оно приходит только через понимание самого себя – всего процесса собственного «само».

Понимание самого себя – не результат, не апогей; это видение самого себя каждый миг в зеркале взаимоотношений – своих взаимоотношений с собственностью, с вещами, с людьми и с идеями. Но мы находим трудным быть настороженными, осознавать – и мы предпочитаем отуплять свой ум следованием какому-нибудь методу, принятием авторитетов, суеверий и удовлетворяющих нас теорий; поэтому наш ум становится усталым, истощённым и невосприимчивым. Такой ум не может быть в творческом состоянии. Состояние творчества возникает только тогда, когда «само» – которое есть процесс опознавания и накопления – перестаёт существовать; ибо в конце концов со знание как «я» есть центр опознавания, а опознавание – про то процесс накопления опыта. Но мы все боимся быть ничем, потому что мы все хотим быть кем-то или чем-то. Маленький человек хочет быть большим человеком, безнравственный хочет быть нравственным, слабый и безвестный жаждет власти, положения и авторитета. Вот беспрестанная активность ума. Такой ум не может быть спокоен и, следовательно, никогда не сможет понять состояние творчества.

Для того чтобы изменить мир вокруг нас, с его нищетой, войнами, безработицей, голодом, с его классовыми разделениями и полным беспорядком, для этого должно произойти изменение в нас самих. Революция должна начинаться внутри самого себя – но не в соответствии с какой-нибудь верой или идеологией, потому что революция, основанная на идее или на приспособлении к определённому образцу, не есть, очевидно, революция вообще. Чтобы вызвать коренную революцию в самом себе, надо понять весь процесс своей собственной мысли и чувства, в их взаимоотношении с окружающим. Вот единственное решение всех наших проблем – а не в том, чтобы иметь больше научных дисциплин, больше вер, больше идеологий и больше учителей. Если мы сможем понимать самих себя как мы есть каждый миг, не втягиваясь при этом в процесс накопления, то мы увидим, как наступает покой, который не есть продукт ума, покой, который нельзя вообразить или культивировать; и только в этом состоянии покоя может быть творчество.

Глава пятая

Действие и идея

Я хотел бы обсудить проблему действия. Это может показаться трудным для понимания и сложным поначалу, но, надеюсь, поразмыслив, мы сможем ясно увидеть этот вопрос – ведь всё наше существование, вся наша жизнь представляет процесс действия.

Жизнь большинства из нас заключается в ряде действий, несвязанных, разъятых, по-видимому, действий, ведущих к распаду, к разочарованию. Это проблема, касающаяся каждого из нас, потому что мы живём действием и без действия не существует ни жизни, ни опыта, ни мышления. Мысль есть действие; и просто стремиться к действию на одном определённом уровне сознания, он же внешний уровень, просто вовлекаться во внешнее действие без понимания всего процесса самого действия – неизбежно приведёт нас к безысходности и разочарованию, к страданию.

Наша жизнь – ряд действий или процесс действия на разных уровнях сознания. Сознание – это переживание на опыте, наименование и регистрирование. Иначе говоря, сознание – это вызов и реакция, то есть переживание на опыте, затем обозначение, или наименование, и затем регистрирование, то есть память. Этот процесс и есть действие, не так ли? Сознание – это действие; и без вызова, реакции, без переживания на опыте, наименования или обозначения, без регистрирования, то есть памяти, действия не существует.

Так ведь действие создаёт деятеля. То есть деятель возникает, когда действие имеет в виду результат, цель. Если в действии нет результата, тогда нет и деятеля; но если имеется в виду цель или результат, тогда действие выводит на сцену деятеля. Таким образом, деятель, действие и цель или результат – это унитарный, единый процесс, который возникает, когда действие имеет в виду цель. Действие, направленное на результат, – воля; в противном случае воля не существует, не так ли? Желание достичь цели вызывает к жизни волю, то есть деятеля, – я хочу достичь, я хочу написать книгу, я хочу быть богатым человеком, я хочу написать картину.

Нам хорошо знакомы эти три состояния: деятель, действие и цель. Это наше повседневное существование. Я как раз объясняю то, что есть; но мы начнём понимать как изменить то, что есть, только тогда, когда ясно рассмотрим его, так, чтобы не оставалось никаких иллюзий, никаких предвзятых мнений, никаких предубеждений относительно его. Так вот, эти три состояния, которые составляют опыт, – деятель, действие и результат – являются, несомненно, процессом становления. В противном случае становления не существует, не так ли? Если нет деятеля и если нет действия, направленного к цели, нет и становления; но жизнь, как мы знаем её, наша повседневная жизнь, есть процесс становления. Я беден, и я действую, имея в виду цель – стать богатым. Я безобразен, и я хочу стать красивым. Следовательно, моя жизнь – это процесс становления кем-то или чем-то. Воля быть есть воля стать, проявляющаяся на различных уровнях сознания, в разных состояниях, в чём присутствует вызов, реакция, наименование и регистрирование. И вот это становление есть борьба, это становление есть страдание, не так ли? Это постоянная борьба: я – такой, а хочу стать – сякой.

Следовательно, в таком случае проблема такова: разве не существует действия без становления? Разве не существует действия без страдания, без вечного боя? Если нет цели, нет и деятеля, ибо действие, имеющее в виду цель, создаёт деятеля. Но может ли быть действие без имеющейся в виду цели и, следовательно, без деятеля – то есть без желания результата? Такое действие – не становление и, следовательно, не борьба. Это – состояние действия, состояние переживания на опыте, без переживающего и без опыта. Это звучит довольно философски, но на самом деле – совсем просто.

В момент переживания на опыте вы не осознаёте себя как переживающего, отделённого от опыта; вы находитесь в состоянии переживания на опыте. Возьмём самый простой пример: вы разгневаны. В самый миг гнева нет ни переживающего, ни опыта; есть только переживание на опыте. Но как только вы выходите из этого состояния переживания на опыте, так в следующую долю секунды возникает переживающий и опыт, деятель и действие, имеющее в виду цель – освободиться от гнева или подавить гнев. Мы часто оказываемся в этом состоянии, состоянии переживания на опыте; но мы всегда выходим из него и обозначаем его каким-нибудь термином, наименовываем и регистрируем его и таким образом придаём непрерывность становлению.

Если мы сможем понять действие в полном смысле слова, тогда это полное понимание окажет воздействие и на нашу внешнюю деятельность тоже; но прежде мы должны понять всю природу действия. Так вот, разве идея вызывает действие? Разве сначала у вас возникает идея, а потом вы действуете? Или сначала происходит действие, а затем, из-за того что действие создаёт конфликт, вы выстраиваете вокруг него идею? Действие ли создаёт деятеля или сперва появляется деятель?

Очень важно открыть, что возникает сначала. Если возникает идея, тогда действие

всего лишь приспособливается к идее и, следовательно, это больше не действие, но подражание, принуждение, подстраивание под идею. Очень важно осознать это; ведь поскольку наше общество по большей части строится на интеллектуальном или вербальном уровне, у всех у нас сначала возникает идея, а за ней следует действие. Действие в таком случае – служанка идеи, а простое нагромождение идей, очевидно, пагубно сказывается на действии. Идеи порождают дальнейшие идеи, и простое размножение идей вызывает антагонистические противоречия, и общество качается, как пьяный, от этого интеллектуального процесса идеации, построения идей. Структура нашего общества очень интеллектуализирована; мы развиваем интеллект за счёт остальных факторов нашего существования, и поэтому мы задыхаемся от идей.

В состоянии ли идеи производить действие, или идеи все го лишь формируют мысль и, следовательно, ограничивают действие? Когда действие совершается под принуждением идеи, действие никогда не сможет освободить человека. Для нас необыкновенно важно понять этот пункт. Если идея формирует действие, тогда действие никогда не сможет привести к разрешению наших страданий, ибо, прежде чем такое разрешение сможет наступить, мы должны сначала открыть, как возникает идея. Исследование идеации, построения идей, будь то социалистических, капиталистических, коммунистических или различных религиозных идей, имеет важнейшее значение, особенно сейчас, когда наше общество находится на краю пропасти, навлекая на себя новую катастрофу, новое кровопускание. Те, кто действительно всерьёз намерен открыть, как по-человечески разрешить множество стоящих перед нами проблем, должны сначала понять эту проблему идеации.

Что мы подразумеваем под идеей? Как возникает идея? И могут ли идея и действие сойтись воедино? Предположим, у меня есть идея и я хочу воплотить её в жизнь. Я ищу способ воплощения этой идеи, и мы размышляем, тратим своё время и энергию на споры о том, как лучше воплотить идею. Поэтому на самом деле очень важно выяснить, как возникают идеи; и, открыв здесь истину, мы сможем начать обсуждать вопрос действия. Не обсуждая идей, просто выяснять, как действовать, – не имеет смысла.

Итак, как у вас возникает идея – самая простая идея, необязательно философская, религиозная или экономическая? Очевидно, это процесс мысли, не так ли? Идея – результат процесса мысли. Без процесса мысли не может быть идеи. Значит, я должен понять сам процесс мысли, прежде чем я смогу понять его продукт, идею. Что мы подразумеваем под мыслью? Когда вы мыслите? Очевидно, мысль – результат реакции, реакции нервов или психологической реакции, не так ли? Это непосредственная реакция чувств на ощущение, или, психологически, это реакция накоплений памяти. Возникает непосредственная реакция нервов на ощущение, и возникает психологическая реакция накоплений памяти: расовых, групповых влияний, влияний гуров, семьи, традиции и так далее – всё это вы и называете мыслью. Значит, процесс мысли – это реакция памяти, не так ли? Вы не имели бы мыслей, не будь памяти; и реакция памяти на определённый опыт приводит в действие процесс мысли. Скажем, например, я скопил воспоминания национализма, называю себя индусом. Эта кладовая воспоминаний о прошлых реакциях, действиях, вовлечённостях, традициях, обычаях реагирует на вызов мусульманина, буддиста или христианина, а реакция памяти на вызов неизбежно вызывает к жизни процесс мысли. Понаблюдайте за процессом мысли, действующим в вас самих, и вы сможете проверить эту истину непосредственно. Вы оскорблены кем-то, и это остаётся в вашей памяти; это формирует часть заднего плана вашей личности. Когда вы встречаете оскорбителя, что является для вас вызовом, реакцией будет память об этом оскорблении. Значит, реакция памяти, которая есть процесс мысли, создаёт идею; следовательно, идея всегда обусловлена, – и важно это понять. Иначе говоря, идея – результат процесса мысли, процесс мысли – реакция памяти, а память всегда обусловлена. Память всегда находится в прошлом, и эта память обретает жизнь в настоящем благодаря вызову. Сама по себе память жизнью не обладает; она начинает жить в настоящем, когда сталкивается с вызовом. И всякая память, пассивная ли или активная, обусловлена, разве не

так?

Следовательно, нужен совершенно иной подход. Вы должны сами выяснить, внутренне, действуете ли вы, опираясь на идею, и бывает ли действие без идеации, без вовлечения идей. Давайте выясним, что это такое: действие, которое не основано на идее.

Когда вы действуете без идеации, то есть без вовлечения идей? Когда существует действие, которое не является результатом опыта? Действие, основанное на опыте, как мы сказали, ограничивает и, следовательно, служит препятствием. Действие, не являющееся следствием идеи, спонтанно, когда процесс мысли, который основан на опыте, не контролирует действие; что означает: независимое от опыта действие существует тогда, когда ум не контролирует действие. Это единственное состояние, в котором рождается понимание: когда ум, основанный на опыте, не руководит действием. Каково действие, когда процесса мысли нет? Может ли быть действие без процесса мысли? Вот я хочу построить мост, дом. Я разбираюсь в технике, и техника говорит мне, как их построить. Мы называем это действием. Существует техника писания стихов, картин, действия, сопряжённые с управленческими обязанностями, с общественными реакциями, реакциями на окружение. Всё это основано на идее или предшествующем опыте, формирующем действие. Но есть ли действие, когда нет идеации, вовлечения идей?

Несомненно, такое действие есть, когда идея перестаёт существовать; а идея перестаёт существовать только тогда, когда существует любовь. Любовь не память. Любовь не опыт. Любовь не размышление о существе, которое любишь, ибо тогда это всего лишь мысль. Вы не можете мыслить о любви. Вы можете мыслить о существе, которое любите или которому преданы без остатка, – о своём гуру, образе божества, о своей жене, своём муже; но мысль, символ – это не реальность, каковой является любовь. Следовательно, любовь – не опыт.

Когда существует любовь, существует и действие, не так ли? И разве это действие не освобождает? Оно не результат процесса мышления, и между любовью и действием нет того разрыва, который существует между идеей и действием. Идея всегда стара, всегда прошлое, отбрасывающее тень на настоящее, и мы вечно пытаемся построить мост между действием и идеей. Когда существует любовь – не являющаяся деятельностью ума, не являющаяся возгонкой идей, не являющаяся памятью, не являющаяся следствием опыта, изощрённой дисциплины, – тогда сама любовь есть действие. Это единственная вещь, которая освобождает. До тех пор пока происходит деятельность ума, до тех пор пока происходит формирование действия идеями, то есть опытом, не может быть освобождения; и до тех пор пока продолжается этот процесс, всякое действие ограничено. Когда эта истина видна, тогда на свет появляется то качество любви, которое не есть деятельность ума, которое нельзя помыслить.

Нужно осознать весь этот процесс: как возникают идеи, как из идей рождается действие и как идеи, завися от ощущения, контролируют действие и, следовательно, ограничивают действие. И неважно, чьи это будут идеи, левых или крайне правых. До тех пор пока мы цепляемся за идеи, мы находимся в состоянии, в котором познания на опыте не может быть вообще. Тогда мы просто живём в поле времени – в прошлом, служащем источником дополнительных ощущений, или в будущем, являющемся иной формой ощущения. Только когда ум свободен от идеи, может быть познание на опыте.

Идеи – не истина; а истина – это что-то, что должно быть непосредственно познаваемо на опыте, каждый миг. Это неопыт, которого вы желаете, – тогда это просто ощущение. Только когда мы сможем выйти за пределы связки идей – представляющей собой «я», представляющей собой ум, обладающей частичной или полной непрерывностью, – только когда мы сможем выйти за пределы этого, когда мысль будет находиться в полном молчании, тогда возникнет состояние познания на опыте. Тогда мы узнаем, что такое истина.

Глава шестая

Вера

Вера и знание сокровеннейшим образом связаны с желанием; и, возможно, если мы сможем понять два этих вопроса, мы увидим, как действует желание и поймём присущие ему сложности.

Одной из вещей, как мне кажется, которую, не задумываясь, принимают и считают чем-то само собой разумеющимся большинство из нас, является вопрос верований. Я не нападаю на верования. Что мы попытаемся сделать, так это выяснить – почему мы принимаем верования; и если сможем понять мотивы, причины, вызывающие такое принятие, тогда, возможно, мы будем в состоянии не только понять, почему мы принимаем веру, но также освободиться от неё. Можно легко видеть, как политические и религиозные веры, национальные и разные другие типы вер разделяют людей, создают конфликт, беспорядок и вражду – это очевидный факт; и тем не менее мы край не неохотно расстаёмся с верой. Существует вера индуизма, христианская вера, буддийская вера – бесчисленное количество сект и национальных вер, разных политических идеологий, и все они борются друг с другом, стараясь обратить друг друга в свою веру. Можно без труда, очевидно, видеть, что вера разделяет людей, создаёт нетерпимость; возможно ли жить без веры? Это можно выяснить только изучив самого себя в своих взаимоотношениях с верой. Возможно ли жить в этом мире без веры – не меняя верований, не подменяя одну веру другой, но полностью освободившись от всех верований, чтобы встречаться с жизнью по-новому каждую минуту? В конце концов вот истина: обладать способностью встречи со всем по-новому, каждый миг, без обусловленных реакций прошлого, без накопительного эффекта памяти, который действует как барьер между вами самим и тем, что есть.

Если вы присмотритесь, вы увидите: одной из причин желания принять веру является страх. Если бы у нас не было веры, что бы произошло с нами? Не слишком ли мы напуганы тем, что с нами могло бы произойти? Если бы у нас не было образца для действия, основанного на вере – вере в Бога, или в коммунизм, или в социализм, или в империализм, или в какую-нибудь религиозную формулу, какую-нибудь догму, которой мы обусловлены, – мы почувствовали бы себя совершенно потерянными, не так ли? И не является ли принятие веры тщательным сокрытием страха – страха быть на самом деле ничем, быть пустым? В конце-то концов чашка полезна только когда она пуста; и ум, заполненный верами, догмами, утверждениями, цитатами, – на самом деле нетворческий ум; это всего лишь повторяющийся, как попугай, ум. Бегство от страха – страха пустоты, страха одиночества, страха стагнации, страха не достичь, не добиться, не иметь успеха, не быть, не стать кем-то или чем-то – вот, несомненно, одна из причин, почему мы так горячо и жадно принимаем веру. А разве путём принятия веры мы поймём самих себя? Наоборот. Вера, религиозная или политическая, очевидно, препятствует пониманию самих себя. Она действует как ширма, сквозь которую мы смотрим на самих себя. А можем ли мы смотреть на самих себя без веры? Если мы устраним веру – множество вер, которыми мы опутали себя, – останется ли что-нибудь, через что смотреть? Если у нас не будет вер, с которыми мы идентифицировали себя, тогда ум, не идентифицируя себя ни с чем, окажется способен смотреть на себя как есть – и это-то, несомненно, и будет началом понимания самого себя.

Это действительно очень интересная проблема – вопрос о вере и знании. Какую необыкновенную роль играют они в нашей жизни! Как много у нас вер! Несомненно, чем интеллектуальнее, чем культурнее, чем духовнее, если можно употребить это слово, человек, тем меньшей оказывается его способность к пониманию. У дикарей неисчислимое число суеверий и предрассудков, даже в современном мире. Чем более мыслящий, сознающий, чуткий человек, тем менее это, возможно, верующий человек. Это происходит потому что вера связывает, вера изолирует; и мы видим – это так во всём мире, экономическом и политическом мире, а также и в так называемом духовном мире. Вы верите, что есть Бог, а я, возможно, верю, что Бога нет; или вы верите в полный государственный контроль над всем и над каждой личностью, а я верю в частное предпринимательство и прочее в этом роде; вы верите, что есть только один Спаситель и что с его помощью вы сможете достичь своей цели, а я не верю в это. Таким образом, вы со своей верой и я с моей – мы оба занимаемся

самоутверждением. Хотя мы оба говорим о любви, о мире, о единстве рода человеческого, о единстве жизни – это абсолютно ничего не значит; ибо в действительности сама вера есть процесс изоляции. Вы брахман, а я не брахман; вы христианин, а я мусульманин, и так далее. Вы говорите о братстве, и я также говорю о том же самом братстве, любви и мире; но в действительности мы разделены, отделены друг от друга. Человек, который хочет мира и хочет создать новый мир, счастливый мир, несомненно, не может изолировать себя посредством какой-нибудь формы веры. Ясно ли это? Это может быть только словесами, но если вы увидите значение, справедливость и истину сказанного, оно начнёт действовать.

Мы видим, там, где действует процесс желания, там должен быть и процесс изоляции посредством веры, ибо очевидно – вы верите, для того чтобы обезопасить себя, экономически, духовно, а также внутренне. Я не говорю о тех, кто верит по экономическим соображениям: они так воспитаны, что зависят от своей работы, и поэтому будут католиками, индуистами – не важно кем – до тех пор, пока для них будет работа. Не говорим мы и о тех, кто цепляется за веру удобства ради. Может быть, с большинством из нас так и обстоит дело. В некоторые вещи мы верим, потому что нам так удобнее. Отметая в сторону эти экономические резоны, мы должны глубже вникнуть в вопрос. Возьмём тех людей, кто крепко верит во что-нибудь, в экономической, социальной или духовной областях; процесс, стоящий за этим, – психологическое желание безопасности, не так ли? А затем возникает желание, чтобы эта безопасность продолжалась непрерывно. Мы не обсуждаем здесь, существует или нет такая вещь, как непрерывность; мы обсуждаем только побуждение, постоянное стремление верить. Миролюбивый человек, человек, который хочет по-настоящему понять весь процесс человеческого существования, не может быть связан верой, не так ли? Он видит, что действующее в нём желание – это средство обретения безопасности. Не впадайте, пожалуйста, в другую крайность и не говорите, будто я проповедую безрелигиозность. Это вовсе не входит в мои намерения. В мои намерения входит показать, что до тех пор, пока мы не поймём процесс желания в форме веры, должен будет существовать раздор, должен будет существовать конфликт, должно будет существовать горе и человек человеку будет волк, – что мы и видим каждый день. А если я пойму, если я осознаю, что процесс желания принимает форму веры, которая является выражением жажды внутренней безопасности, тогда моя проблема будет состоять не в том, чтобы верить в то или иное, а в том, чтобы освободиться от желания безопасности. Может ли ум быть свободен от желания безопасности? Вот проблема – а не во что верить и как сильно верить. Вера – это только выражение внутренней жажды психологической безопасности, уверенности хоть в чём-то – когда всё так неверно в этом мире.

Может ли ум, может ли сознательный ум, может ли личность освободиться от желания безопасности? Мы хотим быть в безопасности и поэтому нуждаемся в помощи имущества, собственности, семьи. Мы хотим обезопасить себя, внутренне и духовно, возводя стены веры, что указывает на жажду обрести уверенность в себе. Можете ли вы как личность быть свободны от стремления, жажды безопасности, которая выражается в желании верить во что-то? Если мы не освободимся от всего этого, мы будем источником раздора; мы не станем миротворцами; мы не будем иметь любви в своих сердцах. Вера разрушает; и это видно по нашей каждодневной жизни. Разве я могу видеть самого себя, будучи захвачен процессом желания, который выражается в цеплянии за веру? Может ли ум освободиться от веры – не найти для неё замену, но полностью освободиться от неё? Вы не можете удовлетвориться словесным «да» или «нет»; но вы будете в состоянии дать определённый ответ, если вашим намерением будет – освободиться от веры. Тогда вы неизбежно дойдёте до той точки, на которой станете искать способа освободиться от стремления к безопасности. Очевидно, такой вещи, как внутренняя безопасность, которая, как вам угодно верить, будет продолжаться непрерывно, не существует. Вам угодно верить, что есть Бог, который тщательно заботится о ваших пустяковых мелких делах, говорит вам, с кем видаться, что делать и как делать. Это ребяческое и не зрелое мышление. Вы думаете, что Великий Отец Небесный наблюдает за каждым из нас. Это всего лишь проекция того, что угодно лично вам.

Очевидно, это не истина. Истина должна быть чем-то совсем другим.

Наша следующая проблема – проблема знания. Необходимо ли для понимания истины знание? Когда я говорю «знаю», подразумевается наличие знания. Может ли такой отягощённый знанием ум быть способен исследовать и найти, что такое реальность? И кроме того – что мы знаем, чем мы так гордимся? В самом деле, что мы знаем? Мы знаем информацию; нас переполняют информация и опыт, основанные на нашей обусловленности, нашей памяти и наших способностях. Когда вы говорите «я знаю», что вы имеете в виду? Либо признание, что вы знаете есть признание факта, владения определённой информацией, либо это имеющийся у вас опыт. Постоянное накопление информации, приобретение различных форм знания – всё это и составляет утверждение «я знаю»; и вы начинаете переводить прочитанное вами на язык своей подноготной, своих желаний, своего опыта. Ваше знание – это вещь, в которой происходит процесс, подобный процессу желания в действии. На место веры мы подставляем знание. «Я знаю, я приобрёл опыт, его нельзя опровергнуть; таков мой опыт, я полностью полагаюсь на него», – вот признаки этого знания. Но изучив, проанализировав, разумнее и тщательнее взвесив его, вы обнаружите, что само утверждение «я знаю» – это ещё одна стена, разделяющая вас и меня. Вы находите убежище за этой стеной, ищете покой и безопасность. Следовательно, чем больше ум отягощён знанием, тем менее способен он к пониманию.

Не знаю, задумывались ли вы когда-либо над проблемой приобретения знания – разве знание, в конце концов, помогает нам любить, освободиться от тех качеств, которые производят конфликт в нас самих и с нашими соседями; разве знание освобождает ум от честолюбия? А ведь честолюбие – это одно из тех качеств, которые в конечном счёте разрушают взаимоотношения, восстанавливают человека против человека. Если бы мы хотели жить в мире друг с другом, честолюбие, несомненно, должно было бы полностью кончиться – и не только политическое, экономическое, общественное честолюбие, но и гораздо более тонкое и пагубное честолюбие, духовное честолюбие – честолюбивое стремление быть кем-то или чем-то. Возможно ли уму когда-либо освободиться от процесса накопления знания, от этого желания знать?

Очень интересно наблюдать, какую необыкновенно сильную роль играют в нашей жизни две эти вещи, знание и вера. Посмотрите, как мы поклоняемся тем, кто обладает огромным знанием и эрудицией! Понимаете ли вы смысл этого? Если вы хотите найти что-то новое, испытать что-то, что не является проекцией вашего воображения, ваш ум должен быть свободен, не так ли? Он должен быть способен видеть что-то новое. К сожалению, каждый раз, как вы видите что-то новое, вы привносите в него всю уже известную вам информацию, всё своё знание, все свои прошлые воспоминания; и, очевидно, вы становитесь неспособны смотреть, неспособны воспринимать ничего, что было бы новым, что не исходило бы от старого. Не прилагайте, пожалуйста, это сразу же к частным случаям. Если я не знаю, как добраться домой, я заблужусь; если я не умею водить машину, мне от неё мало толку. Это совсем другое. Мы не обсуждаем здесь это. Мы обсуждаем знание, которое используется как средство безопасности, психологическое и внутреннее желание быть кем-то или чем-то. Что даёт вам знание? Авторитет знания, вес знания, чувство значительности, достоинства, ощущение жизненной силы и так далее? Человек, который говорит «я знаю», «это так» или «это не так» – несомненно, перестал мыслить, перестал исследовать весь процесс желания.

Проблема наша в таком случае, как я вижу её, состоит в том, что мы связаны, отягощены верой, знанием; и возможно ли уму освободиться от вчерашнего дня и от вер, которые приобретены в процессе вчерашнего дня? Понимаете ли вы вопрос? Возможно ли для меня как личности и для вас как личности, жить в обществе и всё же быть свободным от вер, в которых мы воспитаны? Возможно ли уму быть свободным от всякого знания, от всякого авторитета? Мы читаем разные священные писания, религиозные книги. В них очень тщательно расписано, что делать, что не делать, как достичь цели, какова эта цель и что такое Бог. Все вы знаете это наизусть и следовали этим предписаниям. Вот ваше знание, вот

что вы приобрели, вот чему вы научились; и вы следуете по этому пути. То, чему вы следуете, то, что вы ищете, то вы, очевидно, и найдёте. Но реальность ли это? Не проекция ли это вашего собственного знания? То не реальность. Возможно ли осознать это прямо сейчас – не завтра, но сейчас – и сказать: «Я вижу ту истину, что это не реальность», – и отбросить всё это, так чтобы ваш ум не был изуродован процессом воображения, проекции?

Способен ли ум быть свободен от веры? Вы сможете освободиться от веры только тогда, когда поймёте внутреннюю природу причин, заставляющих вас держаться за неё, не только сознательные, но и бессознательные мотивы, которые заставляют вас верить. В конце концов, мы не какие-то поверхностные существа, действующие только на сознательном уровне. Мы сможем проникнуть в более глубокие слои своей сознательной и бессознательной деятельности, если дадим шанс бессознательному уму, ибо он реагирует гораздо быстрее, чем сознательный ум. В то время как ваш сознательный ум спокойно размышляет, слушает и наблюдает, бессознательный ум гораздо более активен, гораздо более чуток и гораздо более восприимчив; он сможет, следовательно, дать ответ. Может ли ум, поработанный, запуганный, изнасилованный, принужденный верить ум – может ли такой ум освободиться чтобы мыслить? Может ли он взглянуть по-новому и уничтожить процесс изоляции между вами и другим? Не говорите, пожалуйста, что вера объединяет людей. Вовсе не так. Это очевидно. Ни одна организованная религия никогда не делала этого. Взгляните на самих себя в своей собственной стране. Все вы верующие, но разве все вы держитесь вместе? Разве все вы объединены? Вы сами знаете, что нет. Вы разделены на множество мелких маленьких партий, каст; вам известны все эти бесчисленные разделения. Один и тот же процесс происходит во всём мире, на Востоке ли, на Западе ли: христиане уничтожают христиан, убивая друг друга из-за самых ничтожных вещей, загоняя людей в концентрационные лагеря, применяя все ужасы вой ны. Следовательно, вера не объединяет людей. Это так ясно. А если это ясно, и если это истина, и если вы видите её, то должно следовать этой истине. Но трудность в том, что большинство из нас не видит этой истины, потому что мы неспособны взглянуть в лицо тому, что не находимся во внутренней безопасности, в лицо внутреннему чувству одиночества. Мы хотим опереться на что-то, будь то государство, будь то каста, будь то национализм, будь то учитель, или Спаситель, или что-нибудь ещё. И когда мы видим ложность всего этого, вот тогда ум способен – хоть ненадолго, хоть на секунду – видеть истину; пусть даже она окажется ему не по силам и он попытается назад. Но хватит и того, чтобы видеть её хоть на время; если вы сможете хотя бы мимолётную секунду видеть истину, это будет достаточно, ибо тогда вы увидите: происходит нечто необыкновенное. В дело вступает бессознательное, хотя сознательное может и противиться. Эта секунда – лишь миг, она не имеет продолжения; но эта секунда – единственное, что имеет значение, и она принесёт свои плоды, несмотря на всё сопротивление сознательного ума.

Итак, наш вопрос таков: «Возможно ли уму быть свободным от знания и веры?» Разве состав ума – не знание и вера? Разве структура ума состоит не из веры и знания? Вера и знание есть процесс опознания, центр ума. Процесс замыкающий, процесс как сознательный, так и бессознательный. Может ли ум быть свободен от своей собственной структуры? Может ли ум перестать быть? Вот проблема. За умом, как мы знаем, стоит вера, желание, стремление к безопасности, знание и накопление сил. Если, при всём своём могуществе и превосходстве мы не сможем мыслить самостоятельно, мира в мире не бывать. Вы можете сколько угодно говорить о мире, вы можете создавать политические партии, вы можете кричать о мире со всех кровель; но вы не можете наслаждаться миром, потому что в уме таится самый источник, создающий противоречия, изолирующий и разделяющий. Сторонник мира, серьёзный человек не может изолировать себя и, тем не менее, говорить о братстве и мире. Это только игра, политическая или религиозная игра, просто чувство достижения и честолюбие. Человек, который действительно серьёзен в этом, который хочет открыть здесь истину, должен прямо взглянуть в лицо проблеме знания и веры; он должен изучить её, открыть, как работает весь процесс желания, желания безопасности, желания уверенности.

Ум, который хочет быть в состоянии вместить новое – будь то истина, будь то Бог или что угодно, – должен, несомненно, перестать накапливать, собирать знание; он должен отбросить прочь всякое знание. Ум, отягощённый знанием, просто не в состоянии понять, что такое реальность – реальность, которая безмерна.

Глава седьмая

Усилие

Вся наша жизнь, для большинства из нас, основана на усилии, некоем волении. Мы не в состоянии представить себе действие без воления, без усилия; наша жизнь основана на нём. Наша социальная, экономическая и так называемая духовная жизнь – это ряд усилий, высшей точкой которых всегда является определённый результат. И мы считаем усилие обязательным, необходимым.

Для чего мы делаем усилие? Не для того ли, собственно говоря, чтобы достичь результата, стать кем-то или чем-то, добиться цели? Если мы не будем делать усилие, мы считаем, что загниём. Мы одержимы идеей о цели, к которой постоянно стремимся; и это стремление стало частью нашей жизни. Если мы хотим переделать себя, если мы хотим произвести кардинальные изменения в себе, мы предпринимаем гигантские усилия по искоренению старых привычек, изо всех сил сопротивляемся привычному влиянию окружения. Так, мы используем ряд усилий для того, чтобы найти что-то или достичь чего-то, для того, чтобы жить вообще.

Не является ли всякое такое усилие активностью нашего «само»? Не является ли усилие эго(само)центрической активностью? Если мы совершаем усилие из центра нашего «само», оно неизбежно должно вызывать ещё больший конфликт, ещё большую запутанность, ещё большее страдание. И всё же мы продолжаем делать усилие за усилием. Очень немногие из нас осознают, что эго(само)центрическая активность усилия не проясняет ни одной из наших проблем. Напротив, она увеличивает нашу запутанность и страдание, наше горе. Мы знаем это; и тем не менее продолжаем надеяться как-то вырваться из тисков эго(само)центрической активности усилия, действия воли.

Думаю, мы поймём смысл жизни, если поймём, что значит делать усилие. Разве счастье приходит благодаря усилию? Пытались ли вы когда-нибудь быть счастливым? Это невозможно, не так ли? Вы боретесь за то, чтобы быть счастливым, а сейчас нет как нет? Радость приходит не путём подавления себя, не путём самоконтроля или потворства себе. Вы можете потворствовать себе, но вас ожидает горечь в конце. Вы можете подавлять или контролировать себя, но за этим всегда скрывается борьба. Следовательно, ни счастье не приходит благодаря усилию, ни радость – благодаря самоконтролю и подавлению себя; и всё же вся наша жизнь – ряд подавлений самих себя, ряд контролей над собой, ряд достойных сожаления потворств самим себе. К этому прибавляется постоянное преодоление, постоянная борьба со своими страстями, своей жадностью и глупостью. Не прикладываем ли мы все силы, не боремся ли мы, не делаем ли мы усилия в надежде найти счастье, найти что-то, что даст нам чувство покоя, чувство любви? А разве любовь или понимание приходят путём борьбы? Думаю, очень важно понять, что мы подразумеваем под борьбой, под усилием.

Усилие, не означает ли оно борьбу – борьбу за то, чтобы изменить то, что есть, в то, что не есть, в то, что должно быть или должно стать? И вот мы постоянно боремся за то, чтобы избежать прямо смотреть в лицо тому, что есть, или пытаемся убежать от него, или преобразовать, изменить то, что есть. По-настоящему довольный человек – человек, который понимает то, что есть, придаёт правильное значение тому, что есть. Вот истинное довольство; это озабоченность не владением малым или многим, но – пониманием всего значения того, что есть; а такое понимание может прийти только тогда когда вы признаёте то, что есть, когда вы осознаёте его, а не когда вы пытаетесь преобразовать или изменить его.

Итак, мы видим, что усилие – борьба за преобразование того, что есть, во что-то, что

вы хотите, чтобы было. Речь идёт только о психологической борьбе, а не о борьбе с какой-нибудь физической проблемой, наподобие инженерной, не о каком-нибудь открытии или чисто техническом преобразовании. Я говорю только о той борьбе, которая разворачивается на психологическом плане, всегда преобладающем над планом техническим. Вы можете с величайшим тщанием построить чудесное общество, пользуясь бесчисленными знаниями, которые дала нам в руки наука. Но до тех пор пока не будут поняты психологическая битва и борьба, до тех пор пока не будут преодолены психологические обертоны и подводные течения, структура общества, как бы изумительно ни была построена она, обречена на крах – как это и происходит вновь и вновь.

Усилие – отвлекающий манёвр от того, что есть. Как только я принимаю то, что есть, – борьбы нет. Всякая форма борьбы – показатель отвлечения от того, что есть; и такое отвлечение, то есть усилие, должно существовать до тех пор пока я, психологически, хочу преобразовать то, что есть, во что-то, что не есть.

Мы должны быть, прежде всего, свободны, чтобы видеть, что радость и счастье не приходят через усилие. Разве творчество возникает благодаря усилию – или творчество возникает только с прекращением усилия? Когда вы пишете, рисуете или поёте? Когда вы творите? Несомненно, когда усилия нет, когда вы совершенно открыты, когда вы находитесь в полном общении на всех уровнях, составляете единое целое со всем. Тогда наступает радость и тогда вы начинаете петь, или писать стихи, или рисовать, или что-то мастерить. Миг творчества не рождается из борьбы.

В понимании вопроса творчества нам, возможно, откроется и понимание того, что мы разумеем под усилием. Является ли творчество следствием усилия и сознаём ли мы в тот миг, когда творим? Или творчество – это чувство полного самозабвения, чувство, когда не существует беспорядка, когда абсолютно не осознаёшь движения мысли, когда наличествует только совершенное, полное, богатое бытие? Является ли это состояние результатом тяжёлого мучительного труда, борьбы, конфликта, усилия? Не знаю, случалось ли вам когда-либо замечать, что когда вы делаете что-то легко и быстро – усилия нет, борьба полностью отсутствует; но поскольку наша жизнь состоит по большей части из ряда битв, конфликтов и борений, мы не можем представить себе такой жизни, такого состояния бытия, в котором борьба полностью прекратилась.

Чтобы понять состояние бытия без борьбы – состояние творческого бытия, – надо, несомненно, исследовать всю проблему усилия. Под усилием мы понимаем стремление осуществить себя, стать кем-то или чем-то, не так ли? Вот я – одно, а хочу стать – другое; я – не «то», а должен стать – «то». В становлении «тем» присутствует усилие, присутствует битва, конфликт, борьба. В этой борьбе мы неизбежно озабочены тем, как бы осуществить себя путём достижения цели; мы стремимся к самоосуществлению – в вещи, в личности, в идее, а это требует постоянной битвы, борьбы, усилия стать, осуществиться. Мы приняли, таким образом, усилие как неизбежность; и я спрашиваю: так ли уж она неизбежна, борьба за то, чтобы стать кем-то? Почему существует эта борьба? Там, где есть желание самоосуществиться, в любой степени и на любом уровне, там должна быть и борьба. Самоосуществление – вот мотив, побуждение, которое стоит за усилием; у крупного руководителя, у домашней хозяйки, у бедняка – в каждом идёт битва за то, чтобы кем-то стать, самоосуществиться.

Почему же существует желание самоосуществиться? Очевидно, желание осуществить себя, стать кем-то возникает тогда, когда появляется осознание, что я ничто. Оттого, что я ничто, оттого, что я не самодостаточен, пуст, внутренне беден, я борюсь за то, чтобы чем-то стать; внешне или внутренне, я борюсь за то, чтобы осуществить себя – в личности, в вещи, в идее. Заполнение внутренней пустоты – вот весь процесс нашего существования. Осознавая себя пустым, внутренне бедным, мы боремся за накопление внешних вещей либо за культивирование внутренних богатств. Усилие возникает только при бегстве от внутренней пустоты – бегстве путём действия, путём созерцания, путём приобретательства, путём достижения, путём власти и так далее. Это наше повседневное существование. Я осознаю

свою несамодостаточность, свою внутреннюю бедность и борюсь за то, чтобы бежать от них или заполнить их. Такое бегство, избегание или попытка заполнить пустоту вызывают борьбу, распрю, усилие.

А если не делаешь усилия бежать, что происходит? Живёшь с этим одиночеством, с этой пустотой; и принимая эту пустоту, обнаружишь, что наступает то творческое состояние, которое не имеет ничего общего с борьбой, с усилием. Усилие существует только до тех пор, пока мы пытаемся избежать внутреннего одиночества, пустоты, но вглядываясь в них, наблюдая их, принимая то, что есть, а не избегая его, мы обнаружим, что наступает такое состояние бытия, в котором всякая борьба прекращается. Это состояние бытия – творчество, и оно не результат борьбы.

Но когда возникает понимание того, что есть – то есть пустоты, внутренней самонедостаточности, – когда живёшь с этой недостаточностью и полностью понимаешь её, тогда появляется та творческая реальность, тот творческий разум, который один приносит счастье.

Следовательно, действие, как мы его знаем, это на самом деле противодействие, это непрерывное становление кем-то, то есть отрицание, избегание того, что есть; но когда возникает осознание пустоты – без выбора, без осуждения или оправдания, тогда в этом понимании того, что есть, появляется действие, и это действие – творческое бытие. Вы поймёте это, если осознаете себя в действии. Понаблюдайте за собой – как вы действуете, не только внешне, но постарайтесь увидеть также движение своей мысли и чувства. Когда вы осознаете это движение, вы увидите, что ваш мыслительный процесс, который есть также процесс чувства и действия, основан на идее становления кем-то. Идея становления кем-то или чем-то возникает только тогда, когда ощущаешь, что не находишься в безопасности, а это «чувство небезопасности» приходит с сознанием своей внутренней пустоты. Если вы осознаете этот процесс мысли и чувства, вы увидите, что идёт постоянная битва, усилие изменить, преобразовать, переделать то, что есть. Это – усилие стать кем-то или чем-то, а такое становление – прямое уклонение от того, что есть. Путём самопознания, путём постоянного осознания вы обнаружите: борьба, битва, конфликт становления ведут к страданию, горю и невежеству. Только если вы осознаете свою внутреннюю ущербность, несамодостаточность и будете жить с ней – без бегства, полностью принимая её, – тогда вам откроется необыкновенный покой, не рукотворный, воображаемый покой, но тот покой, который приходит с пониманием того, что есть. Только в этом состоянии покоя возникает творческое бытие.

Глава восьмая

Противоречие

Мы видим: противоречие существует в нас и вокруг нас; из-за того, что мы раздираемы противоречием, так остро и ощущается недостаток мира в нас и, следовательно, вне нас. Постоянное состояние отрицания и утверждения присутствует в нас – чем мы хотим быть и что мы есть. Состояние противоречия создаёт конфликт, а конфликт не приносит мира – вот простой, очевидный факт. Не следует истолковывать внутреннее противоречие как своего рода философский дуализм – уж очень это лёгкое бегство. Ведь говоря, что противоречие является состоянием дуализма, мы полагаем, будто разрешили его – что, очевидно, простая условность, способствующая бегству от действительности.

Так что же мы подразумеваем под конфликтом, под противоречием? Почему существует противоречие во мне, почему идёт постоянная борьба за то, чтобы быть чем-то отличным от того, что я есть? Я – одно, а хочу быть – другое. Это противоречие в нас – факт, а не метафизический дуализм. Метафизика не имеет значения для понимания того, что есть. Мы можем говорить о дуализме, обсуждать его – что он такое, существует ли он и так далее; но какую ценность имеет всё это, если мы не знаем, что в нас живут противоречия, противоположные желания, противоположные интересы, противоположные стремления? Я

хочу быть хорошим человеком и не в состоянии быть им. Это противоречие, эта противоположность в нас – они должны быть поняты, ибо они создают конфликт; а находясь в конфликте, в борьбе, мы не можем быть творческой личностью. Давайте внесём ясность в то, в каком состоянии мы находимся. Это противоречие, а где противоречие, там должна быть борьба; а борьба разрушительна, опустошительна. В этом состоянии мы не способны ни на что, кроме вражды, борьбы, ещё большей горечи и горя. Если мы сможем полностью понять это и, следовательно, освободиться от противоречия, тогда наступит внутренний мир, который принесёт нам понимание друг друга.

Проблема вот в чём. Если мы видим всю разрушительность и опустошительность конфликта, почему же в каждом из нас существует противоречие? Чтобы понять это, мы должны пойти немного дальше. Почему мы ощущаем противоположные желания? Не знаю, осознаёте ли вы их в себе – противоречие, чувство желания и нежелания, воспоминание о чём-то и попытку это забыть, для того чтобы открыть что-то новое. Просто наблюдайте за этим. Это очень простые и совершенно нормальные вещи. Это не что-то необыкновенное. Факт в том, что существует противоречие. Почему же тогда возникает противоречие?

Что мы подразумеваем под противоречием? Не подразумевается ли здесь некое непостоянное состояние, которое противоположно другому непостоянному состоянию? Я полагаю, будто обладаю постоянным желанием, я постулирую в себе постоянное желание – и возникает другое желание, которое противоречит ему; это противоречие вызывает конфликт, который опустошает. Иначе говоря, происходит постоянное отрицание одного желания другим желанием, одно стремление превозмается другим стремлением. Так вот, существует ли такая вещь, как постоянное желание? Несомненно, всякое желание непостоянно – не в метафизическом смысле, но на деле. Я хочу работу. Я смотрю на какую-то работу как на средство к счастью; а когда я получаю её, я недоволен. Я хочу стать управляющим, потом собственником и так далее, и так далее, и это не только в материальном мире, но и в так называемом духовном: преподаватель хочет стать директором, священник – епископом, ученик – учителем.

Это постоянное становление кем-то или чем-то, достижение одного состояния за другим – приводит к противоречию, не так ли? Следовательно, почему же не посмотреть на жизнь не как на одно постоянное желание, но как на ряд мимолётных желаний, всегда противоположных друг другу? Ведь ум нуждается в том, чтобы не быть в состоянии противоречия. Если я буду смотреть на жизнь не как на постоянное желание, но как на ряд временных желаний, которые непрерывно меняют ся, – тогда противоречия не будет.

Противоречие возникает только тогда, когда ум сосредотачивается на фиксированной точке желания; то есть когда ум не рассматривает всякое желание как движущееся, временное, но хватается за одно желание и превращает его в постоянное, – только тогда, когда появляются другие желания, возникает противоречие. Но все желания находятся в постоянном движении, фиксированного желания не существует. В желании нет фиксированной точки; но ум устанавливает такую точку, потому что ум рассматривает всё как средство достичь, добиться; а до тех пор, пока стремишься достичь, добиться, до тех пор должно существовать противоречие, конфликт.

Вы хотите достичь чего-то, вы хотите добиться успеха, вы хотите найти запредельного Бога или истину, которая будет приносить вам постоянное удовлетворение. Следовательно, вы ищете не истину, вы ищете не Бога. Вы ищете прочного удовлетворения и одеваете это удовлетворение в одежды идеи, респектабельно звучащего слова, такого как Бог, истина; но в действительности все мы ищем удовлетворения и помещаем это удовлетворение на небывалую высоту, называя его Бог, а на нижнюю ступень ставим пьянство. До тех пор пока ум ищет удовлетворения, нет большой разницы между Богом и пьянством. Возможно, пьянство – социальное зло; но внутреннее желание удовлетворения, достижения – разве оно не ещё вреднее? Если вы на самом деле хотите найти истину, вы должны быть в высшей степени честны, не только на словесном уровне, но всецело; у вас должна быть необыкновенная ясность во всём, и вы не в состоянии обрести эту ясность, если не готовы

смотреть в лицо фактам.

Так что же вызывает противоречие в каждом из нас? Несомненно, желание стать кем-то или чем-то, не так ли? Все мы хотим кем-то или чем-то стать: стать преуспевающими людьми в этом мире, а внутренне – достичь результата. До тех пор пока мы мыслим в терминах времени, в терминах достижения, обретения положения – должно существовать противоречие. В конце концов ум – продукт времени. Мысль основана на вчера, на прошлом; и до тех пор, пока мысль функционирует внутри поля времени, мысля в терминах будущего, в терминах становления, приобретения, достижения – должно существовать противоречие, ибо тогда мы не способны прямо смотреть в лицо именно тому, что есть. Только при ясном представлении, понимании, невыбирающем осознании того, что есть, возникает возможность освобождения от того дезинтегрирующего фактора, которым является противоречие.

Следовательно, необходимо – не так ли? – понять весь процесс нашего мышления – ведь в нём-то мы и находим противоречие. Сама мысль стала противоречием из-за того, что мы не поняли всего процесса нашего «само»; а такое понимание возможно только когда мы вполне осознаём свою мысль, осознаём её не как наблюдатель, оперирующий мыслью, но целию и полностью, без всякого выбора – что чрезвычайно трудно. Только тогда уничтожится противоречие – столь пагубное, столь болезненное противоречие.

До тех пор пока мы пытаемся достичь психологического результата, до тех пор, пока мы хотим внутренней безопасности, в нашей жизни должно существовать противоречие. Не думаю, что большинство из нас осознаёт это противоречие; а если мы и осознаём его, то не видим его реального значения. Напротив, противоречие даёт нам импульс к жизни; самый элемент трения заставляет нас почувствовать себя живыми. Усилие и борьба, заключённые в противоречии, дают нам ощущение жизненной силы. Вот почему мы так любим войны, вот почему мы находим упоение в гибельном бою. До тех пор пока существует желание достичь результата, то есть желание психологической безопасности, – должно существовать противоречие; а там, где противоречие, там не может быть спокойного ума. Спокойствие ума необходимо для понимания всего смысла жизни. Мысль никогда не бывает спокойной; мысль – продукт времени – никогда не в состоянии найти то, что вневременно, никогда не в состоянии познать то, что за пределами времени. Сама природа нашего мышления включает в себе противоречие, потому что мы всегда мыслим в терминах прошлого или будущего; следовательно, мы никогда полностью не знаем, полностью не осознаём настоящего.

Полностью осознавать настоящее – задача необыкновенно трудная, так как ум неспособен прямо, не обманываясь, смотреть в лицо факту. Мысль – продукт прошлого и, следовательно, может мыслить только в терминах прошлого или будущего; она не может полностью осознавать факт в настоящем. До тех пор пока мысль – продукт прошлого – пытается искоренить противоречие и все создаваемые им проблемы, это всего лишь стремление к результату, попытка достичь цели, и такое мышление создаёт только ещё большее противоречие, а значит, конфликт, страдание и запутанность в нас и, следовательно, вокруг нас.

Чтобы освободиться от противоречия, надо осознавать настоящее, осознавать его без выбора. Какой может быть выбор, когда вы стоите перед лицом факта? Несомненно, понимание факта невозможно до тех пор, пока мысль пытается оперировать фактом в терминах становления, изменения, произвола. Следовательно, самопознание – вот начало понимания; без самопознания продолжится противоречие и конфликт. Чтобы познать весь процесс, целокупность нашего «само», не требуется никакого эксперта, никакого авторитета. Следование авторитету только порождает страх. Ни один эксперт, ни один специалист не могут показать нам, как понять процесс нашего «само». Надо изучить его самому. Вы и я, мы можем помочь друг другу, беседуя о нём, но никто не может раскрыть его для нас, ни специалист, ни учитель не может исследовать его за нас. Мы можем осознать его только в своих взаимоотношениях – в своих взаимоотношениях с вещами, с собственностью, с людьми и с идеями. Вступая в эти взаимоотношения, мы откроем, что противоречие

возникает тогда, когда действие стремится соответствовать идее. Идея – всего лишь кристаллизация мысли как символа, и усилие жить согласно символу вызывает противоречие.

Таким образом, до тех пор пока существует шаблон мысли, противоречие будет продолжаться; чтобы положить конец этому шаблону, а значит – противоречию, должно быть само познание. Понимание «само» – не процесс, предназначенный для немногих. Надо понять «само» в наших повседневных речах, в том, как мы мыслим и чувствуем, в том, как мы смотрим на других. Если мы будем в состоянии осознавать каждую мысль, каждое чувство – осознавать их каждый миг, – тогда мы увидим, что во взаимоотношениях к нам приходит понимание путей нашего «само». Только тогда возможно то спокойствие ума, единственно в котором и может возникнуть последняя реальность.

Глава девятая

Что такое наше «само»?

Мы говорим: «самопознание», «самосознание». Знаем ли мы, что имеем в виду под своим «само»? Под ним я имею в виду идею, память, умозаключение, опыт, разные формы могущих быть названными и не могущих быть названными намерений, сознательную попытку быть или не быть кем-то, накопленную память – бессознательную, национальную, групповую, личную, родовую и всё такое прочее, проецируется ли оно внешне, в действии, или проецируется оно духовно как добродетель; стремление ко всему этому составляет «само». В него включается соперничество, желание быть кем-то. Весь этот процесс и есть «само»; и мы на самом деле знаем, встречаясь с ним лицом к лицу, что оно – зло. Я намеренно использую слово «зло», потому что «само» разделяет: «само» – самозамыкает: как бы благородна ни была активность, она отделяет и изолирует. Мы знаем всё это. Мы знаем также те необыкновенные мгновения, когда «само» нет, когда нет попытки, усилия стать кем-то – что происходит, когда есть любовь.

Мне кажется, важно понять, как опыт усиливает «само». Если мы серьёзны, мы должны понять эту проблему опыта. Так что же мы имеем в виду под опытом? Мы всё время получаем опыт, впечатления; и мы преобразуем эти впечатления, реагируем или действуем согласно им: рассчитываем, хитрим и так далее. Возникает постоянное взаимодействие между видимым нами объективно и нашей реакцией и взаимодействие между областью сознательного и памятью бессознательного.

Согласно своей памяти, я реагирую на всё, что вижу, на всё, что чувствую. В этом процессе реакции на то, что я вижу, на то, что я чувствую, на то, что я знаю, на то, во что верю, – задействован опыт, не так ли? Реакция, ответ на что-то виденное есть опыт. Когда я вижу вас, я реагирую; наименование этой реакции есть опыт. Если я не именую реакции, это не опыт. Понаблюдайте свои собственные реакции и что происходит вокруг вас. Опыта нет, если нет происходящего одновременно процесса наименования. Если я не узнаю вас, как я могу иметь опыт встречи с вами? Звучит просто и верно. Разве это не факт? Ведь если я не реагирую согласно своей памяти, согласно своей обусловленности, согласно своим предвзятым мнениям – как могу я знать, что у меня был опыт?

Затем, существует проекция различных желаний. Я желаю быть защищённым, иметь внутреннюю безопасность; или я желаю иметь духовного учителя, гуру, Бога; и я обретаю опыт того, что я спроецировал; то есть, я спроецировал желание, которое приняло форму, которому я дал имя; и на которое я реагирую. Оно моя проекция. Оно мой «крестник». Это желание, которое даёт мне опыт, заставляет меня сказать: «Я имею опыт», «Я встретил духовного учителя» или «Я не встретил духовного учителя». Вы знаете весь этот процесс наименования опыта. Желание – вот что вы называете опытом, разве не так?

Когда я желаю молчания ума, что имеет место? Что происходит? По разным причинам я вижу важность обладания безмолвным умом, спокойным умом; об этом говорили Упанишады, об этом написано в религиозных писаниях, этому учили святые, да и сам я

иногда чувствую, какое это благо пребывать в покое – ведь мой ум безостановочно болтает целый день. Время от времени я чувствую, как хорошо, как приятно иметь мирный ум, безмолвный ум. Возникает желание получить опыт молчания ума. Я хочу иметь безмолвный ум, и я спрашиваю: «Как мне обрести его?» Я знаю, что та или иная книга говорит о медитации и разные формы дисциплины. И с помощью дисциплины я стремлюсь на опыте познать молчание. В опыте молчания, следовательно, утвердилось моё «само», моё «я».

Я хочу понять, что такое истина; вот моё желание, моё страстное стремление; затем следует моя проекция того, что я считаю истиной – я же столько читал о ней; я слышал множество людей, рассуждающих о ней; о ней писали религиозные писания. И всего этого я хочу. Что происходит? Проецируется само хотение, само желание, и я обретаю опыт, потому что опознаю это спроецированное состояние. Если бы я не опознал его, я не называл бы его истиной. Я опознаю его и обретаю опыт его; и этот опыт придаёт силу моему «само», моему «я», не так ли? Таким образом, «само» укореняется в опыте. Тогда-то вы и говорите: «Я знаю», «Существует духовный учитель», «Бог есть» или «Бога нет»; вы говорите, что определённый политический строй справедлив, а все прочие – нет.

Итак, опыт всегда усиливает «я». Чем более вы укоренены в своём опыте, тем сильнее становится ваше «само». В результате вы обретаёте определённую силу характера, силу знания, веры, которую выставляете напоказ перед другими людьми, потому что знаете: они не так умны, как вы, и потому что вы обладаете даром пера или речи, и вы хитры. Поскольку «само» всё ещё действует – ваши веры, ваши духовные учителя, ваши касты, ваши экономические системы – всё это является процессом изоляции и, следовательно, порождает раздор. Вы должны, если вы со всей серьёзностью подходите к этому, полностью уничтожить центр «само», а не оправдывать его. Вот почему мы должны понять процесс опыта.

Возможно ли для ума, для «само» не проецировать, не желать, не самоутверждаться в опыте? Мы видим, что все опыты «само» – чистое отрицание, деструкция, и тем не менее мы называем их положительным действием, не так ли? Вот их-то мы и называем положительным образом жизни. Аннулировать весь этот процесс, по-вашему, – нигилизм. Правы ли вы в этом? Можем ли мы, вы и я, личности, дойти до корня и понять процесс «само»? Так что же приводит к исчезновению «само»? Религии и иже с ними предлагали идентификацию, не правда ли? «Идентифицируйтесь с чем-то большим, и «само» исчезнет», – вот что они говорят. Но, несомненно, идентификация – это всё ещё процесс «само» – идентификации; «что-то большее» – просто проекция «я», опыт которой я обретаю и которая, следовательно, усиливает «я».

Все различные формы дисциплины, веры и знания, несомненно, только усиливают «само». Можем ли мы найти элемент, который уничтожит «само»? Или вопрос поставлен неверно? Ведь этого мы, в сущности, и хотим. Мы хотим найти что-то, что уничтожит «я», не так ли? Мы полагаем, для этого существуют разные способы, а именно – идентификация, вера и так далее; но все они лежат в одной плоскости; ни один не лучше другого, потому что все они с равной силой укрепляют «само», «я». Так могу ли я видеть своё «я» всюду, где бы ни действовало оно, и видеть его деструктивную силу и энергию? Какое имя ему ни давай, оно – изолирующая сила, оно – разрушительная сила, и я хочу найти путь уничтожения его. Вы должны сказать себе: «Я вижу своё «я», всё время действующее и постоянно приносящее тревогу, страх, разочарование, отчаяние, страдание не только мне самому, но и всем вокруг меня. Возможно ли, чтобы это «само» было уничтожено, не частично, но полностью?» Можем ли мы дойти до корня «само» и уничтожить его? Вот единственно верный путь действия, не правда ли? Я не хочу быть разумным наполовину – я хочу быть разумным полностью. Большинство из нас разумны «слоями», вы, вероятно, в одном, а я – в чём-то другом. Некоторые из нас разумны в своём бизнесе, другие – на службе и так далее; люди разумны по-разному; но мы не разумны целиком и полностью. Быть разумным целиком и полностью – значит не иметь «само». Возможно ли это?

Возможно ли, чтобы «само» полностью отсутствовало? Вы знаете, что это возможно.

Каковы необходимые условия, требования этого? Какой элемент вызовет такое отсутствие? Могу ли я найти его? Когда я задаю вопрос: «Могу ли я найти его?» – я, несомненно, убеждён, что это возможно; значит, я уже создал опыт, в котором будет усиливаться «само», не так ли? Понимание «само» требует огромного ума, огромного внимания, насторожённости, непрерывного наблюдения, чтобы «само», гонимое в дверь, не влезло в окно. Я, очень серьёзный человек, хочу уничтожить своё «само». Говоря это, я знаю – уничтожить «само» возможно. Когда я говорю: «Я хочу уничтожить его», – здесь всё ещё проявляется опыт «само»; и «само», таким образом, укрепляется. Так как же это возможно – сделать так, чтобы не было опыта «само»? Ведь мы видим, что состояние творчества – вовсе не опыт «само». Творчество есть, когда «само» нет, потому что творчество не интеллектуально, оно не от ума, оно не «само» – проекция, оно что-то, находящееся за пределами всякого опыта. Так возможно ли для ума пребывать в совершенном покое, не в состоянии опознавания по опыту, но в состоянии, в котором может происходить творчество, что означает – когда «само» нет, когда «само» отсутствует? Вот проблема, не правда ли? Любое движение ума, положительное или отрицательное, есть опыт, который, на самом деле, усиливает «я». Возможно ли для ума не опознавать по опыту? Это может происходить только, когда наступает полное молчание ума, но не то молчание, которое есть опыт «само» и которое, следовательно, усиливает «само».

Есть ли какая-нибудь сущность, отличная от «само», которая смотрит на «само» и аннигилирует «само»? Есть ли какая-нибудь духовная сущность, которая заменяет «само» и уничтожает его, которая отбрасывает его? Мы думаем, что есть, не правда ли? Большинство религиозных людей полагает, что такой элемент есть. Материалисты же говорят: «Уничтожить «само» невозможно; его можно только обуздать и обусловить – политически, экономически и социально; мы можем твёрдо держать его в определённых рамках и дисциплинировать его; и, следовательно, его можно заставить вести высоконравственную жизнь, и не вредить ничему, но следовать социальному образцу и работать просто как машина». Это мы знаем. Есть и другие люди, так называемые религиозные люди – на самом деле они не религиозны, хотя мы и называем их таковыми – которые говорят: «Где-то в глубине такой элемент существует. Если мы сможем войтив соприкосновение с ним, он уничтожит «само»».

Так существует ли такой элемент, уничтожающий «само»? Посмотрите, пожалуйста, что мы делаем. Мы загоняем «само» в угол. Если вы позволите загнать своё «само» в угол, вы увидите, что произойдёт. Мы хотели бы, чтобы существовал такой элемент, который вне времени, который не связан с «само», который, мы надеемся, придёт и вмешается, и разрушит «само» – и который мы называем Бог. Умопостигаемая ли это вещь? Она может быть, её может не быть; не это главное. Но когда ум стремится достичь вневременного духовного состояния, которое вступит в действие для того чтобы разрушить «само», – не есть ли это иная форма опыта, усиливающая «я»? Когда вы верите, не это ли на самом деле и происходит? Когда вы верите, что существует истина, Бог, вневременное состояние, бессмертие – не есть ли это процесс усиления «само»? «Само» спроецировало ту вещь, которая – вы чувствуете, вы верите – придёт и разрушит «само». Итак, спроецировав идею «само» – продолжаемости во вневременное состояние как духовной сущности, вы обретаёте опыт; и такой опыт только усиливает «само»; что же вы, следовательно, сделали? Вы на самом деле не уничтожили «само», но только придали ему иное имя, иное качество; «само» всё ещё здесь, потому что вы обрели опыт его. Таким образом, наше действие, с начала до конца – это то же самое действие, только мы думаем, что оно эволюционирует, растёт, становится всё краше; но, внутренне понаблюдав за ним, вы увидите: это то же самое продолжающееся действие, то же самое «я», функционирующее на разных уровнях, с разными этикетками, разными именами.

Когда вы видите весь этот процесс, хитрость, необыкновенную изобретательность, ум «само», как тщательно скрывается оно за идентификацией, за добродетелью, за опытом, за верой, за знанием; когда вы видите, что ум движется по кругу, в клетке собственного

изготовления – что происходит? Когда вы осознаёте, полностью знаете это, не обретаёте ли вы тогда необыкновенный покой – не путём принуждения, не из желания награды, не из страха наказания? Когда вы распознаёте, что всякое движение ума – всего лишь форма усиления «само», когда вы понаблюдаете за этим, увидите это, когда вы полностью осознаёте это в действии, когда вы придёте к этому пункту – не идейно, не словесно, не путём спроецированного опыта, но когда вы на самом деле будете в этом состоянии, – тогда вы увидите, что ум, будучи совершенно спокоен, не имеет силы творить. Что бы ни творил ум, это движение по кругу, внутри поля «само». Когда ум не творит, возникает творчество, которое не есть процесс опознавания по опыту.

Реальность, истина не опознаются по опыту. Чтобы истина пришла, вера, знание, опыт, стремление к добродетели – всё это должно уйти. Добродетельный человек, сознательно стремящийся к добродетели, никогда не сможет найти реальности. Он может быть очень добропорядочным человеком; но это вовсе не то, что быть человеком, обладающим истиной, человеком, который понимает. Для человека, обладающего истиной, истина вошла в самое существо его. Добродетельный человек – это человек честных правил, а человек честных правил никогда не поймёт, что такое истина, потому что добродетель для него – прикрытие «само», укрепление «само», потому что он гоняется за добродетелью. Когда он говорит: «Я должен не иметь жадности», – то состояние отсутствия жадности, опыт которого появляется у него, только усиливает «само». Вот почему так важно быть бедным, не только вещами мира сего, но также верой и знанием. Человек, богатый в мирском смысле, или человек, богатый знанием и верой, никогда не узнает ничего, кроме тьмы, и будет центром всяческого зла и страдания. Но если вы и я, личности, увидим всю работу «само», тогда мы узнаем, что такое любовь. Уверю вас, это единственное преобразование, которое только и может изменить мир. Любовь идёт не от «само». «Само» не в состоянии опознать по опыту любовь. Вы говорите: «Я люблю»; но тогда в самом этом высказывании, в самом этом опыте нет любви. Когда же вы знаете любовь, «само» нет. Когда есть любовь, «само» нет.

Глава десятая

Страх

Что есть страх? Страх может существовать только в отношении к чему-то, не в изоляции. Как я могу бояться смерти, как я могу бояться чего-то, чего я не знаю? Я могу бояться только того, что знаю. Когда я говорю, что боюсь смерти – боюсь ли я на самом деле того незнаемого, что есть смерть, или я боюсь потерять то, что я знал? Мой страх – это не страх смерти, но потери моей связи с вещами, принадлежащими мне. Мой страх всегда соотносится со знаемым, а не с незнаемым.

Итак, моё исследование посвящено тому, как освободиться от страха знаемого, то есть – от страха потери семьи, репутации, положения, банковского счёта, страстей и тому подобного. Вы можете сказать, что страх возникает из глубин нашего сознания; но наше сознание формируется нашей обусловленностью, значит, сознание – всё ещё результат знаемого. Что я знаю? Знание – иметь идеи, иметь мнения о вещах, иметь чувство непрерывности своей связи со знаемым, и ничего больше. Идеи суть воспоминания, результат опыта, который есть ответ на вызов. Я боюсь знаемого, что означает – я боюсь потери людей, вещей или идей, боюсь открытия того, что я такое, боюсь лишений, боюсь страдания, которое может появиться, когда я проиграл или не выиграл, или не получаю больше удовольствия.

Существует страх страдания. Физическая боль – нервная реакция, но психологическое страдание возникает тогда, когда я держусь за вещи, которые приносят мне удовлетворение, ибо тогда я боюсь кого-то или чего-то, могущего отнять их у меня. Психологические накопления препятствуют психологическому страданию до тех пор, пока их не тревожишь; ведь я – это связка накоплений, опытов, которые препятствуют любой серьёзной форме тревоги – а я так не люблю, чтобы меня тревожили. Поэтому я боюсь любого, кто тревожит

мои накопления. Таким образом, мой страх – это страх известного, я боюсь за свои накопления, материальные или психологические, которые я собрал как средство отвлечь страдание или предотвратить горе. Но горе заключается в самом процессе накопления ради предотвращения психологического страдания. Знание тоже способствует предотвращению страдания. Как медицинские знания помогают избежать физической боли, так и верования помогают предотвращать психологическое страдание, и вот почему я боюсь потерять свои верования, хотя у меня и нет ни точного знания, ни конкретного доказательства реальности таких верований. Я могу отвергать некоторые традиционные верования, навязанные мне извне, потому что черпаю силу, уверенность и понимание в собственном опыте; но и такие благоприобретённые веры и знания, в сущности, являются тем же самым – способом отвлечения страдания.

Страх существует до тех пор, пока существует накопление известного, которое создаёт страх потери. Следовательно, страх неизвестного – это на самом деле страх потери накопленного известного. Накопление неизменно означает страх, который, в свою очередь, означает страдание; и как только я говорю: «Я не должен терять», – так возникает страх. Хотя моё намерение при накоплении – отвращать страдание, страдание неотъемлемо от процесса накопления. Самые вещи, которыми я владею, создают страх, то есть – страдание.

Защита несёт в себе семя нападения. Я хочу физической безопасности; и вот я создаю верховное правительство, которое нуждается в вооружённых силах, что означает войну, которая уничтожает безопасность. Где бы ни было желание самозащиты, там есть страх. Когда я вижу ошибочность требования безопасности, я больше не накапливаю. Если вы скажете, что видите это, но не в состоянии удержаться от накопления, то это потому, что вы на самом деле не видите, что накопление по самой сути своей содержит в себе страдание.

В процессе накопления существует страх, и вера во что-то – часть накопительного процесса. Мой сын умирает, и я верю в перевоплощение, чтобы избавить себя психологически от большого страдания; но в самом процессе веры содержится сомнение. Я накапливаю внешние вещи – и вызываю войну; внутренне я накапливаю верования – и вызываю страдание. До тех пор пока я хочу быть в безопасности, иметь банковский счёт, удовольствия и тому подобное, до тех пор пока я хочу стать кем-то или чем-то, в физическом плане или психологически, – должно существовать страдание. Те самые вещи, которые я делаю, чтобы отвлечь страдание, приносят мне страх, страдание.

Страх возникает тогда, когда я желаю держаться какого-то особого образца. Жить без страха – жить без особого образца. Когда я требую особого пути жизни, это само по себе служит источником страха. Моя трудность – желание жить в определённых рамках. Не могу ли я разбить эти рамки? Я могу это сделать, только когда вижу ту истину, что рамки вызывают страх и что страх укрепляет рамки. Если я говорю, что должен разбить рамки, потому что хочу освободиться от страха, то я просто следую ещё одному образцу, который будет вызывать дальнейший страх. Любое действие с моей стороны, основанное на желании разбить рамки, только создаст ещё один образец и, следовательно, страх. Как мне разбить рамки, не навлекая на себя страх, то есть – без всякого сознательного или бессознательного действия с моей стороны относительно их? Это означает, что я не должен действовать, не должен делать ни единого движения, чтобы разбить рамки. Что происходит со мной, когда я просто смотрю на рамки, ничего не предпринимая относительно их? Я вижу – сам ум есть рамки, образец; он живёт внутри привычного образца, который сам и создал для себя. Следовательно, сам ум – страх. Всё, что делает ум, направлено на укрепление старого образца или создания нового. Это означает: что бы ни делал ум, чтобы освободиться от страха – вызывает страх.

Страх находит для себя разные формы бегства. Самым общепринятым способом бегства является самоидентификация, не так ли, – идентификация себя со страной, с обществом, с идеей. Разве вы не замечали, как живо вы реагируете, когда встречаетесь с каким-нибудь шествием – с военной колонной или с религиозной процессией, или когда стране грозит опасность вторжения? Вы идентифицируете себя тогда со страной, с

общественной жизнью, с идеологией. В иные моменты вы идентифицируете себя со своим ребёнком, своей женой, с какой-нибудь особой формой действия или недеяния. Самоидентификация – процесс самозабвения. До тех пор пока я осознаю своё «я», я знаю: существует страдание, существует борьба, существует постоянный страх. Но если я могу идентифицировать себя, хотя бы на время, с чем-то большим, с чем-то, обладающим непреходящей ценностью, с красотой, с жизнью, с истиной, с верой, со знанием – тогда возникает бегство от «я», не так ли? Если я говорю о «моей стране», я на время забываю себя, не правда ли? Если я могу сказать что-то о Боге, я забываю себя. Если я могу идентифицировать себя с семьёй, с группой, с особой партией, с определённой идеологией – тогда возникает временное бегство от «я».

Самоидентификация, следовательно, – форма бегства от «само», равно как и добродетель – форма бегства от «само». Человек, ищущий добродетель, бежит от своего «само», и ему свойственна узость ума. Это не добродетельный ум, ибо добродетель – что-то, что нельзя найти поисками. Чем более вы пытаетесь стать добродетельным, тем больше силы придаёте вы своему «само», своему «я». Страх – а разнообразные формы его общая участь для большинства из нас – должен всегда находить себе замену и должен, следовательно, усиливать нашу борьбу. Чем более вы идентифицируете себя с заменой, тем с большей силой держитесь вы за то, за что готовы бороться, умереть – потому что за этим стоит страх.

Так знаем ли мы, что такое страх? Не неприятие ли он того, что есть? Нам надо понять слово «приятие». Я употребляю это слово не в смысле усилия, предпринимаемого для того, чтобы принять что-то. Вопросы о приятии не возникают, когда я осознаю то, что есть. Когда же я не вижу ясно то, что есть, тогда я втягиваюсь в процесс приятия. Следовательно, страх – неприятие того, что есть. Как я могу – я, связка всех своих реакций, ответов, воспоминаний, надежд, уныний, разочарований – я, результат скованного движения сознания, – как я могу выйти за пределы всего этого? Может ли ум осознавать беспрепятственно, без этой скованности? Вы же знаете, какая необыкновенная радость возникает, когда препятствие исчезает. Разве вы не знаете, какая радость, полнота бытия наступает, когда тело пребывает в полном здравии? И разве вам незнакома та радость, которую вы испытываете, когда ум полно стью свободен, не скован ничем, когда нет того центра узнавания на опыте, которым является «я»? Не испытывали ли вы это состояние, когда «само» отсутствует? Конечно, все мы испытывали его.

Понимание «само» и свобода от «само» возникает лишь тогда, когда я могу видеть его целиком и полностью, как целое; а также возможно только когда я понимаю, не оправдывая, не осуждая, не скрывая его, весь процесс всей той активности, что рождается из желания, желания, являющегося самым выражением мысли – ибо мысль не отлична от желания; если я смогу понять его, тогда я узнаю, существует ли возможность выхода за пределы тех ограничений, которые накладывает «само».

Глава одиннадцатая

Простота

Я хотел бы обсудить, что такое простота, и, может быть, прийти от простоты к открытию чувствительности. Мы, видимо, думаем, что простота выражается в чём-то внешнем, в отказе от вещей: владеть немногим, носить набедренную повязку, не иметь дома, донашивать третьегоднюю одежду, иметь грошовый банковский счёт. Конечно, это не простота. Это всего лишь видимость простоты. Мне кажется, что простота необходима; но простота возникает только тогда, когда мы начинаем понимать значение самопознания.

Простота – не приспособление к образцу. Требуется недюжинный ум, для того чтобы быть простым, а не приспособляться к какому-нибудь особому образцу, каким бы ценным этот образец внешне ни выглядел. К сожалению, большинство из нас начинают с того, что обретает внешнюю простоту, простоту в наружных вещах. Это сравнительно легко – иметь немного вещей и удовлетворяться немногим; быть довольным малым и, возможно, делиться

этим малым с другими. Но внешнее выражение простоты в вещах, в собственности, несомненно, не означает внутренней простоты. Ведь в современном мире над нами довлеет всё больше внешних, наружных вещей. Жизнь становится всё более сложной. Для того чтобы избежать этой сложности, мы пытаемся отказаться, отгородиться от вещей – от автомобилей, от домов, от организаций, от кинематографа и от бесчисленных внешних обстоятельств, осаждающих нас. Мы думаем, что путём отказа обретём простоту. Великое множество святых, великое множество духовных учителей отрекалось от мира; и мне кажется, что такое отречение со стороны кого бы то ни было из нас не решает проблемы. Простота – глу бочайшая, подлинная простота – может появиться только изнутри; и уж затем следует внешнее выражение её. Как обрести простоту – вот проблема; ведь именно простота делает нас всё более чувствительными. А чувствительный ум, чувствительное сердце необходимы, потому что тогда мы способны на быстрое осознание, быстрое восприятие.

Внутренне простым, несомненно, можно быть, только поняв те бесчисленные препятствия, привязанности, страхи, которые держат нас в своей власти. Но большинству из нас нравится находиться во власти – людей, собственности, идей. Нам нравится быть узниками. Внутренне мы есть узники, хотя внешне обладаем, на первый взгляд, простотой. Внутренне мы узники своих желаний, своих страстей, своих идеалов, бесчисленных побуждений. Простоту нельзя найти, не будучи внутренне свободным. Следовательно, начинать надо изнутри, а не снаружи.

Какая необыкновенная свобода наступает, когда понимаешь весь процесс веры и то, почему ум привязан к вере. Когда возникает свобода от верований, возникает простота. Но простота требует разума, а разум приходит при осознании всех препятствий, стоящих на пути. Чтобы осознать, надо постоянно наблюдать, а не катиться по накатанной колее, не замыкаться в каком-нибудь особом образце мысли или действия. В конце концов то, чем являешься внутри, воздействует и на внешнее. Общество, любая форма действия есть проекция нас самих, и без внутреннего преобразования простое внешнее законодательство имеет очень мало значения; оно способно произвести некоторые реформы, что-то отрегулировать там и сям – но то, чем вы являетесь внутри, всегда одерживает верх над внешним. Если вы внутренне жадны, честолюбивы, стремитесь к достижению определённых идеалов – эта внутренняя сложность, в конечном счете, опрокинет, ниспровергнет внешнее общественное устройство, как бы тщательно ни было спланировано оно.

Следовательно, начинать надо изнутри – не исключительно изнутри, не отвергая внешнего. Вы подходите к внутреннему, несомненно, через понимание внешнего, через выяснение того, как функционируют, на внешнем уровне, конфликт, борьба, страдание; всё глубже исследуя их, естественно, погружаешься в те психологические состояния, которые производят внешние конфликты и страдания. Внешнее выражение является только показателем нашего внутреннего состояния, но для понимания этого внутреннего состояния надо подойти к нему через внешнее. Большинство из нас так и поступают. При понимании внутреннего – не исключительно, не отвергая внешнего, но через понимание внешнего и тем самым подходя к внутреннему – мы обнаружим, что, исследуя внутренние сложности своего бытия, мы становимся всё более чувствительными, свободными. Эта внутренняя простота и необходима, потому что та простота создаёт чувствительность. Ум, лишённый чувствительности, живости, осознания, не способен ни на какое восприятие, ни на какое творческое действие. Приспособление, служащее средством обретения простоты, на самом деле делает ум и сердце нечувствительными, притупляет ум и сердце. Любая форма авторитарного принуждения – навязанная правительством, принятая добровольно, возникшая вследствие идеала достижения и так далее – любая форма приспособления должна способствовать нечувствительности и препятствовать внутренней простоте. Внешне вы можете сколько угодно при способливаться и придавать себе видимость простоты, как это делает такое множество религиозных людей. Они практикуют различные формы дисциплины, вступают в разные организации, медитируют на разные лады и так далее – и всё это даёт им видимость простоты, но такое приспособление отнюдь не способствует

простоте. Принуждение любого рода никогда не сможет привести к простоте. Напротив, чем более вы подавляете, чем более вы подменяете, чем более вы сублимируете, тем менее остаётся простоты, но чем больше вы понимаете процесс сублимации, подавления, подмены, тем больше возможности для обретения простоты.

Наши проблемы – социальные, окружающей среды, политические, религиозные – столь сложны, что мы сможем разрешить их только будучи просты, а не становясь необыкновенно эрудированны и умны. Простой человек видит гораздо более прямо, имеет гораздо более непосредственный опыт, чем сложный человек. Наш ум так переполнен бесконечным знанием фактов, того, что сказали другие, что мы оказались неспособны к простоте, к непосредственному знанию на собственном опыте. Наши проблемы требуют нового подхода; а так подойти к ним можно только тогда, когда мы просты – внутренне, по-настоящему просты. Эта простота приходит только через самопознание, через понимание себя; того, как мы мыслим и чувствуем; хода наших мыслей; наших реакций; того, как мы приспособляемся благодаря страху к общественному мнению, к тому, что говорят другие, к тому, что сказали Будда, Христос, великие святые: всё это – показатель нашей природы, стремящейся приспособиться, охранить, обезопасить себя. Когда мы ищем безопасности, мы, очевидно, находимся в состоянии страха и, следовательно, далеки от простоты.

Не обладая простотой, нельзя обладать чувствительностью – к природе, деревьям, птицам, горам, ветру, ко всему, что происходит вокруг нас в мире; не обладая простотой, нельзя быть чувствительным к внутренним намерениям, знакам, которые подают вещи. Большинство из нас живут поверхностно, на верхнем уровне сознания; живя на этом уровне, мы пытаемся быть внимательными и разумными или – что является синонимом – быть религиозными; живя на этом уровне, мы пытаемся путём принуждения, путём дисциплины, сделать свой ум простым. Но это не простота. Когда мы принуждаем поверхностный ум быть простым, такое принуждение только способствует окостенению ума, а не делает ум гибким, ясным, быстрым. Обрести простоту во всей совокупности процесса своего сознания колоссально трудно; ведь тут не должно быть внутренних запасов, тут должно быть горячее стремление выяснять, вопрошать весь процесс своего существования, что означает – понимать каждый намёк, каждый знак; осознавать свои страхи, свои надежды и исследовать их, и всё больше, и больше, и больше освобождаться от них. Только тогда – когда ум и сердце обрели настоящую простоту, не покрыты корою разных наслоений – только тогда мы будем в состоянии разрешить множество стоящих перед нами проблем.

Знание не разрешит наших проблем. Вы можете знать, например, что существует перевоплощение, что существует жизнь после смерти. Вы можете знать, я не говорю – вы знаете; или таково может быть ваше убеждение. Но это не решает проблемы. От смерти нельзя отмахнуться вашими теориями, или информацией, или убеждением. Она – нечто гораздо более таинственное, более глубокое, гораздо более творческое, чем они.

Нужно обрести способность исследовать все эти вещи по-новому; ведь только путём непосредственного опыта разрешаются наши проблемы, а чтобы иметь непосредственный опыт, должна быть простота, что означает – должна быть чувствительность. Ум становится бесчувственным под тяжестью знания. Ум становится бесчувственным от соприкосновения с прошлым, с будущим. Только ум, способный принаравливаться к настоящему – непрерывно, каждое мгновение, – только такой ум может выдержать встречу с мощным влиянием и постоянным давлением, которое оказывает на нас окружающее.

Таким образом, религиозный человек в действительности не тот, кто надевает особое одеяние или набедренную повязку, или довольствуется одной трапезой в день, или принимает бесчисленные обеты – быть таким, не быть этаким, – но тот, кто обладает внутренней простотой, кто не стремится кем-то стать. Подобный ум способен к необыкновенной восприимчивости, потому что для него не существует барьеров, не существует страха, не существует стремления к чему-то; следовательно, он способен воспринимать благодать, Бога – истину, что хотите. Но ум, который преследует реальность, – не простой ум. Ум, который приспособляется к какому-нибудь авторитетному образцу,

внутреннему или внешнему, не может быть чувствительным. И только когда ум по-настоящему чувствителен, когда это живой ум, осознающий всё, что с ним происходит, свои реакции, свои мысли, когда он не стремится больше кем-то стать, не стремится больше формировать себя по какому-то образцу, чтобы кем-то быть, – только тогда он спокоен, способен воспринимать, что такое истина. Только тогда и может быть счастье, ибо счастье не цель, оно – результат реальности. Когда ум и сердце обретут простоту и, следовательно, чувствительность – не посредством какой-нибудь формы принуждения, указки или навязывания, – тогда мы увидим, что наши проблемы могут быть решены очень просто. Как бы сложны наши проблемы ни были, мы сможем применить к ним свежий подход и увидеть их по-иному. В этом-то и ощущается нужда в настоящее время: в людях, которые способны встретить беспорядок, смятение и вражду, царящие в мире, по-новому, творчески, просто – а не с теориями или формулами, левыми или правыми. Вы не в состоянии встретиться с этим по-новому, если не обладаете простотой.

Итак, проблема может быть разрешена, лишь когда мы подходим к ней по-новому. А мы не можем подойти к ней по-новому, если мыслим в терминах определённого шаблона мысли – религиозного, политического или какого-нибудь иного. Значит, нам надо освободиться от всех этих вещей, чтобы обрести простоту. Вот почему так важно осознать, иметь спокойную способность понять процесс своего мышления, знать, полностью знать самого себя; отсюда появляется простота, отсюда появляется смирение, которое не есть добродетель или рутинная духовная практика. Благоприобретённое смирение перестаёт быть смирением. Ум, заставляющий себя быть смиренным, больше не смиренный ум. Только когда вы имеете смирение – не культивируете смирение, – может состояться ваша встреча с самыми неотложными вопросами жизни, ибо тогда вы – не важны, вы смотрите не под воздействием своего «я» и чувства собственной значительности; вы смотрите на саму проблему – и вот тогда вы в состоянии разрешить её.

Глава двенадцатая

Осознание

Познавать самих себя – значит познавать свои взаимоотношения с миром – не только с миром идей и людей но, также и с природой, с вещами, которыми мы владеем. Вот наша жизнь – жизнь, представляющая собой взаимоотношения с целым. Разве понимание этих взаимоотношений требует специализации? Очевидно, нет. Что оно требует, так это осознания встречи с жизнью как с целым. Как же осознать? Вот проблема. Как прийти к такому осознанию – если я могу употребить это слово, не придавая ему значения специализации? Как быть способным встретиться с жизнью как с целым? Ведь это означает не только личные взаимоотношения с вашим соседом, но также с природой, с вещами, которыми вы владеете, с идеями и с теми вещами, что фабрикует ум, как иллюзии, желания и так далее. Как осознать весь этот процесс взаимоотношений? Несомненно, это и есть наша жизнь, не так ли? Не бывает жизни без взаимоотношений; и понять эти взаимоотношения – не значит изолироваться от них. Напротив, это требует полного признания, осознания всего процесса взаимоотношений.

Как же осознать? Как мы осознаём что-нибудь? Как вы осознаёте свои взаимоотношения с каким-нибудь человеком? Как вы осознаёте деревья, голос птицы? Как вы осознаёте свои реакции при чтении газеты? Осознаёте ли вы поверхностные реакции ума, так же как и внутренние реакции? Как мы осознаём что-нибудь? Прежде всего мы осознаём, не так ли, реакцию на стимул – это очевидный факт; я вижу деревья, и возникает реакция, затем ощущение, контакт, идентификация с ними и желание. Это обычный процесс, не правда ли? Мы можем наблюдать то, что происходит в настоящее время, не изучая никаких книг.

Итак, посредством идентификации с чем-то вы испытываете удовольствие и страдание. И наша «способность» к этому напрямую связана с удовольствием и с избеганием страдания,

не так ли? Если вы интересуетесь чем-то, если это доставляет вам удовольствие, немедленно возникает и «способность» к этому; немедленно возникает осознание этого факта; а если что-то причиняет вам страдание, «способность» тоже развивается – но способность избегания этого. До тех пор пока мы будем рассчитывать на свои «способности» в деле понимания самих себя, я думаю, мы обречены на неудачу; ибо понимание себя не зависит от способностей. Это не техника, которую вы развиваете, культивируете и увеличиваете со временем, путём постоянного оттачивания. Проверить, насколько мы осознаём себя, можно, несомненно, в действии взаимоотношения; в том, как мы разговариваем, в том, как мы ведём себя. Понаблюдайте за собой – без всякой идентификации, не сравнивая, не осуждая; просто наблюдайте, и вы увидите: происходит что-то необыкновенное. Вы не только кладёте конец своей бессознательной активности – а большая часть нашей активности бессознательна, – вы не только приводите её к концу, но, кроме того, вы осознаёте мотивы этой активности, не исследуя, не копаясь в них.

Когда вы осознаёте, вы видите весь процесс своего мышления и действия; но это может произойти только тогда, когда нет осуждения. Осуждая что-то, я не понимаю его, и это верный способ избежать всякого понимания. Полагаю, большинство из нас делают это намеренно: мы с порога осуждаем и думаем, что понимаем. Если бы мы не осуждали, но внимательно рассматривали, осознавали, тогда содержание, значение действия начало бы открываться нам. Поэкспериментируйте с этим, и вы увидите сами. Просто осознавайте – без всякого чувства оправдания; это может показаться несколько нигилистическим, но не является таковым. Напротив, здесь заключается то качество пассивности, которое и является прямым действием; и вы откроете это, поэкспериментировав с ним.

В конце концов, если вы хотите понять что-то, вы должны находиться в пассивном состоянии, не так ли? Вы не можете продолжать думать об этом, размышлять или спрашивать об этом. Вы должны обладать достаточной чувствительностью, чтобы воспринять содержание этого. Вы должны стать подобны чувствительной фотографической пластинке. Если я хочу понять вас, я должен пассивно осознавать; тогда вы начнёте рассказывать мне всю свою историю. Несомненно, это не вопрос способностей или специализации. В этом процессе мы начинаем понимать самих себя – не только поверхностные слои своего сознания, но и более глубокие, которые гораздо более важны; ибо в них-то и содержатся все наши мотивы или намерения, наши сокрытые, путанные требования, тревоги, страхи, страсти. Внешне мы можем сдерживать их, держать их под контролем, но внутри они кипят. До тех пор пока мы полностью не поймём их путём осознания, очевидно, не может быть свободы, не может быть счастья, не может быть разума.

Разве разум – вопрос специализации? – разум, являющийся полным осознанием всех происходящих в нас процессов. Разве разум развивается посредством какой-нибудь формы специализации? А ведь именно это и происходит, не так ли? Священник, врач, инженер, промышленник, бизнесмен, профессор – в нас дышит дух всех этих специализаций.

Чтобы понять высшую форму разума – которая есть истина, которая есть Бог, которая не поддаётся описанию, – чтобы познать её, мы должны, нам кажется, сами стать специалистами. Мы изучаем, мы нащупываем, мы отыскиваем; и проникшись умонастроением специалиста, с оглядкой на специалиста, мы изучаем себя для того, чтобы развить в себе способности, которые помогут нам разубить гордиев узел наших конфликтов, наших страданий.

Наша проблема – если мы хоть сколько-нибудь сознательны – в том, может ли другой разрешить конфликты, и страдания, и горести нашего повседневного существования; и если не может, как возможно для нас разрешить их? Понимание проблемы, очевидно, требует определённого разума, и этот разум нельзя получить или развить путём специализации. Он приходит, только когда мы пассивно осознаём весь процесс своего сознания, то есть осознаём самих себя без выбора, не выбирая, что правильно и что неправильно. Пассивно осозная, вы увидите, что исходя из этой пассивности – которая есть не лень, не сон, но

величайшая живость ума – проблема об ретает совсем иной смысл; что означает – больше нет иденти фикации с проблемой и, следовательно, нет суждения, и поэ тому проблема начинает открывать своё содержание. Если вы будете в состоянии делать это постоянно, непрерывно, тогда каждая проблема сможет быть разрешена коренным образом, не поверхностно. В этом и заключается трудность, потому что большинство из нас неспособны пассивно осознавать, позволяя проблеме рассказывать свою историю, без нашей интерпретации её. Мы не умеем смотреть на проблему беспристрастно. Мы, к сожалению, к этому неспособны. Так как мы хотим отпроблемы результата, мы хотим от неё ответа, мы заглядываем в конец; или мы пытаемся перевести проблему на язык своих удовольствий или страданий; или мы имеем уже готовый ответ, как разобраться с проблемой. Вследствие этого мы подходим к проблеме, которая всегда нова, со старым шаблоном. Вызов всегда нов, а наш ответ всегда стар; отсюда наша трудность – встречаться с вызовом адекватно, то есть полно. Проблема – это всегда проблема взаимоотношений – с вещами, с людьми или с идеями; другой проблемы не существует; и чтобы встречаться с проблемой взаимоотношений, с её постоянно меняю щимися требованиями – встречаться с ней должным образом, встречаться с ней адекватно, – нужно находиться в состоянии пассивного осознания. Эта пассивность – не вопрос реше ния, воли, дисциплины; осознавать, что мы не пассивны, – вот начало. Осознавать, что мы хотим определённый ответ на оп ределённую проблему, – несомненно, вот начало: познавать самих себя во взаимоотношении с проблемой и с тем, как мы берёмся за проблему. Тогда, в то время как мы начнём познавать самих себя во взаимоотношении с проблемой – как мы реагируем, каковы наши различные предвзятые мнения, требования, стремления при встрече с этой проблемой, – такое осознание откроет нам процесс нашего собственного мышления, нашей собственной внутренней природы; и в этом залог освобождения.

Что, несомненно, важно, так это – осознавать не выбирая, потому что выбор вызывает конфликт. Выбирающий находится в состоянии запутанности, поэтому он и выбирает; не находишься он в состоянии запутанности, не было бы и выбора. Только тот, кто запутался, выбирает, что ему делать или что ему не делать. Человек, который ясен и прост, не выбирает; что есть – есть. Действие, основанное на идее, это, очевидно, действие, диктуемое выбором, и такое действие не освобождает; напротив, оно только создаёт дальнейшее сопротивление, дальнейший конфликт в соответствии с нашим обусловленным мышлением.

Важно, следовательно, осознавать каждый миг, не накапливая опыта, который приносит осознание; ибо, когда вы накапливаете, вы осознаёте только согласно этому накоплению, согласно этому образцу, согласно этому опыту. Так что ваше осознание обусловлено вашим накоплением, и, следователь но, это больше не наблюдение, но всего лишь перевод на язык опыта. Там, где существует такой перевод, существует выбор, а выбор создаёт конфликт; в конфликте же не может быть понимания.

Жизнь есть вопрос взаимоотношений; и чтобы понять эти взаимоотношения, которые находятся в постоянном движении, должно быть гибкое осознание – чутко-пассивное, а не агрессивно-активное осознание. Как я сказал, это пассивное осознание возникает не из какой-то формы дисциплины, не из какой-то практики. Надо просто осознавать, каждый миг осознавать свои мысли и чувства, и не только когда мы бодрствуем; ибо, погружаясь во всё большую глубину, мы увидим, что начинаем видеть сны, грезить наяву, начинаем окружать себя всякого рода символами, которые мы толкуем как сновидения. Так, мы открываем двери в тайное, которое становится явным, становится знаемым; но чтобы найти незнаемое, мы должны проникнуть за эти двери – и в этом-то, несомненно, и состоит наша трудность. Реальность непознаваема умом, потому что ум – результат знаемого, прошлого; следовательно, ум должен понять себя и свои функции, свою истинную суть, и только тогда появляется возможность для незнаемого – быть.

Глава тринадцатая

Желание

Для большинства из нас, желание – действительно проблема: желание собственности, положения, власти, комфорта, бессмертия, желание продлиться в потомстве, желание быть любимым, иметь что-то постоянное, приносящее удовлетворение, прочное, что-то, что находится за пределами времени. Так что же есть желание? Что же это за вещь, которая гонит нас, слов но бич, заставляет нас делать то или иное? Я не предлагаю нам удовлетворяться тем, что мы имеем или тем, что мы есть, такое удовлетворение – всего лишь противоположность того, что мы хотим иметь или кем хотим быть. Мы попытаемся понять, что такое желание, и если мы сможем внимательнейшим образом, соблюдая крайнюю осторожность, вникнуть в этот вопрос, я думаю, мы вызовем к жизни такое преобразование, которое не является простой заменой одного объекта желания другим объектом желания. А это обычно мы и подразумеваем под «изменением», не так ли? Будучи не удовлетворены каким-нибудь определённым объектом желания, мы находим ему замену. Мы вечно движемся от одного объекта желания к другому, которое считаем более высоким, благородным, более рафинированным; но каким бы рафинированным оно ни было, желание всё ещё желание и в движении желания присутствует бесконечная борьба, конфликт противоположностей.

Разве не важно, следовательно, выяснить, что такое желание и поддается ли оно преобразованию? Что такое желание? Не символ ли и его ощущение? Желание есть ощущение, соединённое с объектом его достижения. Бывает ли желание без символа и его ощущения? Очевидно, нет. Символ может быть картиной, личностью, словом, именем, образом, идеей, дающими мне ощущение, заставляющими меня почувствовать, что это мне нравится или не нравится; если ощущение приятное, я хочу заполучить его, обладать им, ухватиться за символ его и продлить тем самым удовольствие. Время от времени, согласно своим наклонностям и темпераменту, я меняю картину, образ, объект. Насытившись одной формой удовольствия, устав от неё, наскучив ею, я ищу нового ощущения, новой идеи, нового символа. Я отвергаю старое ощущение и хватаюсь за новое ощущение, облечённое в новые слова, новые смыслы, новые опыты. Я сопротивляюсь старому и уступаю новому, которое считаю более высоким, благородным, приносящим большее удовлетворение. В желании, таким образом, присутствует сопротивление и уступка, предполагающая искушение; и, конечно, в уступке определённому символу желания всегда содержится страх разочарования.

Наблюдая весь процесс желания в себе, я вижу, что всегда существует объект, к которому в поисках дальнейших ощущений направлен мой ум и что в этот процесс вовлечены сопротивление, искушение и дисциплина. Возникает восприятие, ощущение, контакт и желание, и ум становится механическим инструментом этого процесса, в котором символы, слова, объекты образуют центр, и вокруг этого центра выстраиваются все желания, все стремления, все честолюбивые планы; этот центр есть «я». Могу ли я уничтожить этот центр желания – не одно определённое желание, одну определённую страсть или жажду, но всю структуру желания, страстного стремления, надежды, в которой всегда таится страх разочарования? Чем более сильное разочарование я испытал, тем больше силы придаю я своему «я». До тех пор пока существует надежда, страстное стремление, на заднем плане всегда гнездится страх, который снова укрепляет центр желания. А революция возможна только в этом центре, не на поверхности; на поверхности происходит лишь поверхностное изменение, процесс отвлечения сил и внимания, что ведёт к действию, приносящему вред.

Когда я осознаю всю структуру желания, то вижу, как мой ум стал мёртвым центром этой структуры, механическим процессом памяти. Устав от одного желания, я автоматически хочу осуществить себя в другом. То, что мой ум переживает на опыте, он всегда переживает в терминах ощущения, он – инструмент ощущения. Наскучив определённым ощущением, я ищу нового ощущения, которое может быть тем, что я называю «осознаванием Бога»; но то всё ещё ощущение. Я по горло сыт этим миром и тяжкими трудами его – и я хочу обрести мир и покой, прочный мир и покой; и вот я медитирую, контролирую, формирую свой ум,

для того чтобы обрести опыт покоя и мира. Переживание на опыте покоя и мира – всё ещё ощущение. Так что мой ум – механический инструмент ощущения, памяти, мёртвый центр желания, откуда я действую и мыслю. Объекты, к которым я стремлюсь, представляют собой проекцию ума как символы, из которых он извлекает ощущения.

Слово «Бог», слово «любовь», слово «коммунизм», слово «демократия», слово «национализм» – всё это символы, которые дают ощущения уму, и поэтому ум цепляется за них. Как мы с вами знаем, всякое ощущение приходит к концу и мы переходим от одного ощущения к другому; и каждое ощущение усиливает привычку к поиску дальнейшего ощущения. Таким образом, ум превращается всего лишь в инструмент ощущения и памяти и мы вовлекаемся в этот процесс. До тех пор пока ум ищет дальнейшие опыты, он может мыслить только в терминах ощущения; и любой опыт – который может быть спонтанным, творческим, живым, поразительно новым – немедленно сводится к ощущению и преследует это ощущение, которое обращается тогда в память. Следовательно, опыт умирает и ум становится всего лишь стоячей заводью прошлого.

Если мы глубоко увязли во всём этом, мы свыкаемся с этим процессом; и нам кажется, что мы не способны выйти за пределы его. Мы хотим выйти за его пределы, так как устали от этой бесконечной рутины, от этой механической погони за ощущением; и вот ум проецирует идею истины, Бога; он мечтает об изменениях, имеющих жизненную важность, и о том, чтобы играть главную роль в этих изменениях, и так далее, и тому подобное. В результате творческого состояния никогда не возникает. В себе я вижу продолжающийся процесс желания – механический, бесконечно повторяющийся процесс, – который держит ум в тисках рутины и превращает его в мёртвый центр прошлого, в нём же творческой спонтанности нет и в помине. Бывают, правда, и внезапные творческие мгновения, которые проистекают не от ума, не от памяти, не от ощущения или желания.

Наша проблема, следовательно, заключается в том, чтобы понять желание – не как далеко следует заходить или где должно кончаться желание, – но понять весь процесс желания, жажды, страстных стремлений, испепеляющих страстей. Большинство из нас полагают, будто обладание немногим указывает на свободу от желания, – и как же мы поклоняемся тем, кто владеет малой толикой вещей! Набедренная повязка, одеяние символизируют наше желание освободиться от желания; но это снова очень поверхностная реакция. Зачем же начинать с поверхностного уровня отказа от внешнего, от собственности, когда ваш ум изуродован бесчисленными хотениями, бесчисленными желаниями, верами, борениями? Несомненно, там-то и должна происходить революция, а не в том, скольким владеть, какую одежду носить или сколько раз в день есть. Но нас впечатляют эти внешние вещи – у нас ведь такой поверхностный ум.

Ваша проблема и моя проблема – понять, может ли ум когда-нибудь освободиться от желания, от ощущения. Творчество, несомненно, не имеет ничего общего с ощущением; реальность, Бог или что хотите – это не состояние, которое может быть пережито на опыте как ощущение. Когда вы обладаете опытом – что происходит? Скажем, опыт дал вам определённое ощущение, чувство восторга или отчаяния. Естественно, вы пытаетесь избежать, отбросить состояние отчаяния; но если это радость, чувство восторга – вы пускаетесь в погоню за ним. Ваш опыт принёс вам приятное ощущение, и вы хотите, чтобы у вас их было больше; и «больше» усиливает тот мёртвый центр ума, что всегда жаждет дальнейших опытов. Следовательно, ум не может испытать на опыте ничего нового, он не способен испытывать что-нибудь новое, потому что его подход всегда зиждется на памяти, на опознавании; а то, что опознано памятью, не есть истина, творчество, реальность. Такой ум не может испытать на опыте реальность; он может испытать только ощущение, а творчество не есть ощущение, оно – что-то вечно новое каждый миг.

Таким образом, я осознаю состояние собственного ума; я вижу, что он – инструмент ощущения и желания, или, вернее, он есть ощущение и желание, и он механически втянут в их рутину. Такой ум никогда не способен воспринимать или чувствовать новое; ибо новое, очевидно, должно быть чем-то, что находится за пределами ощущения – которое всегда

старо. Итак, этот механический процесс, с его ощущениями, пришёл к концу, не правда ли? Желание «большого», погоня за символами, словами, образами, с их ощущениями – всё это пришло к концу. Только тогда возможно для ума находиться в состоянии творчества, в котором всегда может появляться новое. Если вы поймёте это, без гипноза слов, привычек, идей, и увидите, как важно для ума постоянно сталкиваться с новым, тогда, возможно, вы поймёте процесс желания, рутины, скуки, непрерывной жажды опыта. Тогда, я думаю, вы увидите, что желание имеет очень мало значения в жизни по-настоящему ищущего человека. Очевидно, существуют определённые физические потребности: в пище, одежде, крове и во всём прочем. Но они никогда не становятся психологическими страстями, вещами, на которых ум самоутверждается как центр желания. Всё, что выходит за пределы физических потребностей, любая форма желания – величия, истины, добродетели – становится психологическим процессом, с помощью которого ум выстраивает идею «я» и самоутверждается в центре его.

Когда вы увидите этот процесс, когда вы по-настоящему осознаете его – ничего не противопоставляя ему, не испытывая искушения уступить ему, не сопротивляясь ему, не оправдывая или осуждая его, – тогда вы откроете, что ум способен воспринимать новое и что новое – никогда не ощущение; следовательно, оно никогда не может быть опознано, воспроизведено в опыте. Оно – такое состояние бытия, в котором творчество приходит само, без приглашения, без шлейфа памяти; и это – реальность.

Глава четырнадцатая

Взаимоотношения и изоляция

Жизнь – опыт, опыт во взаимоотношениях. Нельзя жить в изоляции; ведь жизнь есть взаимоотношения и взаимоотношения – действие. И как же обрести способность понимания взаимоотношений, которые есть жизнь? Не означают ли взаимоотношения не только общение с людьми, но и близость с вещами и идеями? Жизнь – взаимоотношения, которые выражаются в контакте с вещами, с людьми и с идеями. Поняв взаимоотношения, мы обретаем способность полной, адекватной встречи с жизнью. Так что наша проблема – не эта способность (способности не зависят от взаимоотношений), но, скорее, понимание взаимоотношений, что даст нам, естественно, способность к мгновенной гибкости, к быстрому приноравливанию, к быстрому реагированию.

Взаимоотношения, несомненно, зеркало, в котором вы открываете самого себя. Без взаимоотношений вас нет; быть – это быть во взаимоотношениях; быть во взаимоотношениях – значит существовать. Вы существуете только во взаимоотношениях; в противном случае вы не существуете, существование не имеет смысла. Вы наделяетесь существованием не потому что думаете, что существуете. Вы существуете, потому что находитесь во взаимоотношениях; и как раз недостаточное понимание взаимоотношений вызывает конфликт.

У нас нет понимания взаимоотношений, потому что мы используем взаимоотношения только как средство дальнейшего достижения, дальнейшего изменения, дальнейшего становления кем-то или чем-то. Но взаимоотношения – средство раскрытия самого себя, так как взаимоотношения – это бытие, это существование. Без взаимоотношений – меня нет. Чтобы понять самого себя, я должен понять свои взаимоотношения. Взаимоотношения – зеркало, в котором я вижу самого себя. Зеркало может быть либо кривым, либо верным, отражая то, что есть. Но большинство из нас видят во взаимоотношениях, в этом зеркале, те вещи, которые нам хотелось бы видеть; мы не видим того, что есть. Мы хотели бы, скорее, идеализировать, бежать от того, что есть, мы хотели бы, скорее, жить в будущем, чем понимать свои взаимоотношения непосредственно в настоящем.

Если мы рассмотрим свою жизнь, свои взаимоотношения с другим, мы увидим, что это процесс изоляции. Нам на самом деле нет дела до другого; несмотря на все наши разговоры, нам в действительности нет до него никакого дела. Мы под держиваем отношения с кем-

либо только до тех пор, пока эти отношения доставляют нам радость, пока они приносят нам утешение, пока они удовлетворяют нас. Но как только в наших отношениях пробегает трещина, заставляющая нас испытывать внутренний дискомфорт, мы рвём эти отношения. Иными словами, взаимоотношения существуют только до тех пор, пока они удовлетворяют нас. Это может прозвучать жестоко, но если вы по-настоящему присмотритесь к своей жизни, вы увидите, что это факт; а избегать факта – значит жить в неведении, что никогда не может привести к правильным взаимоотношениям. Если мы посмотрим на свою жизнь и понаблюдаем за своими взаимоотношениями, мы увидим, что это процесс построения стены сопротивления против другого, стены, через которую мы смотрим на другого и наблюдаем за ним; но мы всегда огораживаем себя стеной и остаёмся за ней, будь то психологическая стена, кирпичная стена, экономическая или национальная стена. До тех пор пока мы живём в изоляции, за стеной, никаких взаимоотношений с другим быть не может; а мы живём, огорожившись стеной, потому что это гораздо больше удовлетворяет нас, мы считаем, что так гораздо безопаснее. Мир настолько разорван, в нём столько горя, столько страдания, войн, разрушения, нищеты, что мы испытываем желание бежать от него и жить, укрывшись за безопасными стенами своего собственного психологического мирка. Таким образом, взаимоотношения для большинства из нас – это процесс изоляции, и такие взаимоотношения, очевидно, строят общество, которое тоже изолировано. Именно это и происходит во всём мире: вы остаётесь в своей изоляции и протягиваете руку через стену, называя это «национализм», «братство», как вам будет угодно, но в действительности суверенные правительства, армии – всё это продолжает существовать. Цепляясь за эти искусственные ограничения, вы полагаете, будто можете создать единый мир, мирный мир – но это невозможно. До тех пор пока у вас есть границы – национальные, экономические, религиозные или социальные, – миру в мире не бывать, это очевидный факт.

Процесс изоляции – это процесс поисков власти; будь то поиски личной власти или власти какой-нибудь расовой или национальной группы, в основе их должна лежать изоляция, ибо само желание власти, положения есть изоляционизм. В конце концов ведь именно этого и хочет каждый из нас, не так ли? Он хочет господствующего положения, в котором может властвовать, – дома ли, на службе ли, или в бюрократическом аппарате. Каждый ищет власти, а ища власти, он создаст и общество, основанное на власти – военной, промышленной, экономической и тому подобной власти, что опять-таки очевидно. Разве желание власти по самой своей природе не изолирует? Думаю, очень важно понять это, ведь человек, который желает, чтобы в мире царил мир, чтобы в мире не было войн, ужасающих разрушений, катастрофической нищеты в гигантских масштабах, – такой человек должен понять этот фундаментальный вопрос, разве не так? Человеку, в сердце которого чувство любви и добра, не свойственно чувство власти, и, следовательно, такой человек не связан никакой национальностью, никаким флагом. Он не имеет флага.

Нет такой вещи, как жизнь в изоляции – ни страна, ни личность не могут жить в изоляции; тем не менее потому что вы ищете власти таким множеством способов, вы порождаете изоляцию. Националист – бедствие, так как своим националистическим, патриотическим духом он создаёт стену изоляции. Он настолько идентифицируется со своей страной, что строит стену против всяческого другого. Что происходит, когда вы строите стену против чего-то? Это «что-то» постоянно стучится в вашу стену. Когда вы сопротивляетесь чему-то, само сопротивление указывает, что вы в конфликте с другим. Значит, национализм, являющийся процессом изоляции, являющийся результатом поисков власти, не может принести мира в мир. Националист, говорящий о братстве, лжёт; он живёт в состоянии противоречия.

Можно ли жить в этом мире без желания власти, положения, авторитета? Очевидно, можно. Так и живёшь, когда не идентифицируешь себя с чем-то лучшим. Идентификация себя с чем-то лучшим – партией, страной, расой, религией, Богом – такая идентификация является стремлением к власти. Из-за того, что вы внутренне пусты, глупы, слабы, вам нравится идентифицировать себя с чем-то лучшим. Желание идентифицировать себя с чем-

то б? льшим – желание власти.

Взаимоотношения – процесс открытия самого себя, и без познания самого себя, путей собственного ума и сердца простое наведение внешнего порядка, установление системы, построение хитрой формулы – всё это имеет очень малозначения. Что важно, так это понять самого себя во взаимоотношениях с другим. Тогда взаимоотношения становятся не процессом изоляции, но движением, в котором вам открываются ваши собственные движущие мотивы, ваши собственные мысли, ваши собственные стремления; и само это открытие – начало освобождения, начало преображения.

Глава пятнадцатая **Мыслитель и мысль**

Во всех наших опытах неизменно присутствует носитель опыта, наблюдатель, накапливающий себе всё больше и больше опыта или отрицающий таковое. Не ложный ли это процесс, не следование ли чему-то такому, что не приводит к творческому состоянию? Если это ложный процесс, можем ли мы полностью уничтожить и отбросить его? Это может произойти только, когда я не познаю на опыте, как познаёт на опыте мыслитель, но когда я осознаю ложность данного процесса и вижу: существует только состояние, в котором мыслитель есть мысль.

До тех нор пока я познаю на опыте, до тех пор пока я «становлюсь» кем-то или чем-то – действие должно быть дуалистическим; должны быть мыслитель и мысль – два отдельно работающих процесса; их интеграции не происходит, всегда наличествует центр, оперирующий через волю к действию – быть или не быть кем-то или чем-то, коллективно, индивидуально, национально и так далее. Это универсальный процесс. До тех пор пока усилие разделяется между носителем опыта и опытом, усилие должно подвергаться порче. Интеграция усилия возможна только, когда мыслитель более не наблюдатель. В настоящее время мы знаем мыслителя и мысль, наблюдателя и наблюдаемое, носителя опыта и переживаемое на опыте – два различные состояния. Наше усилие – соединить мостом их обоих.

Воля к действию всегда дуалистична. Возможно ли выйти за пределы этой воли, которая ведёт к отделению, и открыт?состояние, в котором дуалистического состояния не существует? Такое открытие можно сделать, только когда мы непосредственно переживаем на опыте состояние, в котором мыслитель есть мысль. Сейчас мы полагаем, будто мысль отделена от мыслителя; но так ли это? Мы хотели бы думать, что так, потому что тогда мыслитель сможет объяснить все вопросы посредством своей мысли. Усилие мыслителя – стать чем-то большим или стать чем-то меньшим; поэтому в этой борьбе, в этом действии воли, в этом «становлении» чем-то всегда присутствует фактор порчи; мы следуем здесь ложному процессу – не истинному процессу.

Существует ли разделение между мыслителем и мыслью? До тех пор пока они отделены, разделены, наше усилие растрачивается впустую; мы следуем ложному процессу, который деструктивен и несёт в себе фактор порчи. Мы полагаем, будто мыслитель отделён от своей мысли. Когда я обнаруживаю, что жаден, привязан к собственности, груб, я думаю – не следует мне быть таким. Мыслитель тогда пытается изменить свои мысли, и, следовательно, предпринимается попытка стать другим; в процессе этого усилия он следует ложной иллюзии, что перед ним два отдельных процесса, тогда как существует только один процесс. Думаю, в этом и заключается основной фактор порчи усилия.

Возможно ли испытать на опыте то состояние, когда есть только одна сущность, а не два отдельных процесса – носитель опыта и опыт? Тогда, возможно, мы выясним, что значит быть творческим и каково состояние, которое никогда не подвержено порче, в каких бы взаимоотношениях ни находился человек.

Я жаден. Я и жадность – не два различных состояния; есть только одна вещь, и она – жадность. Если я осознаю, что я жаден – что происходит? Я делаю усилие не быть жадным,

либо в силу социологических причин, либо по религиозным основаниям; это волевое усилие всегда будет в узком ограниченном кругу; я могу расширить круг, но он всё равно ограничен. Следовательно, фактор порчи усилия – налицо. Однако, взглянув немного глубже и внимательнее, я вижу, что тот, кто делает усилие не быть жадным – он-то и есть причина жадности, он – сама жадность; и я также вижу, что нет «я» и «жадность», существующих отдельно, но что есть только жадность. Если я осознаю, что я жаден, что нет наблюдателя, который жаден, но что жадность – это я сам, тогда весь наш вопрос будет совершенно иным; и наш ответ на него будет совершенно иным; тогда наше усилие не будет деструктивным.

Что вы станете делать, когда ваше существо насквозь пропитано жадностью, когда любое ваше действие, что бы вы ни делали – жадность? К сожалению, мы не мыслим в направлении таких подходов. Есть «я», высшая сущность, верховный главнокомандующий, который контролирует, господствует. Я считаю, это деструктивный процесс. Это иллюзия, и мы знаем, почему цепляемся за неё. Я разделяю себя на «высокое» и «низкое», для того чтобы продолжать вести двойственное существование. Если есть только жадность, одна только жадность, не «я», оперирующее жадностью, но я, целиком являющийся жадностью, – что тогда происходит? Несомненно, тогда начинает действовать совершенно иной процесс, возникает иная проблема. Это творческая проблема, в которой нет чувства «я», господствующего, становящегося или не становящегося кем-то «я». Мы должны прийти к этому состоянию, если хотим быть творческими. В этом состоянии нет того, кто делает усилие. Неважно, словесное выражение или попытка выяснения, что такое это состояние; на этом пути вас ждут одни потери, обретения – никогда. Что важно, так это видеть: тот, кто делает усилия, и объект, на который направлены делаемые им усилия, – одно и то же. Это требует огромной силы понимания, внимания, видения, как ум разделяет себя на «высокое» и «низкое» – «высокое», являющееся безопасностью, постоянной сущностью, но всё ещё остающееся процессом мысли и, следовательно, времени. Если мы сможем понять это как непосредственный опыт, тогда вы увидите – совершенно иной фактор обретает бытие.

Глава шестнадцатая

Может ли мышление разрешить наши проблемы?

Мысль не разрешила наши проблемы, и я не думаю, что когда-либо разрешит. Мы положились на интеллект, который укажет нам выход из наших сложностей. Чем хитрее, отвратительнее, коварней интеллект, тем больше разнообразие систем, теорий, идей. А идеи не разрешают ни одной из наших человеческих проблем; никогда не разрешали и никогда не разрешат. Ум – не решение проблемы; путь мысли, очевидно, не выход из наших трудностей. Мне кажется, что мы должны сперва понять процесс мышления, и, может быть, смочь выйти за его пределы – ибо, когда мысль прекратится, мы, возможно, будем в состоянии найти путь, который поможет нам разрешить наши проблемы, не только личные, но и общественные.

Мышление не разрешило наших проблем. Умники – философы, учёные, политические лидеры – не разрешили на самом деле ни одной из наших человеческих проблем, которые заключаются во взаимоотношениях между вами и другим, между вами и мной. До сих пор мы пользовались умом, интеллектом, чтобы помочь себе исследовать проблемы и надеясь, таким образом, найти их решение. В состоянии ли мысль когда-либо устранить наши проблемы? Не свойственно ли мысли – если это не лабораторная, не положенная на чертёжную доску мысль – не свойственно ли ей стремление к самосохранению, к бесконечному продолжению самой себя, не обусловлена ли она? Не является ли активность мысли – это(само)центрической активностью? И может ли такая мысль когда-либо разрешить хоть какую-нибудь из проблем, которые сама эта мысль и создала? Может ли ум, который создал эти проблемы, разрешить то, что он сам же и породил?

Несомненно, мышление – это реакция. Если я задаю вам вопрос, вы отвечаете на него – вы реагируете согласно своей памяти, своим предвзятым мнениям, своему воспитанию, своей

природной среде, согласно всему заднему фону своей обусловленности; вы отвечаете соответственно всему этому, вы мыслите соответственно всему этому. Центром этой фонообразующей обусловленности является «я» в процессе действия. До тех пор пока этот фон не понят, до тех пор пока этот мыслительный процесс, это «само», которое создаёт проблемы, не понято и ему не положен конец, мы обречены на конфликт, внутренний и внешний – в мысли, в чувстве, в действии. Никакое решение любого рода, каким бы умным, каким бы продуманным ни было оно, никогда не может положить конец конфликту между человеком и человеком, между вами и мной. Понимая это, осознавая, как и из какого источника возникает мысль, мы спрашиваем тогда: «Может ли мысль когда-либо прийти к концу?»

Вот одна из проблем, не так ли? Может ли мысль разрешить наши проблемы? Размышляя над проблемой, решаете ли вы её? Любая проблема – экономическая, социальная, религиозная – разрешалась ли она когда-либо реально с помощью мышления? Чем более вы размышляете над какой-нибудь проблемой в своей повседневной жизни, тем более сложной, неразрешимой, неясной становится она. Разве не так происходит в нашей реальной, повседневной жизни? Вы можете, продумывая некоторые аспекты проблемы, более ясно увидеть точку зрения другого человека, но мысль не в состоянии увидеть всю полноту и целостность проблемы – она может видеть её только частично, а частичный ответ – неполный ответ, следовательно, это не решение.

Чем более мы размышляем над проблемой, чем более мы исследуем, анализируем и обсуждаем её, тем более сложной становится она. Так возможно ли смотреть на проблему всеобъемлющим, целостным взглядом? Как это возможно? В этом-то, мне кажется, и заключается наша главная трудность. Наши проблемы всё множатся – тут и надвигающаяся угроза войны, и всевозможные раздоры в наших взаимоотношениях, – и как же нам понять всё это исчерпывающим, всеобъемлющим образом, как целое? Очевидно, эти проблемы могут быть разрешены только когда мы смотрим на них как на целое – не как на что-то изолированное, разъятое на части. Когда возможен такой целостный взгляд? Несомненно, он возможен только когда процесс мышления – имеющий своим источником «я», «само», задний план традиции, обусловленности, пристрастий, надежд, отчаяния, – когда процесс мышления пришёл к концу. Можем ли мы понять своё «само», не анализируя, но видя его как оно есть, осознавая его как факт, а не как теорию – не стремясь уничтожить «само» для того чтобы достичь какого-то результата, но видя не прекращающуюся ни на минуту активность «само», «я»? Можем ли мы смотреть на него без всякого поползновения разрушить или поощрить его? Вот проблема, не правда ли? Если в каждом из нас не будет существовать центра «я», с его желанием власти, положения, авторитета, с его стремлением к самосохранению и к вечному продолжению себя – с нашими проблемами, несомненно, будет покончено!

«Само» – проблема, которую не в состоянии разрешить мысль. Здесь должно быть осознание, которое рождается неиз мысли. Осознавать, без осуждения или оправдания, деятельность «само» – просто осознавать – этого достаточно. Если вы осознаёте, для того чтобы найти как решить проблему, для того чтобы видоизменить её, для того чтобы получить результат, – то это всё ещё в поле «само», «я». До тех пор пока мы ищем результат, будь то с помощью анализа, будь то с помощью осознания, будь то с помощью постоянного исследования каждой мысли – мы всё ещё находимся внутри поля мысли, то есть внутри поля «само», «я», это, назовите как хотите.

До тех пор пока существует активность ума – любви, несомненно, быть не может. А будь любовь, у нас не будет социальных проблем. Но любовь не что-то такое, чего можно достичь, что можно приобрести. Ум может стремиться приобрести её, как новую мысль, новую побрякушку, новый образ мыслей; но до тех пор пока любовь – достижение мысли, ум не может быть в состоянии любви. До тех пор пока ум стремится быть в состоянии, в котором отсутствует жадность, он, несомненно, всё ещё жаден, не правда ли? Подобным же образом, до тех пор пока ум хочет, желает испытать и практиковать состояние, в котором

есть любовь, он, несомненно, отрицает это состояние, разве не так?

Когда мы видим эту проблему, эту сложную проблему жизни, и осознаём процесс своего собственного мышления, и понимаем, что оно в действительности ведёт в никуда – когда мы глубоко понимаем это, тогда, несомненно, появляется то состояние разума, который не есть индивидуальный разум или коллективный разум. Тогда проблема взаимоотношения личности и общества, личности и какого бы то ни было сообщества, личности и действительности перестаёт существовать; ибо тогда есть только разум, который ни личен, ни безличен. Он не результат; он возникает лишь когда мы понимаем, целиком и полностью понимаем весь процесс мышления, не только на сознательном уровне но также, и на более глубоких, скрытых уровнях сознания.

Для того чтобы понять любую из этих проблем, нам надо обладать очень спокойным умом, очень тихим умом, чтобы ум мог смотреть на проблему, не вмешивая никаких идей или теорий, не отвлекаясь ничем. Вот одна из наших трудностей – мысль, становящаяся фактором отвлечения. Когда я хочу понять, рассмотреть что-то, я не должен размышлять о нём – я должен смотреть на него. Как только я начинаю размышлять, как только у меня появляются идеи, мнения о нём, я уже нахожусь в состоянии отвлечения внимания, смотрю мимо той вещи, которую должен понять. Так, при наличии проблемы мысль становится отвлекающим фактором – мысль, являющаяся идеей, мнением, суждением, сравнением, – а это мешает нам смотреть и, таким образом, понимать и решать проблему. К сожалению, для большинства из нас мысль стала невероятно важна. Вы говорите: «Как могу я существовать, жить не мысля? Как могу я оставлять свой ум пустым?» Иметь пустой ум означает для вас находиться в состоянии ступора, идиотии, и ваша инстинктивная реакция – отвергнуть это состояние. А ведь несомненно, что ум, который совершенно спокоен, ум, который не отвлекается своими собственными мыслями, ум, который открыт, – такой ум может смотреть на проблему очень прямо и очень просто. И эта способность смотреть на свои проблемы, не отвлекаясь ничем, – вот единственное решение. Для этого и должен существовать тихий, спокойный ум.

Такой ум – не результат, не конечный продукт духовной практики, медитации, самоконтроля. Он возникает не благодаря какой-то форме дисциплины, или принуждения, или сублимации; он возникает без всякого усилия «я», мысли; он возникает, когда я понимаю весь процесс мышления – когда я вижу факт, ни на йоту не отвлекаясь от него. В этом состоянии полного покоя ума, который совершенно тих, появляется любовь. И одна только любовь может решить все наши человеческие проблемы.

Глава семнадцатая

Функция ума

Когда вы наблюдаете за вашим умом, вы всматриваетесь не только в так называемый верхний слой, вы одновременно бдительно наблюдаете подсознание; вы видите фактическую деятельность ума, не так ли? Только таким образом вы можете вести исследование. Не пытайтесь внушить уму, что он должен был бы думать, что он должен был бы делать и так далее, – это свелось бы просто к высказыванию определённого утверждения. То есть если вы говорите, что ум должен быть таким и не быть чем-то иным, то вы прекращаете всякое исследование и всякое мышление; или если вы цитируете некий высокий авторитет, вы опять-таки прекращаете мышление, ведь так? Если вы ссылаетесь на Будду, Христа или XYZ, мышление заканчивается, прекращается стремление выяснить и вести исследование. Так вот, человеку следует остерегаться этого. Вы должны отбросить все эти тонкие уловки ума, если вы хотите исследовать проблему деятельности «само», нашего «я», вместе со мной.

В чём функция ума? Чтобы выяснить это, вам нужно знать, как фактически действует ум. Что делает ваш ум? Все его действия – это процесс мышления, не так ли? Вне этого ум не существует. Пока ум не мыслит, сознательно или подсознательно, мышления нет. Нам

необходимо выяснить, что предпринимает в отношении наших проблем тот ум, которым мы пользуемся в нашей повседневной жизни, и также тот ум, который для большинства из нас является подсознанием. Мы должны видеть ум таким, каков он есть, а не таким, каким мы хотели бы, чтобы он был.

Так вот, что представляет собой ум, когда он функционирует? Фактически это процесс изолирования, не так ли? В основном именно это является деятельностью мысли. Мышление – вид изолирования, которое всё же остаётся при этом коллективным. Когда вы наблюдаете за своим собственным мышлением, вы можете убедиться, что это процесс изолирования, фрагментации. Вы мыслите в соответствии с вашими реакциями, с процессом памяти, вашего опыта, ваших знаний или ваших верований. Вы реагируете в зависимости от всего этого, верно? Если я говорю, что должна произойти коренная революция, вы немедленно реагируете. Вы будете возражать против слова «революция», если у вас имеются значительные капиталовложения, духовные или какие-либо иные. Таким образом, ваша реакция будет зависеть от ваших знаний, от вашей веры, от вашего опыта. Это вполне очевидный факт. Есть разные формы реакций. Вы говорите: «Я должен испытывать братские чувства», «Я должен сотрудничать», «Я должен быть дружелюбным», «Я должен быть умным» и так далее. Чем является всё это? Всё это реакции; но основная реакция мышления – процесс изолирования. Вы следите за процессом вашего собственного ума, каждый из вас, что означает – отслеживаете своё собственное действие, веру, знание, переживание, опыт. Всё это даёт ощущение безопасности, не так ли? Всё это создаёт безопасность, придаёт силы процессу мышления. Этот процесс, в свою очередь, придаёт силы «я», независимо от того, называете вы это «я» высоким или низким. Все наши религии, все социальные санкции, все наши законы поддерживают индивида, индивидуальное «я», «само», разделяющее действие; и как противоположность этому существует тоталитарное государство. Если вы ещё глубже вникнете в подсознание – там работает тот же самый процесс. Мы видим, что коллектив находится под влиянием окружающей среды, климата, общества, отца, матери, деда. И тут снова присутствует стремление утверждать себя, доминировать, господствовать как индивидуальность, как «я».

Не является ли функция ума, каким мы его знаем, посредством которого мы действуем ежедневно, процессом изолирования? Не стремитесь ли вы к индивидуальному спасению? Вы в будущем станете кем-то значительным; или ещё в этой жизни вы будете великим человеком, великим писателем. Все наши устремления направлены на то, чтобы выделить себя. Может ли ум делать что-либо, кроме этого? Может ли мышление действовать, не разделяя, не сосредотачиваясь только на себе самом, действовать не фрагментарно? Это невозможно. Мы преклоняемся перед умом, он имеет чрезвычайно важное значение. Разве вы не замечали, какую важную роль вы начинаете играть в обществе, как только вы овладели некоторыми ловкими приёмами, приобрели немного информации и знаний? Вы знаете, как вы преклоняетесь перед теми, кто обладает более развитым интеллектом, – перед юристами, профессорами, ораторами, великими писателями и исследователями! Вы культивировали интеллект и ум.

Функция ума – быть разделяющим; иным ваш ум не существует. Развивая этот процесс на протяжении столетий, мы обнаруживаем, что мы не можем сотрудничать; нас приводит в движение, заставляет действовать только авторитет или страх, возникающий на почве экономической или религиозной. Если таково фактическое состояние не только поверхностного сознания, но и более скрытых, более глубоких слоев, наших мотивов, намерений, наших устремлений – как может существовать сотрудничество? Как может быть разумное объединение, чтобы совместно что-то делать? Поскольку это почти неосуществимо, религии и организованные социальные партии в принудительном порядке навязывают индивидам определённые формы дисциплины. И тогда только, под воздействием этой дисциплины, люди объединяются для совместной работы.

Пока мы не поймём, как уйти за пределы этого вносящего разделение мышления, этого процесса, придающего особое значение «я» и «моё», независимо от того, в коллективной ли

это форме или в индивидуальной – мира у нас не будет; мы будем в постоянном конфликте и войнах. Наша проблема – как положить конец разделяющему процессу мысли? Может ли мысль когда-нибудь разрушить «само» – мысль, будучи процессом вербализации и реакции? Мысль – это только реакция, ничего кроме реакции; мысль не что-то творческое. Может ли такая мысль сама прийти к концу? Вот что мы пытаемся выяснить. Когда я думаю в направлениях: «Я должен дисциплинировать себя», «Я должен мыслить лучше», «Я должен быть этим или тем», – мысль заставляет себя, принуждает себя, дисциплинирует себя быть чем-то или не быть чем-то. Не есть ли это процесс изолирования? Это, следовательно, не объединяющая разумность, разум, действующий во всей полноте и целостности, единственно от чего и может существовать сотрудничество.

Как вам прийти к концу мысли? Или, скорее, как мысль, изолированная, фрагментарная и частичная, приходит к концу? Разрушит ли её ваша так называемая дисциплина? Вполне очевидно, что за все эти долгие годы вы не добились успеха, иначе вы бы не были здесь. Пожалуйста, исследуйте процесс дисциплины, который представляет собой только процесс мысли, в котором имеется подчинение, подавление, контроль, господство – действующие на подсознание, что закрепляется по мере того, как вы становитесь старше. Всё, что вы предпринимали на протяжении долгого времени, ни к чему не привело; вы должны были прийти к выводу, что дисциплина, несомненно, не является процессом, разрушающим «само». «Само» не может быть разрушено дисциплиной, поскольку дисциплина является процессом, укрепляющим «я», «само». А между тем все ваши религии поддерживают её; все ваши медитации, ваши утверждения основаны на ней. Может ли знание разрушить «само»? Разрушит ли его вера? Иными словами, может ли что-либо, предпринимаемое нами сейчас, может ли какая-либо наша нынешняя деятельность, имеющая целью добраться до корней «само», – может ли что-либо из всего этого привести к успеху? Не является ли всё это растратой энергии в мыслительном процессе – в процессе изолирования, реакции? Что вы предпримете, когда вы глубоко, до конца поймёте, что мысль не может положить себе конец? Что тогда произойдёт? Наблюдайте, отслеживайте себя. Когда вы полностью осознали этот факт – что происходит? Вы понимаете, что любая реакция обусловлена и что из-за обусловленности не может быть свободы либо в начале, либо в конце – а свобода всегда в начале, не в конце.

Когда вы понимаете, что любая реакция есть форма обусловленности и потому даёт продление «само» различными способами, – что происходит фактически? У вас должна быть полная ясность в этом вопросе. Вера, знание, дисциплина, опыт, весь процесс достижения результата или цели, амбиции, честолюбие, стремление стать кем-то или чем-то в этой жизни или в будущей жизни – всё это процесс изоляции, приносящий разрушение, бедствия, несчастье, войны, от которых нельзя убежать путём коллективного действия, как бы вам ни угрожали концентрационными лагерями и тому подобным. Осознаёте ли вы этот факт? В каком состоянии ум, который говорит: «Это так», «Это моя проблема», «Это в точности то, что я собой представляю», «Я вижу, что могут делать знание и дисциплина, что делает честолюбие»? Несомненно, если вы видите, понимаете всё это – в работе уже совсем иной процесс.

Мы видим пути интеллекта, но мы не видим пути любви. Путь любви не может быть найден с помощью интеллекта. Интеллект, со всеми его разветвлениями, со всеми его желаниями, амбициями, устремлениями должен прийти к концу, чтобы любовь могла войти в жизнь, существовать. Разве вы не знаете, что когда вы любите, вы в совместном действии, вы не думаете о себе. Это высочайшая форма разума – не когда вы любите с позиций превосходства или когда вы занимаете хорошее положение, здесь только страх и ничего более. Когда вы заинтересованы, не может быть любви; здесь только процесс эксплуатации, порождённый страхом. Так что любовь может обрести бытие только когда ум в отсутствии. Поэтому вы должны понять весь процесс ума, функцию ума.

Только когда мы познаём, как любить каждому каждого, может быть сотрудничество, только тогда может быть разумная деятельность, проводящаяся совместно над любым

вопросом. Только тогда есть возможность выяснять, что такое Бог, что такое истина. Сейчас мы пытаемся выяснять истину с помощью интеллекта, подражанием – это идолопоклонство. Только когда мы отбросим полностью, путём понимания, всю структуру «само», «я», только тогда то, что вечно, что вне времени, что неизмеримо может обрести бытие. Вы не можете подойти к нему; оно приходит к вам.

Глава восемнадцатая

Самообман

Я хотел бы обсудить или рассмотреть вопрос самообмана, заблуждений и иллюзий, которым ум потворствует и которые он навязывает и себе и другим. Это очень серьёзная вещь, особенно при том состоянии кризиса, в котором находится мир. Но чтобы понять всю проблему самопознания в целом, мы должны сначала проследить её не только на словесном уровне, но внутренне, глубоко, в самой основе. Мы слишком легко довольствуемся словами, утверждающими и отрицающими; мы по-житейски мудры; и, будучи по-житейски мудрыми, всё, что мы можем делать, так это надеяться, что что-то произойдёт. Мы видим, что объяснение войны не останавливает войну; нет числа историкам, теологам и религиозным людям, которые объясняют войну и как она возникает, но войны по-прежнему продолжаются, быть может, более разрушительные, чем когда-либо. Те из нас, кто по-настоящему серьёзен, должны выйти за пределы слова, должны стремиться к этой основополагающей, коренной революции внутри нас самих. Это единственное средство, которое может принести непреходящее, фундаментальное спасение человечества.

Подобным же образом, когда мы будем обсуждать эту форму самообмана, мы должны, я думаю, остерегаться поверхностных объяснений и возражений; мы должны, если позволите, не просто слушать ведущего беседу, но отслеживать эту проблему, как мы знаем её в нашей повседневной жизни; то есть мы должны наблюдать самих себя в мышлении и в действии, наблюдать, как мы воздействуем на других и как мы продолжаем действовать от себя.

Какова причина, основа – для самообмана? Сколь многие из нас действительно осознают, что мы обманываем самих себя? Прежде чем мы сможем ответить на вопрос: «Что такое самообман и как он возникает?» – не следует ли нам осознать, что мы обманываем себя? Знаем ли мы, что мы обманываем себя? Что мы подразумеваем под этим обманом? Думаю, это очень важно, ведь чем больше мы обманываем себя, тем большую силу приобретает обман; благодаря этому он даёт нам определённые жизненные силы, определённую энергию, определённую способность, которая налагает печать нашего обмана на других. Поэтому постепенно мы не только навязываем обман себе, но и всучиваем его другим. Это взаимодействующий процесс самообмана. Осознаём ли мы этот процесс? Мы считаем, что мы способны мыслить очень ясно, целеустремлённо и прямо; а осознаём ли мы, что в этом процессе мышления присутствует самообман?

Не является ли мысль сама по себе процессом поиска, выискивающего оправдание, безопасность, самозащиту, желания создать хорошее впечатление, желания иметь положение, престиж, власть? Не это ли желание быть – политически или религиозно, социально – и есть сама причина самообмана? В момент, когда я хочу чего-либо другого, чем просто материально необходимое, – не создаю ли я, не приношу ли я состояния, которое легко принимает, легко допускает, соглашается? Возьмём, к примеру, такое: многим из нас интересно знать, что происходит после смерти; чем мы старше, тем больше это нас интересует. Мы хотим знать истину этого. Как мы будем выяснять её? Конечно, не чтением и не разными объяснениями.

Как вы будете выяснять это? Прежде всего, вам следует полностью очистить ваш ум от каждого фактора, стоящего на пути как помеха – от каждой надежды, от каждого желания про длить, придать длительность, каждого желания выяснить, что же там, по другую сторону. Поскольку ум постоянно выискивает безопасность, у него имеется желание

продления, создания длительности и надежды на способы осуществления этого, на будущее существование. Такой ум, хоть он и стремится к исти не о жизни после смерти, перевоплощению или чему-либо ещё, не способен открыть эту истину, не так ли? Важно не то, истинно перевоплощение или нет, – но то, как ум ищет оправдания, путём самообмана, факта, который может быть или может не быть. Что важно – так это подход к проблеме, с каким мотивом, с каким побуждением, с каким желанием вы подходите к ней.

Ищущий всегда сам всучивает самому себе этот обман; никто другой не всучит его ему; он сам делает это. Мы создаём обман и затем мы становимся рабами его. Основополагающий фактор самообмана – это постоянное желание быть кем-то в этом мире и в мире потустороннем. Нам известен результат желания быть чем-то в этом мире; это полнейшее смятение, где каждый соревнуется с другим, где каждый разрушает, уничтожает другого во имя мира; вы знаете всю эту игру, в которую мы играем друг с другом, – эту необычную форму самообмана. Подобным же образом нам хочется безопасности в другом мире, положения.

Итак, мы начинаем обманывать себя в момент, когда присутствует это побуждение быть, стать или достигнуть. Это очень трудная вещь для ума – быть свободным от этого. Это одна из основных проблем нашей жизни. Возможно ли жить в этом мире и быть ничем, ничего собой не представлять? Тогда только имеет место свобода от всякого обмана, потому что только тогда ум не стремится к результату, ум не выискивает удовлетворяющий его ответ, ум не ищет безопасности ни в какой форме, ни в каком взаимоотношении. Это имеет место тогда, когда ум осознал возможности и тонкости обмана и потому с пониманием отбрасывает каждую форму оправдания, безопасности – что означает, что ум способен тогда быть полностью ничем. Возможно ли такое?

Пока мы обманываем себя в любой форме, не может быть любви. Пока ум способен создавать и навязывать, всучивать самому себе обман, он очевидным образом отделяет себя от общего или объединяющего понимания. Это одна из наших трудностей; мы не знаем, как сотрудничать, как действовать совместно. Всё, что мы знаем, – что мы пытаемся работать вместе в направлении цели, которую мы оба, каждый из нас, хотим осуществить. Со трудничество может быть, только когда вы и я не имеем общей цели, созданной мыслью. То есть важно осознать, что такое сотрудничество возможно единственно тогда, когда вы и я не желаем быть чем-то. Когда вы и я желаем быть чем-то, тогда вера и всё прочее становятся необходимыми, необходимой становится Утопия, которую проецирует «само», ваше «я». Но если вы и я творим вне собственных «я», анонимными, без всякого самообмана, без всяких барьеров веры или знания, без желания быть в безопасности – тогда имеет место истинное сотрудничество.

Возможно ли для нас сотрудничать, быть нам вместе, не имея в виду какой-либо цели? Можем ли вы и я работать вместе без стремления к результату? Несомненно, это-то и есть подлинное сотрудничество, не так ли? Если вы и я обдумываем, работаем и создаём план для получения результата и мы работаем вместе в направлении этого результата – что тогда включено в этот процесс? Наши мысли, наши интеллектуальные умы, конечно, встречаются; но эмоционально всё существо может сопротивляться этому, что приносит обман, что приносит конфликт между вами и мной. Это очевидный и вполне наблюдаемый факт в нашей повседневной жизни. Вы и я согласно делаем определённую часть работы интеллектуально – но подсознательно, глубоко, вы и я ведём борьбу друг с другом. Я хочу результата для своего удовлетворения; я хочу преобладать; я хочу, чтобы моё имя стояло впереди вашего, хотя и говорю, что я работаю с вами. Так мы оба, создатели этого плана, в действительности противостоям один другому, несмотря на то что внешне вы и я согласны относительно этого плана.

Не важно ли выяснить, можем ли вы и я сотрудничать, общаться, жить вместе в мире, где вы и я ничто; способны ли мы действительно и по-настоящему сотрудничать не на поверхностном уровне, но основательно? Это одна из наших величайших проблем, быть может, самая великая. Я отождествляю себя с объектом, и вы отождествляете себя с тем же

объектом; оба мы в нём заинтересованы; оба мы намерены создать его. Не сомненно, этот процесс мышления очень поверхностен, ведь путём отождествления мы вносим разделение – что так очевидно в нашей повседневной жизни. Вы индуус, а я католик; мы оба проповедуем братство, и мы друг друга берём за горло. Почему? Это одна из наших проблем, не так ли? Подсознательно и глубоко – у вас ваши верования, а у меня мои. Говоря о братстве, мы не разрешаем всю проблему верований, у нас только теоретически и интеллектуально имеется согласие, что это должно быть так; внутренне и глубоко, мы – один против другого.

Пока мы не разрушим эти барьеры, которые – самообман, дающий нам определённые жизненные силы, между вами и мной сотрудничества быть не может. Путём отождествления с группой, с определённой идеей, с определённой страной нам никогда не создать сотрудничества.

Вера, убеждение, не принесёт сотрудничества; напротив, она разделяет. Мы видим, как одна политическая партия противостоит другой, каждая верит в определённый путь разрешения экономических проблем, и потому все они ведут борьбу одна с другой. Они не занимаются разрешением проблем, например проблемы голода. Они озабочены теориями, которыми собираются решать эту проблему. Они на самом деле озабочены не самой проблемой, а методом, которым эта проблема может быть разрешена. Поэтому между двумя должен быть раздор, борьба, ведь они озабочены идеей, а не проблемой. Схожим образом и религиозные люди противостоят один другому, хотя словесно они утверждают, что жизнь едина и Бог у всех один; вы знаете всё это. Внутренне их веры, убеждения, их мнения, их опыты разрушают их и ведут их к разделению.

Переживание, опыт становится разделяющим фактором в наших человеческих взаимоотношениях. Переживание – путь обмана. Если я испытал что-то, пережил что-то – я цепляюсь за это, я не вхожу во всю проблему процесса переживания, но, поскольку у меня имеется переживание, мне этого достаточно и я цепляюсь за него; тем самым я посредством этого переживания втянут в самообман.

Наша трудность в том, что каждый из нас отождествил себя с определённой верой, с определённой формой или методом достижения счастья, экономического процветания и прочего – ум наш захвачен этим, и мы не способны глубже проникнуть в проблему; поэтому нам хочется внутренне оставаться в стороне, с нашими личными способами, верованиями и переживаниями. Пока мы не разрешим их путём понимания – не только на поверхностном уровне, но и на более глубоком уровне тоже – мира в мире быть не может. Вот почему так важно для тех, кто действительно серьёзен, понять всю эту проблему в целом – желание стать, до стигнуть, добиться, выгадать – не только на поверхностном уровне, но основательно и глубоко; иначе миру в мире не бывать.

Истина – не что-то, что добывается. Любовь не может прийти к тем, у кого имеется желание удержать её или кому нравится становиться тем, кого отождествят с любовью. Несомненно, такое приходит, когда ум не ищет, когда ум полностью спокоен, не создавая больше движений и верований, от которых он может зависеть или из которых он может извлечь определённую силу, являющуюся знаком самообмана. Только когда ум понимает весь процесс желания, он может быть тихим. Только тогда ум пребывает вне движения быть или не быть; только тогда существует возможность состояния, в котором отсутствует обман любого рода.

Глава девятнадцатая

Эго(само)центрическая активность

Большинство из нас, я полагаю, осознают, что для оказания сопротивления эго(само)центрической активности нам уже были представлены каждая форма уговаривания, каждая форма убеждения. Религии путём обещаний, страхом перед адом, разными видами осуждения пытались разными способами отвести человека от той постоянной активности, что рождается из центра «я». Это провалилось; политические организации взялись за это.

Там снова – уговоры; там снова – далёкая утопическая надежда. Каждая форма законодательства, от очень ограниченных до самых крайних, включая концентрационные лагеря, были использованы и против любой формы сопротивления применялась сила. И всё же мы продолжаем свою эго(само)центрическую деятельность, которая, похоже, есть единственный вид действия, известный нам. Если мы думаем об этом вообще, мы пытаемся изменить это; если мы осознаём это, мы стараемся изменить направление этого; но основательно, глубоко изменения нет, нет радикального прекращения этой активности. Вдумчивые люди осознают это; они осознают также, что когда эта активность из центра исчезает, только тогда и может быть счастье. Большинство из нас считают эту активность естественной и что последующее действие, которое неизбежно, может быть лишь модифицированным, сформированным и контролируемым. Теперь те, кто немного более серьёзен, более искренен, не прямолинейны – ведь прямолинейность есть путь самообмана, должны выяснить путём осознания этого необычайного универсального процесса эго(само)центрической активности, может ли человек выйти за её пределы.

Чтобы понять, что представляет собой эта эго(само)центрическая активность, человеку следует, что вполне очевидно, исследовать её, взглянуть в неё, осознать полный процесс. Если человек может осознать её, тогда есть возможность её разрешения; но осознание её требует определённого понимания, определённого намерения встретить её такой, какая она есть, не интерпретируя, не изменяя, не осуждая её. Мы должны осознать, что мы делаем, всю деятельность, распространяющуюся из этого эго(само)центрического состояния; мы должны сознать её. Одна из наших первых трудностей – в момент осознания этой деятельности мы хотим придать ей форму, мы хотим контролировать её, мы хотим осудить её или модифицировать её и из-за этого мы редко способны смотреть на неё прямо. Когда мы делаем это, очень немногие из нас в состоянии знать, что предпринять.

Мы признаём, что эго(само)центрическая активность вредна, разрушительна и что любая форма отождествления, идентификации – со страной, с определённой группой, поиск результата здесь или после, восхваление идеи, уподобление примеру, погоня за добродетелью и так далее, – всё это, по сути, деятельность эго(само)центрической личности. Все наши взаимоотношения – с природой, с людьми, с идеями – результат этой деятельности. Зная всё это – что человеку делать? Вся эта деятельность должна добровольно прийти к концу – не принуждением себя, не под влиянием, не под руководством.

Большинство из нас осознают, что эта эго(само)центрическая активность создаёт бедствия, страдания, нищету и хаос, но мы осознаём это только в определённых направлениях. Или мы наблюдаем её в других, а нашей собственной активности не придаём значения или, осознавая во взаимоотношениях с другими нашу собственную эго(само)центрическую активность, мы хотим изменения, мы хотим найти заменитель, мы хотим выйти за её пределы. Прежде чем мы сможем иметь с ней дело, мы должны знать, как этот процесс возникает, не так ли? Чтобы понять что-либо, мы должны быть способны взглянуть в это; чтобы взглянуть в неё, мы должны знать различные виды её активности на разных уровнях, и сознательных и подсознательных – сознательные направления и также эгоцентрические движения наших подсознательных мотивов и намерений.

Я осознаю эту активность «я», только когда я в противостоянии, когда сознание протестует, идёт наперекор, когда «я» желает получить результат, не так ли? Или я осознаю этот центр, когда удовольствие заканчивается, а мне хочется иметь его дольше и больше. Тогда присутствует сопротивление и намеренное придание уму формы – с определённой целью, которая сможет дать мне восторг, удовлетворение; я осознаю себя и свои действия, когда я сознательно стремлюсь обрести добродетель. Совершенно очевидно, что человек, сознательно преследующий добродетель, добродетельным не является. Скромность не может быть достигаемой, в этом красота скромности.

Этот эго(само)центрический процесс – результат времени, не так ли? Пока этот центр активности существует в любом из направлений, сознательном и подсознательном, должно быть движение времени, и я сознаю прошлое и настоящее в соединении с будущим.

Эго(само)центрическая активность «я» является процессом времени. Это память – то, что придаёт длительность активности центра, который есть «я». Если вы наблюдаете, отслеживаете себя и осознаёте этот центр активности, вы увидите, что он – только процесс времени, памяти, пережитого опыта и передачи каждого переживания в соответствии с памятью; вы увидите также, что деятельность «само», нашего «я» – это опознавание, узнавание уже известного, что тоже является процессом ума.

Может ли ум быть свободным от всего этого? Это может оказаться возможным в редкие моменты; для большинства из нас это может случиться, когда мы совершаем действие бессознательно, ненамеренно, не нацелено; но возможно ли для ума, когда-нибудь, оказаться полностью свободным от эгоцентрической активности? Это очень важный вопрос, надо задать его себе – потому что в самой постановке вопроса вы можете обнаружить ответ. Если вы осознаёте весь процесс этой эго(само)центрической активности, полностью представляете все её действия на различных уровнях вашего сознания, тогда, несомненно, вам следует спросить себя – может ли эта активность прекратиться? Возможно ли не думать в терминах времени, не думать в терминах – чем я должен быть, чем я был, чем я являюсь? Ведь именно с такой мысли и начинается весь процесс эго(само)центрической активности; здесь также начинаются установки решения стать кем-то или чем-то, установки решения выбирать или избегать – всё это процесс времени. Мы видим в этом процессе бесконечные бедствия, страдание, нищету, беспорядок, извращение, ухудшение, вы рождение.

Вполне очевидно, что процесс времени не революционен. В процессе времени нет преобразования, изменения; есть только непрерывность, продление и не законченность – нет ничего, кроме опознавания, узнавания уже известного. Только когда у вас полностью прекратится временной процесс, активность «само», вашего «я», только тогда революция, изменение, новое обретает бытие.

Осознавая весь этот процесс «я», в его деятельности, цели ком и полностью – что делать уму? Только с обновлением, только с революцией – не путём эволюции, не через становление «я», но благодаря полному прекращению «я» – присутствует это новое. Временной процесс не может принести это новое; время – не путь творчества.

Не знаю, был ли у кого-либо из вас момент творчества. Я не говорю о претворении в действие некоего видения; я имею в виду такой момент творчества, когда нет никакого узнавания уже известного. В такой момент существует такое необычайное состояние, в котором «я» как деятельность через узнавание уже известного исчезает. Если мы осознаём, мы увидим, что в таком состоянии нет носителя переживания – того, кто вспоминает, передаёт, опознаёт и затем идентифицирует; отсутствует процесс мысли – пребывающий во времени. В этом состоянии творчества, творческого возникновения нового, пребывающего вне времени, вообще нет действия «я».

Наш вопрос, конечно, такой: возможно ли для ума пребывать в таком состоянии, не на мгновение, не в редкие моменты, а – мне не хотелось бы использовать слова «всё время» или «навсегда», ведь они включают время – но быть в таком состоянии вне времени, не связанным временем. Безусловно, это важное открытие должно быть сделано каждым из нас, потому что в этом – дверь к любви; все другие двери – действия «само», нашего «я». Где действия «я» – любви нет. Любовь – вне времени. Вы не можете практиковать любовь. Если вы делаете это, тогда это самоосознающая деятельность «я», которое надеется через любовь получить результат.

Любовь – вне времени; вы не можете подойти к ней путём какого-либо сознательного усилия, с помощью какой-то дисциплины, какой-то идентификации – все они в поле процесса времени. Ум, который знает только этот процесс времени, не может любовь опознать, узнать как уже известное. Любовь – единственное, что вечно новое. Поскольку большинство из нас развивали ум, который есть результат времени, мы не знаем, что такое любовь. Мы говорим о любви; мы говорим, что мы любим людей, что мы любим детей, жену, соседа, ближнего, что мы любим природу; но в тот момент, когда мы осознаём, что мы любим, возникает действие «я»; поэтому любовь перестаёт существовать.

Этот всеобщий процесс ума может быть понят только путём взаимоотношений – взаимоотношений с природой, с людьми, с нашими собственными проекциями, со всем вокруг нас. Жизнь – взаимоотношения, ничего, кроме взаимоотношений. Хотя мы можем пытаться изолировать себя от взаимоотношений, мы не можем существовать без них. Хотя взаимоотношения болезненны, мы не можем убежать от них – ни изолирова нием себя, ни становясь отшельником, ни чем иным. Все эти способы указывают на деятельность «само». Видя всю картину, осознавая – без всякого выбора, без какого-либо определённого, нацеленного намерения, без желания какого-либо результата – весь процесс времени как сознание, вы увидите, что этот процесс времени приходит к концу добровольно – не принудительно, не как результат желания. Только когда этот процесс прекращается, есть любовь – та, что вечно новая.

Мы не должны искать истину. Истина – не что-то далёкое. Истина рядом с умом, истина рядом с его действиями каждый миг, от мгновения к мгновению. Если мы осознаём эту «от мгновения к мгновению» истину, весь этот процесс времени, это осознание выпускает на волю, освобождает сознательность понимания – энергию, которая есть разум, любовь. Так что пока ум использует сознание как активность «я», время, со всеми его бедствиями, со всеми его конфликтами, со всеми его намеренными обманами, обретает бытие; и только когда ум, понимая этот всеобщий процесс, исчезает – любовь может быть.

Глава двадцатая

Время и изменение

Я хотел бы поговорить немного о времени, так как я думаю, что богатство, красота и значение того, что за пределами времени, того, что истинно, может быть познано, только когда мы поймём весь процесс времени в целом. В конце концов, каждый из нас по-своему ищет ощущения счастья, обогащения. Несомненно, жизнь, имеющая значение, богатство истинного счастья, – вне времени. Как любовь, такая жизнь – за пределами времени; а чтобы понять то, что вне времени, мы должны понять время, а не подходить к этому с помощью времени. Мы не должны использовать время как средство достижения, понимания, приближения к тому, что вне времени. Но именно так поступает большинство из нас в нашей жизни: тратя время и пытаясь уловить то, что вне времени; поэтому важно понять, что мы подразумеваем под временем, потому что я думаю, что это возможно – быть свободным от времени.

Это интересно осознать, что наши жизни протекают преимущественно во времени – времени не в смысле хронологической последовательности, минуты, часы, дни и годы, но в смысле психологической памяти. Мы живём во времени, мы – результат времени. Наши умы – продукт многих вчерашних дней, и настоящее – просто переход, коридор от прошлого к будущему. Наши умы, наши действия, наше существо основаны на времени; вне времени мы не можем мыслить, ведь мысль – результат времени; мысль – производное многих вчерашних дней, и вне памяти мысль не существует. Память есть время; ведь есть два вида времени, хронологическое и психологическое. Есть время как вчерашний день по часам и как вчерашний день памяти. Вы не можете отбросить хронологическое время; это было бы нелепостью – вы опоздаете на поезд. Но существует ли вообще какое-либо время, кроме хронологического? Вполне очевидно, что есть время как вчерашний день, но есть ли время, которое представляется уму? Есть ли время, существующее отдельно от ума? Несомненно, время, психологическое время, есть продукт ума. Без фундамента из мысли времени нет – время есть просто память как вчера в его связи с сегодня, из чего формируется завтра. Это воспоминание о пережитом вчера как отклик на сегодня создаёт будущее – и всё это является процессом мысли, движением ума. Мыслительный процесс создаёт психологическое движение времени, но является ли оно реальным, таким же реальным, как хронологическое время? И можем ли мы использовать это созданное умом время как средство понимания вечного, того, что вне времени? Как я говорил, счастье – не от вчерашнего, оно не продукт

времени; счастье всегда в настоящем, это состояние вне времени. Не знаю, замечали ли вы, что когда в вас восхищение, творческая радость, ряд ярких облаков, окружённых тёмными облаками, в такие моменты времени нет: есть только непосредственное настоящее. Ум, приходящий после пережитого в настоящее, вспоминает и желает продления это го, усиливая себя всё больше и больше и тем самым создавая время. Так что время создаётся этим «больше»; время – приобретение, и время также отделяет, что также является приобретением ума. Поэтому простое дисциплинирование ума во времени, обуславливая мысль в рамках времени, то есть памяти, конечно, не приведёт к раскрытию того, что вне времени.

Является ли изменение вопросом времени? Большинство из нас привыкли думать, что для изменения необходимо время: я вот такой, а чтобы превратить то, чем я являюсь, в то, чем я должен был бы быть, требуется время. Я жаден, со всеми результатами жадности – смятением, антагонизмом, конфликтом и страданием; чтобы создать изменение, то есть не жадность, мы считаем, что время необходимо. Иными словами, время рассматривается как средство для развития чего-то более высокого, для того, чтобы стать чем-то. Проблема такова: чело век полон насилия, жесток, жаден, завистлив, раздражителен, гневен, порочен, страстен. Чтобы изменить то, что есть, – необходимо ли время? Прежде всего, почему вы хотите изменить то, что есть, или создать изменение? Почему? Потому что то, чем мы являемся, не удовлетворяет нас; оно создаёт конфликт, всякие нарушения, и из-за неприятностей такого состояния мы хотим чего-то лучшего, более благородного, более идеального. Следовательно, мы желаем изменения из-за боли, неудобства, конфликта. Может ли конфликт быть устранённым временем? Если вы скажете, что это возможно, вы всё ещё в конфликте. Вы можете сказать, что потребуется двадцать дней или двадцать лет, чтобы избавиться от конфликта, чтобы изменить то, чем вы являетесь, но на протяжении этого времени вы будете по-прежнему находиться в конфликте и, следовательно, время не создаёт изменения. Когда мы используем время как средство для приобретения какого-либо качества, добродетели или состояния бытия, мы просто откладываем или уклоняемся от того, что есть; и я считаю очень важным понять это. Жадность или насилие, жестокость доставляют нам боль, создают всякие нарушения, беспорядок в мире наших взаимоотношений с другим, что является обществом; и сознавая это состояние, нарушающее порядок, которое мы называем жадностью или насилием, мы говорим себе: «Я избавлюсь от этого со временем. Я буду практиковать ненасильственность, я буду практиковать независтливость, я буду практиковать миролюбие». Теперь, вы хотите практиковать ненасильственность, потому что насилие – состояние беспорядка, конфликт, и вы думаете, что со временем вы перестанете быть жестоким и преодолеете конфликт. Что же фактически происходит? Пребывая в конфликте, вы хотите достичь состояния, в котором нет конфликта. Но является ли это состояние без конфликта результатом времени, длительности? Несомненно, нет; ведь пока вы достигаете состояния, при котором насилие отсутствует, вы по-прежнему остаётесь с насилием и поэтому по-прежнему в конфликте.

Наша проблема – может ли конфликт, беспорядок, быть преодолён за некий период, будь то дни, годы или жизни? Что происходит, когда вы говорите: «Я намерен практиковать ненасильственность на протяжении определённого периода времени»? Сама практика указывает на то, что вы в конфликте, разве не так? Вы бы не практиковали, если бы не сопротивлялись конфликту; вы говорите, что сопротивление конфликту необходимо, чтобы преодолеть конфликт, и для этого сопротивления вы должны иметь время. Но само сопротивление конфликту само по себе является формой конфликта. Вы тратите свою энергию на сопротивление конфликту в той его форме, которую вы называете жадностью, завистью, насилием, но ваш ум по-прежнему в конфликте, поэтому важно увидеть ложность процесса, зависящего от времени, как средства преодоления насилия, и тем самым освободиться от такого процесса. Тогда вы способны быть тем, что вы есть: психологическим беспорядком, который насильствен сам по себе.

Чтобы понять что-либо, любую человеческую или научную проблему – что важно, что самое существенное? Спокойный ум, не так ли? – ум, настроенный на понимание,

стремящийся понять. Не тот ум, который исключает, пытаюсь сосредоточиться, что опять-таки является усилием сопротивления. Если я действительно хочу понять что-то, ум немедленно затихает. Когда вы слушаете музыку или смотрите на картину, которую вы любите, каково при этом состояние вашего ума? Мгновенно он приходит в состояние покоя, не правда ли? Когда вы слушаете музыку, ваш ум не блуждает по всему помещению; вы слушаете. Подобно этому, когда вы хотите понять конфликт, вы абсолютно не зависите от времени; вы смотрите на то, что есть, являющееся конфликтом. Тогда немедленно наступает тишина, спокойствие ума. Тогда вы уже не зависите от времени как средства для изменения того, что есть, ведь вы видите ложность этого процесса, тогда вы оказываетесь лицом к лицу с тем, что есть, и поскольку вы заинтересованы в понимании того, что есть, ваш ум естественно затихает. При этом бдительном и одновременно пассивном состоянии ума появляется понимание. Пока ум находится в конфликте, порицая, сопротивляясь, осуждая, понимания быть не может. Если я хочу вас понять, я не должен вас осуждать, это вполне очевидно. Только затихший, спокойный ум может привести к изменению. Когда ум перестал сопротивляться, уклоняться, отвергать или порицать то, что есть, но просто пассивно осознаёт, тогда при этой пассивности ума вы действительно вникаете в проблему – и тогда возникает изменение.

Революция возможна только сейчас, немедленно, не в будущем; возрождение должно произойти сегодня, не завтра. Если вы проверите на опыте то, что было сказано, вы убедитесь, что происходит немедленное возрождение, появляется нечто новое, качество свежести; потому что ум всегда затихает, когда он заинтересован, когда он хочет и стремится понять. Трудность для большинства из нас в том, что мы не стремимся понять, так как боимся, что если мы поймём, это может вызвать в нашей жизни революционные действия, и потому мы сопротивляемся. Так действует защитный механизм, когда мы используем время или идеал как средство постепенного изменения.

Возрождение возможно только в настоящем, не в будущем, не завтра. Человек, полагающийся на время как на средство, с помощью которого он может обрести счастье или раскрыть истину или Бога, просто обманывает сам себя; он живёт в неведении и потому в конфликте. Человек, видящий, что время не выведет нас из наших затруднений, и который тем самым свободен от того, что ложно, такой человек естественно стремится понять; поэтому его ум спонтанно приходит в состояние покоя, без принуждения и применения практических приёмов. Когда ум затих, спокоен, не ищет никакого ответа или решения, не сопротивляется и не пытается уклониться, только тогда может произойти возрождение, поскольку тогда ум способен воспринять то, что является истиной; освобождает только истина – не ваше усилие освободиться.

Глава двадцать первая

Творческая сила и осознание

Мы видим, что радикальные изменения необходимы – необходимы в обществе, в нас самих, в наших личных и групповых взаимоотношениях; как вызвать такое изменение? Если изменение совершится приспособлением к образцу, спроецированному умом, благодаря разумному, продуманному плану, то это изменение находится ещё внутри поля ума, и, следовательно, все расчёты, которые строит ум, превращаются в цель, в мечту, ради которой мы готовы пожертвовать собой и другими. Если придерживаться этого, то следует, что мы, человеческие существа, всего лишь создание ума, а это подразумевает приспособление, принуждение, жестокость, диктаторские режимы, концентрационные лагеря – весь букет. Когда мы поклоняемся уму, всё это подразумевается, не так ли? Если я осознаю это, если я вижу тщету дисциплины, контроля, если я вижу, что различные формы подавления только усиливают «я» и «моё», – что же мне делать тогда?

Чтобы рассмотреть эту проблему полностью, мы должны вникнуть в вопрос – что такое сознание. Интересно, думали ли вы об этом сами или только цитировали, что говорят о

сознании авторитеты? Не знаю, насколько вы поняли из собственного опыта, из изучения самих себя, что означает сознание – не только сознание повседневной активности и устремлений, но и скрытое, более глубокое, более богатое, гораздо более трудноуловимое сознание. Если мы хотим обсудить вопрос о коренном изменении в себе, а значит и в мире, и пробудить благодаря этому изменению, определённое видение, энтузиазм, пыл, веру, надежду, уверенность, которые дадут нам необходимый импульс для действия, – если мы хотим понять это, не необходимо ли вникнуть в вопрос сознания?

Мы видим, что имеем в виду под сознанием на поверхностном уровне ума. Очевидно – мыслительный процесс, мысль. Мысль – результат памяти, вербализации; она состоит в наименовании, регистрации и накоплении определённого опыта, что даёт возможность общения; на этом уровне действуют, также, различные запреты, контроль, разрешительные и запретительные санкции, дисциплина. Всё это нам хорошо знакомо. Продвинувшись немного глубже, мы сталкиваемся со всеми расовыми накоплениями, со скрытыми мотивами, коллективными и личными честолюбивыми устремлениями, предвзятыми мнениями, являющимися результатом восприятия, контакта и желания. Всё это сознание, как скрытое, так и лежащее на поверхности, концентрируется вокруг идеи «я», «само».

Когда мы обсуждаем, как вызвать изменение, мы обыкновенно имеем в виду изменения на поверхностном уровне, не правда ли? Путём решений, умозаключений, вер, контроля, запретов мы боремся за то, чтобы достичь той поверхностной цели, которой мы хотим, жаждем достичь, и мы надеемся прийти к ней с помощью бессознательных, более глубоких слоев ума; поэтому мы считаем необходимым раскрыть глубины самих себя. Но между поверхностными уровнями и такназываемыми глубинными уровнями ума существует извечный конфликт – все психологи, все те, кто занимается самопознанием, прекрасно осведомлены об этом.

Приведёт ли этот внутренний конфликт к изменению? Не самый ли основной и важный вопрос нашей повседневной жизни – как вызвать радикальное изменение в самих себе? Вызовет ли его простая перемена на поверхностном уровне? Разве понимание разных уровней своего сознания, своего «я», раскрытие прошлого, различных стадий личного опыта, от детства до сегодняшнего дня, рассмотрение того, как отражается во мне коллективный опыт отца, матери, предков, нации, осознание обусловленности конкретного общества, в котором я живу, – разве анализ всего этого вызовет изменение, которое не является простой корректировкой?

Я чувствую, и вы, несомненно, тоже должны чувствовать, что коренное изменение собственной жизни необходимо – изменение, которое не является простой реакцией, не является результатом давления, тягот и требований, предъявляемых окружающей средой. Как мне вызвать подобное изменение? Моё сознание – сумма всего человеческого опыта плюс мой личный контакт с настоящим; может ли это вызвать изменение? Разве изучение собственного сознания, собственной активности, разве осознание своих мыслей и чувств, утихомирение своего ума для того, чтобы наблюдать, не осуждая, – разве этот процесс приведёт к изменению? Может ли изменение возникнуть благодаря вере, благодаря идентификации с проецируемым образом, называемым идеалом? Не подразумевает ли всё это некий конфликт между тем, что я есть, и тем, чем я должен быть? И разве конфликт вызовет коренное изменение? Я пребываю в постоянном сражении, с самим собой и с обществом, не так ли? Существует беспрестанно продолжающийся конфликт между тем, что я есть, и тем, чем я хочу быть; разве этот конфликт, эта борьба приведут к изменению? Я вижу: изменение необходимо; могу ли я вызвать его, рассматривая весь процесс своего сознания, борясь, дисциплинируя себя, практикуя различные формы подавления? Я чувствую, что такой процесс не может вызвать радикальное изменение. В этом можно быть полностью уверенным. А если этот процесс не может вызвать коренного преобразования, глубокой внутренней революции – что тогда вызовет её?

Как вам вызвать подлинную революцию? Какова та сила, та творческая энергия, которая вызовет такую революцию, и как высвободить эту силу? Вы испробовали всё –

испробовали дисциплину, испробовали погоню за идеалами и различные умозрительные теории: что вы – бог и что если вы сможете осознать свою божественность или познать на опыте Атмана, высшее – назовите как хотите, – тогда само это осознание вызовет радикальное изменение. Вызовет ли? Сначала вы постулируете, что существует некая реальность, частью которой вы являетесь, а затем выстраиваете вокруг этого различные теории, умозрения, веры, доктрины, предположения, в соответствии с которыми и живёте; мысля и действуя согласно этому образцу, вы надеетесь вызвать коренное изменение. Вызовете ли?

Положим, вы предполагаете, как предполагает большинство так называемых религиозных людей, что в вас, глубоко, в основе вашего существа, таится сущность реальности; и что если с помощью культивирования добродетели, с помощью различных форм самодисциплины, самоконтроля, подавления себя, самоотречения, самопожертвования вам удастся войти в соприкосновение с этой реальностью, то это вызовет требуемое преобразование. Не является ли подобное предположение всё ещё частью мысли? Не результат ли оно обусловленного ума, который приучен мыслить соответствующим образом, согласно определённым образцам? Создав образ, идею, теорию, веру, надежду, вы затем ожидаете от своего создания, что оно вызовет коренное изменение.

Надо прежде всего видеть необыкновенно коварную активность «я», ума, надо осознать свои идеи, веры, умозрения, и все их отбросить, так как они на самом деле обман и иллюзия, разве не так? Другие, может быть, и имели опыт реальности; но если вы не имели этого опыта, какой смысл пускаться в умозрения на сей счёт или воображать, что в вашем существе таится нечто реальное, бессмертное, божественное? Эти вещи по-прежнему находятся внутри поля мысли, а всё, что проистекает из мысли, обусловлено, связано временем, памятью; следовательно, это не реальность. Если на самом деле осознаешь – не умозрительно, не с помощью воображения или подобных глупостей, но действительно увидишь ту истину, что любая активность ума, занятого своими умозрительными, философскими поисками, любое предположение, любое воображение или надежда – это только самообман, какой тогда будет сила, которая вызывает коренное преобразование?

Возможно, до этого пункта своих рассуждений, мы пользовались сознательным умом – мы следовали доводам, возражали или принимали их, и картина была для нас ясной или расплывчатой. Чтобы двигаться дальше и познавать на опыте более глубоко, требуется ум, который спокоен и быстр в своём выяснении истины, не правда ли? Это больше не поиск идей, потому что если вы гонитесь за идеей, налицо мыслитель, следующий тому, что сказано, и значит, вы немедленно создаёте двойственность. Если вы хотите продвинуться дальше в этом вопросе о коренном изменении, не необходимо ли активному уму прийти в успокоение? Несомненно, только когда ум спокоен, он и может понять, какие огромные трудности и сложности заключают в себе мыслитель и мысль как два отдельных процесса – носитель опыта и переживаемое на опыте, наблюдатель и наблюдаемое. Революция, психологическая, творческая революция, в которой нет «я», возникает только когда мыслитель и мысль одно, когда нет такой двойственности, как мыслитель, контролирующий свою мысль; и я полагаю, что один только опыт и высвобождает ту творческую энергию, которая, в свою очередь, вызывает радикальную революцию, уничтожение психологического «я».

Мы знаем путь власти – власти с помощью господства, власти с помощью дисциплины, власти с помощью принуждения. С помощью политической власти мы надеемся прийти к коренному изменению; но такая власть только порождает дальнейшую тьму, распад, зло, усиление «я». Нам знакомы различные формы стяжательства, как личного, так и группового, но мы никогда не пробовали путь любви и мы даже не знаем, что это значит. Любовь невозможна до тех пор, пока существует мыслитель, центр «я». Если мы осознаём всё это, что нам делать?

Несомненно, единственная вещь, которая может вызвать коренное изменение, творческое, психологическое освобождение – это каждодневное внимание, ежеминутное

осознание своих побуждений, сознательных, так же как бессознательных. Когда мы осознаём, что дисциплина, верование, идеалы только усиливают «я» и, следовательно, абсолютно тщетны – когда мы осознаём это каждый день, видим эту истину, не приходим ли мы к самому важному вопросу: мыслителю, постоянно отделяющемуся от своей мысли, от своих наблюдений, от своего опыта? До тех пор пока мыслитель существует отдельно от своей мысли, над которой он пытается господствовать, коренного преобразования быть не может. До тех пор пока «я» – это наблюдатель, тот, кто накапливает опыт, укрепляет себя с помощью опыта, не может быть никакого коренного изменения, никакого творческого освобождения. Творческое освобождение наступает, только когда мыслитель есть мысль, – но разрыв между ними не может быть ликвидирован никаким мостом, никаким усилием. Когда ум осознаёт, что любое умозрение, любая вербализация, любая форма мысли только придаёт силу «я», когда он видит, что до тех пор, пока мыслитель существует отдельно от мысли, должна быть ограниченность, конфликт двойственности, – когда ум ясно понимает это, тогда он внимателен, постоянно осознаёт, как он отделяется от опыта, самоутверждается, ищет власти. В этом опознавании, если ум всё глубже и шире погружается в него, не ставя перед собой никакой задачи, наступает состояние, в котором мыслитель и мысль одно. В этом состоянии нет усилия, нет становления, нет желания изменения; в этом состоянии нет «я», ибо в нём возникает преобразование, которое идёт не от ума.

Только когда ум пуст, появляется возможность творчества; но я не имею в виду ту поверхностную пустоту, которая знакома большинству из нас. Большинство из нас пусты на поверхностном уровне, и это проявляется в желании развлечений. Мы хотим, чтобы нас развлекали, и вот мы читаем книги, слушаем радио, посещаем лекции, обращаемся к авторитетам; ум вечно наполняет себя всякой мишурой. Я говорю не об этой бездумной пустоте. Напротив, я говорю о пустоте, которая приходит благодаря необыкновенной вдумчивости и внимательности, когда ум видит собственную власть создавать иллюзии и выходит за свои пределы.

Творческая пустота невозможна до тех пор, пока существует мыслитель, который ожидает, наблюдает, высматривает, для того чтобы накопить опыт, для того чтобы укрепить самое себя. Может ли ум когда-либо быть пустым от всех символов, от всех слов, с их ощущениями, так чтобы не было носителя опыта, того, кто накапливает? Возможно ли для ума полностью отбросить все рассуждения, все опыты, все обманы, все авторитеты, так чтобы быть в состоянии пустоты? Вы, естественно, не сможете ответить на этот вопрос; для вас невозможно ответить на него, потому что вы не знаете ответа и никогда не пытались ответить. Но если я могу посоветовать – прислушайтесь к нему, позвольте вопросу спросить вас, дайте ему посеять свои семена; и он принесёт плоды, если вы по-настоящему прислушаетесь к нему, если вы не будете сопротивляться ему.

Только новое может преобразовывать, не старое. Если вы следуете старому образцу, любое изменение будет модифицированным продолжением старого; ничего нового в этом не будет, не будет ничего творческого. Творчество может возникнуть, только когда сам ум нов; и ум может обновить себя, только когда он способен видеть всю свою собственную активность, осознаёт свои собственные желания, требования, побуждения, стремления, сотворение своих собственных авторитетов, страхов; когда он видит в самом себе сопротивление, созданное дисциплиной, самоконтролем, и видит надежду, проецирующую верования, идеалы, – когда ум прозревает насквозь, осознаёт весь этот процесс, может ли он отбросить все эти вещи и быть нов, творчески пуст? Вы узнаете, может или нет, только если проэкспериментируете, не имея никакого мнения на сей счёт, не желая испытать на опыте это творческое состояние. Если вы желаете испытать его, вы испытаете; но то, что вы испытаете, не будет творческой пустотой, это будет только проекция вашего желания. Желая испытать на опыте новое, вы просто потворствуете иллюзии; но если вы начнёте наблюдать, осознавать свою собственную активность каждый день, каждый миг, разглядывая, как в зеркале, весь процесс, происходящий в себе, тогда, проникая всё глубже и глубже, вы

придѣте к последнему вопросу, к этой пустоте, в которой только и может быть новое.

Истина, Бог или что хотите из подобных вещей, не что-то, что можно познать на опыте, ибо носитель опыта – результат времени, результат памяти, прошлого, и до тех пор, пока существует носитель опыта, не может быть реальности. Реальность существует, только когда ум полностью свободен от «аналитика», от носителя опыта и от переживающего на опыте. Тогда вы найдѣте ответ, тогда вы увидите, что изменение возникает без ваших просьб, что состояние творческой пустоты не та вещь, которую можно культивировать, – оно является, оно приходит тайком, без всякого приглашения; только в этом состоянии существует возможность обновления, новизны, революции.

Часть 2: вопросы и ответы

1. О современном кризисе

ВОПРОС: Вы говорите, что нынешний кризис беспрецедентен. Что в нём такого исключительного?

КРИШНАМУРТИ: Несомненно, нынешний кризис по все му миру исключителен, беспрецедентен. В различные периоды истории постоянно происходили кризисы всякого рода, социальные, национальные, политические. Кризисы приходят и уходят; экономические спады и депрессии наступают, модифицируются и продолжаются в иной форме. Мы всё это знаем; этот процесс нам знаком. Но нынешний кризис от них отличается, не так ли? Он отличается прежде всего тем, что мы имеем дело не с деньгами или с какими-то материальными вещами, а с идеями. Этот кризис исключителен потому, что он происходит в сфере возникновения идей. Мы спорим об идеях, мы оправдываем убийство; повсюду в мире мы оправдываем убийство как способ достижения праведной цели, что само по себе беспрецедентно. Прежде зло признавали злом, убийство – убийством, но сегодня убийство превратилось в средство достижения благородной цели. Убийство отдельного человека или группы людей оправдывается тем, что убийца или группа, которую он представляет, называет убийство способом достижения результата, который принесёт пользу человечеству. Таким образом, мы приносим настоящее в жертву будущему – и не важно, какие средства мы при этом используем, до тех пор, пока наша заявленная цель состоит в том, чтобы, как мы утверждаем, добиться результата, который станет благом для человечества. Следовательно, предполагается, что плохое средство приведёт к хорошему результату и неправильные средства вы оправдываете путём создания идей. Раньше в основе кризисов всегда лежала эксплуатация вещей или людей; сегодня можно говорить об эксплуатации идей, что куда более пагубно и опасно, ведь эксплуатация идей несёт такие опустошения, такие разрушения. Сегодня мы знаем о силе пропаганды, и это одно из величайших бедствий, которые только могут произойти, – использование идей для трансформации человека. Именно это и происходит сегодня в мире. Человек не важен – важными стали идеи, системы. Человек не имеет больше никакого значения. Мы можем уничтожить миллионы людей, пока добиваемся результата, и результат этот оправдывается с помощью идей. У нас есть великолепная структура идей для оправдания зла, и это само по себе беспрецедентно. Зло есть зло; оно не способно породить добро. Война не может быть средством достижения мира. Война может принести выгоды второго плана, такие как более скоростные самолёты, но мир человечеству она не принесёт. Война интеллектуально оправдывается как средство достижения мира; когда интеллект начинает управлять человеческой жизнью, он порождает беспрецедентный кризис.

Есть и другие причины, указывающие на беспрецедентный кризис. Одна из них – необычайная важность, которую человек веком придаёт чувственным ценностям, собственности, имени, касте и стране, конкретным ярлыкам, которые он носит. Вы либо мусульманин, либо индуист, либо христианин, либо коммунист. Имя и собственность, каста и страна получили

огромное значение, а это значит, что человек оказывается в ловушке чувственных ценностей, ценности вещей, сотворённых умом или рукой. Рукотворные вещи и плоды ума стали настолько важны, что из-за них мы убиваем, разрушаем, калечим, ликвидируем друг друга. Мы приближаемся к краю бездны; каждое действие нас туда подталкивает, каждое политическое или экономическое действие неизбежно влечёт нас к пропасти, к этой бездне хаоса и смятения. Вот почему кризис беспрецедентен и требует беспрецедентных действий. Чтобы избежать этого кризиса, выйти из него, необходимо действие, не зависящее от времени, действие, не зависящее от идеи или системы, потому что всякое действие, основанное на системе, идее, неминуемо приведёт к разочарованию. Такое действие лишь приведёт нас к бездне другим путём. Поскольку кризис беспрецедентен, должно быть беспрецедентное действие, то есть обновление человека должно быть мгновенным, не процессом времени. Оно должно иметь место сейчас, не завтра; ибо завтра – процесс дезинтеграции. Если я думаю о том, что преобразую себя завтра, я вношу путаницу смятения, я по-прежнему внутри поляразрушения. Это возможно – измениться сейчас? Это возможно – полностью трансформировать себя в настоящем, немедленно? Я говорю, что это возможно.

Для того чтобы адекватно реагировать на кризис, который носит исключительный характер, необходима революция в мышлении; и эта революция не может произойти через другого, через какую-то книгу, через какую-то организацию. Она должна происходить через нас, через каждого из нас. Только тогда мы сможем создать новое общество, новую структуру, отделённую от этого ужаса, от этих чрезвычайно разрушительных сил, которые сейчас накапливаются, громоздятся; и эта трансформация становится реальной, только когда вы как индивид начинаете осознавать себя в каждой мысли, в каждом действии и чувстве.

2. О национализме

ВОПРОС: Что приходит, когда национализм уходит?

КРИШНАМУРТИ: Разум, конечно. Но боюсь, что в вопросе было другое. Другим было – чем может быть заменён национализм? Любая замена – действие, не приносящее разума. Если я откажусь от одной религии и стану адептом другой или выйду из одной политической партии и вступлю в другую, эта постоянная замена будет свидетельствовать о состоянии, в котором разума нет.

Как национализм уходит? Только поняв его до конца, изучая его, осознавая его роль во внутренних и внешних поступках. Вовне он порождает разделение между людьми, классификации, войны и разрушения, что очевидно для всякого наблюдательного человека. Внутренне, психологически это отождествление своего «я» с чем-то большим, со страной, с идеей, – что является, несомненно, формой расширения своего «я». Если я живу в маленькой деревне или в большом городе или где-то там ещё – я никто; но если я отождествляю себя с чем-то большим, со страной, если я называю себя индусом, это льстит моему самолюбию, даёт мне удовлетворение, чувство благополучия, поднимает престиж; и это отождествление с чем-то большим – эта психологическая потребность для тех, кто не может обойтись без расширения своего «я», также порождает конфликт, вражду между людьми. Таким образом, национализм не только служит причиной внешнего конфликта, но и порождает внутреннее разочарование; когда человек понимает национализм, весь этот процесс национализма, национализм же отпадает. Понимание национализма приходит через разум, через внимательное наблюдение, через изучение всего процесса национализма, патриотизма. Из этого проникновения приходит разум, и тогда на место национализма не появляется никакой замены. Как только мы заменяем национализм религией, религия становится новым средством расширения своего «я», новым источником психологического беспокойства, способом поддержки своего «я» посредством веры. Следовательно, всякая форма подмены, даже самая благородная, есть форма невежества. Можно привести пример человека, пытающегося бросить курить при помощи жвачки, бетель-ореха или чего-то ещё, – если

человек действительно понимает проблему курения, привычек, ощущений, психологических потребностей и тому подобного, курение отпадёт само по себе. Понимание же возможно только тогда, когда происходит развитие разума, когда разум функционирует, но разум не функционирует, когда происходит подмена. Подмена – это всего лишь форма взятки своему «я», чтобы убедить себя делать это, а не то. Национализм, со всем его ядом, с его несчастьями и глобальными склоками, может исчезнуть только когда присутствует разум, а разум же приходит просто от сдачи экзаменов и изучения книг. Разум появляется, когда мы понимаем проблемы одновременно с их возникновением. Когда происходит понимание проблемы на её разных уровнях, не только внешней её стороны, но и внутренней, психологической подоплёки, тогда в этом процессе появляется разум. Поэтому, когда есть разум, нет никакой подмены; и когда присутствует разум, тогда национализм, патриотизм, эти формы глупости, исчезают.

3. Зачем нужны духовные учителя?

ВОПРОС: Вы говорите, что нет необходимости в гуру, но как я могу найти истину без мудрой помощи и руководства, которые может дать только гуру?

КРИШНАМУРТИ: Вопрос заключается в том, необходим ли гуру или нет. Может ли истина быть найдена через другого? Некоторые считают, что да, некоторые считают, что нет. Вы хотите знать истину об этом, а не моё мнение, противопоставленное мнению других. У меня нет мнения об этом. Это либо так, либо иначе. Важно ли вам иметь или не иметь гуру – это не вопрос мнения. Истина не зависит от мнения, каким бы глубоким, эрудированным, популярным, универсальным оно ни было. Истина выясняется в самом факте.

Прежде всего почему мы хотим иметь гуру? Мы говорим, что нам нужен гуру, потому что мы находимся в смятении, запутались и гуру может помочь; он укажет в чём истина, он поможет нам понять, он знает гораздо больше о жизни, чем мы, он будет действовать как отец, как учитель, обучающий нас жизни; у него широкий опыт, а у нас маленький; он поможет нам, благодаря своему огромному опыту и так далее и так далее. Это означает в основном, что вы обращаетесь к учителю, потому что вы находитесь в смятении, запутались. Если бы у вас была ясность, вы бы и близко не подошли к гуру. По-видимому, если бы вы были глубоко счастливы, если бы не было проблем, если бы вы полностью понимали жизнь, вы не пошли бы ни к какому гуру. Надеюсь, вы понимаете значимость этого. Из-за того, что вы в смятении, вы и ищете учителя. Вы идёте к нему, чтобы он дал вам направление в жизни, чтобы он прояснил ваше смятение и нашёл истину. Вы выбираете себе гуру, потому что вы в смятении, и вы надеетесь, что он даст вам то, о чём вы просите. Вы выбираете того гуру, который будет соответствовать вашим запросам; вы выбираете в соответствии с тем удовлетворением, которое он даст вам, и ваш выбор зависит от этого удовлетворения. Вы не выбираете гуру, который говорит: «Положитесь на самого себя»; вы выбираете гуру в соответствии с вашими предрассудками. Итак, поскольку вы выбираете гуру ради удовлетворения, которое он даёт вам, вы не ищете истину, а только выход из смятения; и выход из смятения ошибочно называете истиной.

Давайте сначала рассмотрим эту мысль о том, что гуру может прояснить наше смятение. Может ли кто-либо прояснить наше смятение? – смятение, которое является продуктом наших реакций. Мы создали его. Неужели вы думаете, что кто-то другой создал это – это несчастье, эту борьбу на всех уровнях существования, внутри и снаружи? Это результат того, что нам недостаёт знания о самом себе. Это происходит именно потому, что мы не понимаем себя, своих конфликтов, своих реакций, не понимаем, почему мы несчастны, – мы идём к гуру, который, как мы думаем, поможет нам освободиться от этого смятения. Мы можем понять себя только во взаимоотношении с настоящим; и само это взаимоотношение и есть гуру, а не кто-то извне. Если я не понимаю этого взаимоотношения, то что бы ни говорил гуру – бесполезно, ведь если я не понимаю взаимоотношений, моего отношения к собственности, к людям, к идеям – кто может разрешить этот конфликт внутри

меня? Чтобы разрешить этот конфликт, я должен понять его сам, а это означает, что я должен осознавать себя во взаимоотношениях. Чтобы осознавать – не нужен никакой гуру. Если я не знаю самого себя – какая польза от гуру? Как политического лидера выбирают те, кто находятся в смятении, и потому выбор их также отражает их смятение, так же я выбираю и гуру. Я могу выбрать его только в соответствии со своим смятением; потому и он, подобно политическому лидеру, в состоянии смятения.

Важно не то, кто прав – я прав или правы те, кто говорит, что гуру необходим; выяснить, почему вы нуждаетесь в гуру, – вот что важно. Гуру существует для эксплуатации разного рода, но это не то, что нужно. Это даёт вам удовлетворение, если кто-то говорит вам, как вы продвигаетесь, но выяснить, почему вы нуждаетесь в гуру, – вот в чём всё дело. Кто-то другой может указать путь, но вы должны проделать всю работу, даже если у вас есть гуру. Вы перекладываете ответственность на гуру, потому что вы не хотите встретить проблему лицом к лицу. Гуру становится бесполезен, когда есть хотя бы крупица самопознания. Никакой гуру, никакая книга или священный текст не может дать вам самопознание: оно приходит, когда вы осознаёте себя во взаимоотношениях. Быть – это быть во взаимоотношении; непонимание взаимоотношения ведёт к несчастью, борьбе. Не осознавать своего отношения к собственности – одна из причин смятения. Если вы не знаете вашего истинного отношения к собственности, это обязательно ведёт к конфликту, который увеличивает конфликт в обществе. Если вы не понимаете взаимоотношений между вами и вашей женой, между вами и вашим ребёнком – как может кто-то другой разрешить конфликт, возникающий из этих взаимоотношений? То же самое с идеями, верованиями и так далее. Запутавшись в ваших взаимоотношениях с людьми, с собственностью, с идеями, вы ищете гуру. Если он настоящий гуру, он призвёт вас понять себя. Вы источник всякого взаимонепонимания и смятения; и вы можете разрешить этот конфликт только тогда, когда поймёте себя во взаимоотношениях.

Вы не можете найти истину через кого-то другого. Как вы можете? Истина не есть нечто статичное; у неё нет чёткого местонахождения; она не цель, не завершённость. Наоборот, она находится в живом процессе, она динамична, подвижна, бдительна, жива. Как может она быть целью? Если истина – нечто фиксированное, это больше не истина; тогда это просто мнение. Истина – неизвестное, и ум, ищущий истину, никогда не найдёт её, ибо ум состоит из известного, он является результатом прошлого, он от времени – что вы можете наблюдать сами. Ум – инструмент известного, поэтому он не может найти неизвестное; он может только двигаться от известного к известному. Когда ум ищет истину, истину, о которой он читал в книгах, эта «истина» является проекцией самого ума; ведь в этом случае ум просто ищет известное, более удовлетворяющее его известное, чем предыдущее. Когда ум ищет истину, он ищет проекцию самого себя, а не истину. В конце концов идеал является проекцией самого себя; он фиктивен, нереален. Реальным является то, что есть, а не противоположность. Но ум, который ищет реальность, ищет Бога – ищет известное. Когда вы думаете о Боге, ваш Бог – это проекция вашей собственной мысли, результат влияния общества. Вы способны мыслить только об известном; вы не можете мыслить о неизвестном, вы не можете сконцентрироваться на истине. В тот момент, когда вы думаете о неизвестном, это просто проекция самого известного. О Боге или истине нельзя мыслить. Если вы мыслите об этом, это не истина. Истина не может быть найдена: она приходит к вам. Вы можете следовать только за тем, что известно. Когда умне раздраем известным, воздействием известного, только тогда может раскрыться истина. Истина в каждом листке, в каждой слезе; её нужно познавать каждый миг, от момента к моменту. Никто не может привести вас к истине; и если кто-нибудь ведёт вас, он может привести вас только к известному.

Истина может прийти только к тому уму, который свободен от известного. Она приходит в том состоянии, в котором известное отсутствует, не действует. Ум – это склад известного, местонахождение известного; для того чтобы ум пришёл в то состояние, в котором возникает неизвестное, он должен осознавать себя, свой предыдущий опыт, как сознательный, так и бессознательный, свои отклики, реакции и структуру. Когда

присутствует полное осознание самого себя, тогда наступает окончание известного, тогда ум абсолютно свободен от известного. Только тогда истина может прийти к вам – без приглашения. Истина не принадлежит ни вам, ни мне. Вы не можете поклоняться ей. В тот момент, когда она становится известной, она нереальна. Символ не реален, образ не реален; но когда присутствует понимание своего «я», прекращение своего «я», в жизнь входит вечность.

4. О знании

ВОПРОС: В ваших словах я чётко уловил, что знания и обучение являются препятствием. Чему они препятствуют?

КРИШНАМУРТИ: Очевидно, что знания и обучение препятствуют пониманию нового, вневременного, вечного. Развие тие совершенной техники не делает вас творческим. Вы можете уметь замечательно накладывать краски, вы можете владеть техникой, но при этом не быть творческим художником. Вы можете уметь писать стихи, самые совершенные в техническом отношении, но при этом не быть поэтом. Разве быть поэтом не подразумевает способность воспринимать новое, чувствительную отзывчивость к чему-то новому, свежему? Для большинства из нас знание или обучение превратились в своего рода зависимость, и мы думаем, что, становясь знающими, мы будем творческими. Разве ум, заполненный фактами, стиснутый, зажатый фактами, знаниями, – способен ли он воспринимать что-то новое, неожиданное, спонтанное? Если ваш ум заполнен известным, разве остаётся в нём место для восприятия чего-то неведомого? Несомненно, знание – всегда об известном; и при помощи этого известного мы пытаемся понять неизвестное, нечто такое, что находится вне измерения.

Возьмём для примера очень обычную вещь, то, что происходит с большинством из нас: те, кто религиозен – что бы это слово в данный момент ни означало, – пытаются представить себе, что такое Бог, или стараются подумать о том, что такое Бог. Они прочитали огромное количество книг о переживаниях разных святых, Учителей, Махатмах и прочих, и они стараются представить или прочувствовать то, что является опытом другого; то есть вы пытаетесь подойти к неведомому, неизвестному при помощи знания, известного. Можете ли вы сделать это? Можете ли вы думать о чём-то, что не является известным? Думать вы можете только о чём-то, что вы знаете. Но здесь присутствует необычайное извращение, имеющее место в современном мире: мы думаем, что поймём, если у нас будет больше информации, больше книг, больше фактов, больше напечатанного.

Чтобы осознавать нечто такое, что не является проекцией известного, необходимо просветить путём понимания процесс знания, известного. Почему ум всегда цепляется за известное? Не потому ли, что ум всегда ищет определённости, уверенности, безопасности? Сама его природа заключена в известном, во времени; как может такой ум, сама основа которого в прошлом, во времени, пережить вневременное? Он может мыслить о неизвестном, формулировать, воображать его, но всё это абсурд. Неизвестное может возникнуть только когда известное понято, растворено, отмечено. Это чрезвычайно сложно, потому что как только вы переживаете что-то, ум переводит это переживание в термины известного и сводит его в прошедшее. Не знаю, заметили ли вы, что всякое переживание немедленно переводится в известное, именуется, вносится в таблицы и в записи. Таким образом, движение известного есть знание, и очевидно, что такое знание, обучение, является помехой.

Представьте себе, что вы никогда не читали ни одной книги, религиозной или философской, и вам надо было найти смысл, значение жизни. Как вы сделали бы это? Представьте, что не было ни Учителей, ни религиозных организаций, ни Будды, ни Христа и вам надо начать с начала. Как вы делали бы это? Сначала вам пришлось бы понять ваш процесс мышления, не так ли? – а не проецировать себя, свои мысли, в будущее и создавать какого-то Бога, нравящегося вам; это было бы слишком по-детски. Итак, вам пришлось бы

сначала понять процесс своего мышления. Это единственный способ обнаружить что-то новое, не так ли?

Когда мы говорим, что обучение или знания мешают, препятствуют, мы не имеем в виду технические знания – как вести автомобиль, как управлять машинами – или эффективности, которую дают такие знания. Мы имеем в виду нечто совершенно иное: то чувство творческого счастья, которого не дадут никакие знания или обучение. Быть творческим в подлинном смысле этого слова означает быть свободным от прошлого в каждый момент, от момента к моменту, потому что именно прошлое постоянно затемняет настоящее. Просто цепляться за информацию, за опыты переживаний других, за то, что сказал кто-то другой, как бы велико это ни было, и пытаться приблизить свои поступки к этому – всё это знание, не так ли? Но чтобы обнаружить что-то новое, вы должны начать сами; вы должны отправиться в странствие, совершенно лишённое чего-либо, особенно знания, – ведь очень легко получить опыт при помощи знания или веры; но такой опыт – только продукт проекции своего ума и потому совершенно нереален, фиктивен, фальшив. Если вам предстоит открыть для себя то, что ново, не годится нести на себе груз старого, особенно знаний – знаний другого, каким бы великим он ни был. Вы пользуетесь знаниями как способом защиты своего «я», безопасности, и хотите быть вполне уверенными, что у вас такой же опыт, как у Будды, Христа или Х. Но человек, который постоянно защищает своё «я» с помощью знания, совершенно очевидно не ищет истину.

Для открытия истины нет пути. Вы должны выйти в неописанное картами море – не будучи удручённым, не в поисках приключений. Когда вы хотите найти что-то новое, когда вы экспериментируете, ваш ум должен быть очень спокоен, не так ли? Если ваш ум загружен, заполнен фактами, знаниями, он препятствует новому; для большинства из нас трудность состоит в том, что ум стал таким важным, таким доминирующе значимым, что он постоянно вмешивается во всё, что может быть новым, во всё, что может существовать одновременно с известным. Так знания и обучение становятся препятствиями для тех, кто хочет искать, кто хочет попытаться понять то, что вне времени.

5. О дисциплине

ВОПРОС: Все религии настаивают на самодисциплине какого-либо рода для изменения инстинктов грубости в человеке. Святые и мистики утверждали, что именно с помощью самодисциплины они достигли божественного. Теперь же вы, похоже, полагаете, что такие дисциплины – препятствия для реализации Бога. Я в растерянности. Кто же прав в этом вопросе?

КРИШНАМУРТИ: Вопрос не в том, кто прав в этом. Что важно, так это выяснить истину этого для самого себя – не согласовывая это с каким-либо отдельным святым или с человеком, прибывшим из Индии или из какого-то другого места, чем экзотичнее, тем лучше.

Вы в ловушке между этими двумя: кто-то говорит – дисциплина, другой говорит – никакой дисциплины. Обычно получается, что вы выбираете то, что более удобно, что больше удовлетворяет: вам нравится этот человек, его взгляды, его личные качества, что он отторгает, что он приветствует, принимает и всё остальное в нём. Отодвинув всё это в сторону, давайте исследуем этот вопрос прямо и выясним истину этого для самих себя. В этот вопрос включено очень многое, и нам следует входить в это очень осторожно и тщательно.

Большинству из нас хотелось бы, чтобы кто-нибудь из авторитетов говорил нам, что следует делать. Мы выискиваем указания для поведения, поскольку наш инстинкт – находить ся в безопасности, больше не страдать. Кто-то сказал, что он переживал счастье, блаженство или что вам угодно, и мы надеемся, что он скажет нам, что делать для приближения к этому. Это именно то, чего мы хотим: мы хотим такого же счастья, та кой же внутренней умиротворённости, радости; и в этом безумном мире смятения мы хотим, чтобы

кто-то сказал нам, что нам делать. Это действительно основной инстинкт для большинства из нас, и в соответствии с этим инстинктом мы создаём образец, формируем наше действие. Разве Бог, разве это высочайшее, не имеющее имени и не измеримое словами, разве он приходит через дисциплину, путём следования определённому образцу действия? Мы хотим приблизиться к определённой цели, к определённому результату, и мы думаем, что путём практики, дисциплины, подавления или высвобождения, сублимации или подмены окажемся способными найти то, что мы ищем.

Что включено в дисциплину? Зачем мы дисциплинируем самих себя? – если занимаемся этим. Могут ли дисциплина и разум идти вместе? Большинство людей чувствуют, что мы должны, применяя какой-нибудь род дисциплины, усмирять или контролировать грубость, уродливости в нас. Эта грубость, эта уродливость – контролируемы ли они путём дисциплины? Что мы подразумеваем под дисциплиной? Порядок действий, обещающий награду, порядок действий, который, если следовать ему, даст нам то, что мы хотим – это может быть положительным или отрицательным; шаблон поведения, который, если практикуешь его с усердием, старательно, очень-очень ревностно, даст мне в конце то, что я хочу. Это может оказаться болезненным, но я намерен пройти через это, чтобы получить желаемое. Моё «я», которое агрессивно, эгоистично, лицемерно, тревожно, полно страха – вы знаете всё это, – это «я», которое и есть причина всего грубого в нас, мы хотим преобразовать, подчинить, разрушить. Как же сделать это? Может ли это быть сделано с помощью дисциплины? – или это может быть сделано путём разумного понимания прошлого своего «я», понимания того, что такое это «я», как оно обретает жизнь, и прочее? Должны ли мы разрушить грубость в человеке путём принуждения – или же с помощью разума? Разве разум – дело дисциплины? Давайте на время забудем, что было сказано святыми и всеми остальными людьми; давайте войдём в эту проблему сами, так, будто мы впервые взглянули на неё; тогда в конце этого мы можем получить нечто творческое, не только цитаты из сказанного другими людьми, что так тщетно и бесполезно.

Мы говорим сначала, что в нас присутствует конфликт: чёрное против белого, алчное против неалчного, и так далее. Я алчный, жадный – что ведёт к боли; чтобы освободиться от этой алчности, я должен дисциплинировать себя. То есть я должен сопротивляться любой форме конфликта, которая приносит мне боль, которую в данном случае я называю алчностью. Я говорю тогда, что это антиобщественно, это неэтично, это несправедливо, и так далее и так далее – для сопротивления этому мы выдвигаем различные социально-религиозные резоны. Разрушается ли алчность, покидает ли она нас путём принуждения? Прежде всего давайте исследуем процесс, вовлечённый в подавление, в принуждение, в избавление, в сопротивление. Что происходит, когда вы делаете это, когда вы сопротивляетесь алчности? Это главный вопрос, не так ли? Почему вы сопротивляетесь алчности, и что это за сущность, которая говорит: «Я должна освободиться от алчности»? Сущность, которая говорит: «Я должна освободиться» – тоже алчность, не так ли? До настоящего момента алчность была выгодна, но теперь это болезненно; поэтому она говорит: «Я должна избавиться от этого». В этой мотивации избавления от алчности всё ещё действует алчность, ведь здесь желание быть чем-то, чем не являешься. Неалчность теперь предпочтительнее, поэтому я преследую неалчность; но мотив, намерение – по-прежнему быть чем-то, быть неалчным, – то есть по-прежнему алчность, несомненно; то есть опять негативная форма проявления «я».

Мы обнаружили, что быть алчным болезненно, по разным причинам, которые очевидны. Пока мы наслаждаемся ею, пока она оправдывает себя, никакой проблемы нет. Общество различными способами подталкивает нас быть алчными; религии также подталкивают нас различными способами. Пока это выгодно, пока это неболезненно, мы действуем под её влиянием, но когда это становится болезненным, мы хотим сопротивляться ей. Это сопротивление и есть то, что мы называем дисциплиной против алчности; но освободимся ли мы от алчности путём дисциплины, путём сублимации, путём подавления? Любое действие со стороны «я», желающего освободиться от алчности, по-

прежнему является алчностью. Следовательно, любое действие, любой ответ с моей стороны по отношению к алчности очевидным образом решением не является.

Прежде всего должен быть спокойный ум, не встревоженный ум – чтобы понять что-либо, особенно то, чего я не знаю, во что мой ум не может вникнуть – в то, что, говорит задавший вопрос, является Богом. Чтобы понять что-либо, любую запутанную проблему – жизни или взаимоотношения, на самом деле, любую проблему, – должна быть определённая спокойная глубина ума. Приходит ли такая спокойная глубина путём какой-либо формы принуждения? Поверхностный ум может принудить себя, сделать себя спокойным; но, несомненно, такой покой является покоем распада, смерти. Он утрачивает способность к адаптации, гибкости, чувствительности. Так что сопротивление – не путь.

Но чтобы видеть это, требуется разум, не так ли? Видеть, что ум делается от принуждения тупым, – уже начало разумности, ведь так? – видеть, что дисциплина есть просто при способление к шаблону действия посредством страха. Это-то и вовлекается в дисциплинирование себя: мы боимся не получить того, что мы хотим. Что происходит, когда вы подвергаете дисциплине ум, когда вы подвергаете дисциплине сами себя? Вы становитесь очень жёстким, не так ли? – негибким, не быстрым, не способным приспособиться. Вы не знаете людей, которые подвергают сами себя дисциплине, – если есть такие люди? Результат очевиден – процесс распада. Имеет место внутренний конфликт, который отодвигается, скрывается; но он здесь, полыхающий, обжигающий.

Итак, мы видим, что дисциплина, которая представляет собою сопротивление, просто создаёт привычку, а привычка, несомненно, не может способствовать пониманию: ни привычка, ни практика – никогда. Вы можете стать очень умелыми, упражняя свои пальцы игрой на рояле целый день, делая что-то своими руками; но чтобы управлять руками требуется разум, и сейчас мы проникаем именно в этот разум.

Вы видите кого-то, кого вы считаете счастливым или же достигшим понимания, и тот делает определённые вещи; вы, желая такого же счастья, подражаете ему. Это подражание называется дисциплиной, не так ли? Мы подражаем, чтобы получить то же, что имеет другой; мы копируем, чтобы быть счастливыми как он – как мы считаем. Можно ли найти счастье путём дисциплины? Практикуя определённое правило, практикуя определённую дисциплину, модель поведения – свободны ли вы при этом? Совершенно очевидно, что для раскрытия должна быть свобода, разве не так? Чтобы открыть что-то, вы должны быть внутренне свободны, это очевидно. Свободны ли вы, формируя свой ум определённым образом, который вы называете дисциплиной? Очевидно, что нет. Вы же тогда просто механизм повторения, который сопротивляется в соответствии с определённым умозаключением согласно некоторой модели поведения. Свобода не может прийти путём дисциплины. Свобода может прийти только с разумом; и разум этот пробуждён – то есть вы имеете этот разум – в тот момент, когда вы видите, что любая форма принуждения отрицает свободу как внутренне, так и внешне.

Первым требованием, не с позиций дисциплины, является, несомненно, свобода; только добродетель даёт эту свободу. Алчность, гнев, злоба, горечь – во всём этом заложено смятение. Когда вы видите это, вы, несомненно, свободны от них; вы не сопротивляетесь им, но вы видите, что открывать вы можете только в свободе и что любая форма принуждения свободой не является, а потому и открытия никакого нет. Что делает добродетель – она даёт вам свободу. Недобродетельный человек – человек запутанный, сбитый с толку; будучи запутанным, сбитым с толку, в смятении – как вы можете открыть что-либо? Как вы можете? Добродетель – не конечный продукт дисциплины, добродетель – свобода, и свобода не может прийти через действие, которое само по себе ни добродетельно, ни правдиво. Наша трудность в том, что большинство из нас читает так много, большинство из нас поверхностно следуют столь многим дисциплинам: подниматься каждое утро в определённый час, сидеть в определённой позе, стараться удерживать наши умы в определённом направлении – вы знаете, практика, практика, дисциплина, поскольку вам было сказано, что если вы будете делать эти вещи несколько лет, то в результате этого вы

обретёте Бога. Возможно, я высказал это жёстко, но именно это и есть основа нашего мышления. Конечно, Бог ведь не приходит так же легко, как всё это? Бог – не просто вещь для обмена: я делаю это, а вы даёте мне то.

Большинство из нас настолько обусловлены внешними влияниями, религиозными доктринами, верами и нашими собственными требованиями приблизиться к чему-то, добыть что-то, что для нас очень трудно продумывать эту проблему заново, не ду мая в терминах дисциплины. Сначала мы должны видеть очень ясно всё, что включает в себя дисциплина, как она сужает ум, ограничивает ум, подчиняет, подталкивает ум к определённому действию – с помощью нашего желания, посредством различных влияний и всего остального того же рода; обусловленный ум, сколь «добродетельной» ни была бы эта обусловленность, лишён возможности быть свободным и потому не может понимать реальность. Бог, реальность или как вам угодно – название не имеет значения – может прийти только когда присутствует свобода, а свободы нет, когда есть принуждение, положительное или негативное, посредством страха. Свободы нет, если вы ищете результат, ибо вы привязаны к этой цели. Вы можете быть свободным от прошлого, но будущее вас держит – не свобода и это. Только в свободе можно открыть что-либо: новую идею, новое чувство, новое восприятие. Любая форма дисциплины, политическая или религиозная, которая основана на принуждении, отрицает эту свободу; и пока дисциплина – то есть подчинение действию с намеченной целью – ослепляет, ум никогда не сможет быть свободным. Он может функционировать лишь в этой колее, подобно грампластинке.

Так что с помощью практики, путём привычки, путём культивирования шаблона ум только достигает того, что он сам себе наметил. Следовательно, он не свободен; поэтому он не может представить себе того, что неизмеримо. Осознавать весь этот процесс – почему вы постоянно подгоняете себя под общественное мнение; под определённых святых; весь этот бизнес подчинения мнению, либо святого, либо соседа, что одно и то же, – осознавать всё это приспособление путём практики, с помощью тонких способов подавления себя, отрицания, утверждения, возвышения, всего, что включает приспособление к образцу, подчинение шаблону, – это уже начало свободы, из которой исходит добродетель. Добродетель, конечно, не культивирование определённой идеи. Не-жадность, к примеру, если она преследуется как цель, больше уже не добродетель, не так ли? Это как если вы осознаёте, что вы не-жадны – добродетельны ли вы? Это как раз то, что мы делаем с помощью дисциплины.

Дисциплина, подчинение, приспособление, практика – все они только придают ещё большую силу сознанию, что вы представляете собой что-то, только усиливают сознание собственной значимости. Ум практикует неалчность, и, следовательно, он не свободен от своего собственного сознания себя как неалчного; поэтому неалчен он не в реальности. Он просто набросил на себя новый покров, который он назвал неалчностью. Мы можем видеть целиком весь процесс всего этого: мотивация, желание результата, цели, приспособление к образцу, желание быть в безопасности в погоне за образцом – всё это просто движение от известного к известному, всегда в пределах процесса ума, заключающего себя в свои собственные рамки. Видеть всё это, осознавать это – начало разума, а разум не представляет собой ни добродетель, ни не-добродетель, он не может быть втиснут в образец ни добродетели, ни не-добродетели. Разум приносит свободу, а свобода – не вседозволенность, не беспорядок. Без этого разума не может быть добродетели; добродетель даёт свободу, а в свободе в жизнь вступает реальность. Если вы видите весь процесс целиком и полностью, во всей его сути, тогда вы обнаруживаете, что нет никакого конфликта. Это потому, что мы пребываем в конфликте и хотим убежать от этого конфликта, мы и перебираем всевозможные формы дисциплины, отрицаний и утверждений. Когда мы видим, что представляем собой процесс конфликта, вопроса о дисциплине нет, потому что тогда мы каждый миг понимаем пути конфликта. Это требует огромной бдительности – наблюдения себя всё время; удивительно здесь то, что хотя вы можете и не наблюдать всё время, но присутствует регистрирующий процесс, протекающий внутренне, и коль скоро есть такое намерение –

чувствительность, внутренняя восприимчивость, чуткость всё время фиксирует картину, проекцию которой она может показать, когда вы будете спокойны.

Следовательно, это не вопрос дисциплины. Чувствительность никогда не приходит путём принуждения. Вы можете заставить ребёнка делать что-то, поставить его в угол, и он может затихнуть; но внутренне, возможно, у него всё кипит, и он, глядя в окно, что-то делает, чтобы убежать. Это то, что мы всё ещё делаем. Так что вопрос о дисциплине и о том, кто прав и кто не прав, может быть разрешён только вами самими.

Итак, вы видите, мы боимся пойти не туда, потому что мы хотим быть успешными. Страх – подкладка желания быть дисциплинированным, но неизведанное не может быть поймано в сеть дисциплины. Напротив, неизведанное должно иметь свободу, а не шаблон вашего ума. Именно поэтому спокойствие ума столь существенно. Когда ум сознаёт, что он спокоен, это уже больше не спокойствие; когда ум сознаёт, что он не-жадный, свободен от жадности, ум опознаёт себя в новой одежде не-жадности – но это не спокойствие. Вот почему следует также в этом вопросе понимать проблему того, кто контролирует, и того, что контролируется. Они – не отдельные феномены, но единый феномен: контролирующий и контролируемое – одно целое.

6. Об одиночестве

ВОПРОС: Я начинаю осознавать, что я очень одинок. Что мне делать?

КРИШНАМУРТИ: Спрашивающий хочет знать, почему он чувствует одиночество. Знаете ли вы, что такое одиночество, осознаёте ли вы его? Я очень сомневаюсь в этом, ведь мы нивелируем себя в деятельности, в книгах, во взаимоотношениях, в идеях, которые действительно не дают нам осознавать одиночество. Что мы подразумеваем под одиночеством? Это ощущение пустоты, когда ничего нет, исключительной неуверенности, когда ни в чём нет опоры. Это не отчаяние, не безнадёжность, но чувство пустоты, чувство опустошённости, чувство растерянности. Уверен, мы все чувствовали это, счастливые и несчастные, очень-очень активные и те, кто привержен знанию. Все они это знают. Это чувство настоящей неизбежности боли, боли, которую ничем невозможно прикрыть, хотя мы и пытаемся сделать это.

Давайте подойдём к этой проблеме ещё раз, чтобы увидеть, что на самом деле происходит, увидеть, что вы делаете, когда чувствуете себя одиноким. Вы пытаетесь уйти от своего чувства одиночества, вы пытаетесь заняться книгой, вы следуете за каким-нибудь лидером, или вы идёте в кино, или вы становитесь очень-очень активным в социальной сфере, или вы идёте, чтобы поклоняться и молиться, или вы занимаетесь живописью, или вы пишете поэму об одиночестве. Вот что на самом деле происходит. Осознав одиночество, боль одиночества, необычайный и бездонный страх, который оно внушает, вы ищете, как этого избежать, и это становится для вас более важным, и отсюда ваша деятельность, ваше знание, ваши боги, ваше радио – всё это обретает важность, не так ли? Когда для вас становятся важными второстепенные ценности, они ведут вас к несчастью и хаосу; второстепенные ценности – неизбежно чувственные ценности; и современная цивилизация, основанная на них, даёт вам эти возможности бегства – бегства посредством вашей работы, вашей семьи, вашего имени, ваших занятий, посредством занятий живописью и так далее; вся наша культура зиждется на таком бегстве. Наша цивилизация основана на нём, и это факт.

Вы когда-нибудь пытались оставаться в одиночестве? Если вы попытаетесь, вы почувствуете насколько это необычайно трудно и сколь чрезвычайно разумными мы должны быть, чтобы оставаться в одиночестве, потому что ум не даст нам оставаться в одиночестве. Ум становится беспокойным, он занимает себя способом ухода, бегства – так что же мы делаем? Мы пытаемся заполнить эту чрезвычайную пустоту известным. Мы находим, как быть деятельными, как быть социально активными; мы знаем, как учиться, как включить радио. Мы заполняем то, что мы не знаем, тем, что мы знаем. Мы пытаемся заполнить эту

пустоту разнообразными видами знания, взаимоотношениями или вещами. Не так ли? Таков наш процесс, таково наше существование. Сейчас, когда вы осознаёте, что вы делаете, вы всё ещё думаете, что вы можете заполнить эту пустоту? Вы испробовали все способы заполнения этой пустоты одиночества. Удалось ли вам её заполнить? Вы попробовали кино и не преуспели, потому вы следуете за вашим гуру и вашими книгами или вы становитесь очень социально активными. Удалось ли вам заполнить эту пустоту? – или вы просто прикрыли её? Если вы просто прикрыли её, она всё ещё здесь; следовательно, она вернётся. Если вы способны сбежать совершенно, вы окажетесь запертыми в сумасшедшем доме или вы становитесь очень и очень тупым. Именно это и происходит в мире.

Может ли эта пустота, эта опустошённость, быть заполненной? Если нет – можем ли мы убежать от неё, уйти от неё? Если вы попробовали один способ ухода и нашли, что он не представляет ценности, – не окажутся ли и все остальные способы бегства столь же никчёмными? Не имеет значения, заполняете ли вы пустоту тем или этим. Так называемая медитация – тоже форма ухода, бегства. Перемена способа ухода не имеет значения.

Как же тогда вам найти, что делать с этим одиночеством? Вы найдёте это, только когда прекратите уходить от него, убежать. Разве не так? Когда вы намерены встретить лицом к лицу то, что есть – а это означает, что вы не должны включать радио, это означает, что вы должны повернуться спиной к цивилизации, – тогда наступает конец этого одиночества, потому что оно полностью преображено. Это больше не одиночество. Если вы понимаете то, что есть, тогда то, что есть – реальность. Ведь ум беспрестанно избегает того, что есть, уходит от него, отказывается видеть его, он сам создаёт себе помехи. Оттого что у нас такое множество помех, которые не дают нам увидеть, мы не понимаем того, что есть, и поэтому уходим от реальности; все эти помехи были созданы умом, для того чтобы не видеть того, что есть. Чтобы видеть то, что есть, требуется не только большая мера способности к этому и осознание действия, но также отвернуться от всего выстроенного вами – от ваших банковских счетов, от вашего имени и всего того, что вы называете цивилизацией. Когда вы увидите то, что есть, вы обнаружите, как преобразилось одиночество.

7. О страдании

ВОПРОС: В чём значение боли и страдания?

КРИШНАМУРИ: Когда вы страдаете, когда вы испытываете боль – в чём значение этого? Физическая боль имеет одно значение, но вы, вероятно, имеете в виду психологическую боль и страдание, которое имеет совсем иное значение на разных уровнях. В чём значение страдания? Почему вы хотите найти значение страдания? Не то, что оно не имеет значения – мы собираемся выяснить это. Но почему вы хотите это выяснить? Почему вы хотите выяснить почему вы страдаете? Когда вы задаёте себе этот вопрос: «Почему я страдаю?» и ищете причину страдания – не уходите ли вы от страдания? Когда я ищу значение страдания, разве я не избегаю, не ухожу от него, не бегу от него? Факт заключается в том, что я страдаю; но в тот момент, когда я заставляю ум работать с этим и говорю: «Ну почему?» – я уже смягчаю интенсивность страдания. Иными словами, мы хотим, чтобы страдание смягчилось, облегчилось, ушло, мы хотим покончить с ним объяснением. Это, конечно, не даёт понимания страдания. Если я свободен от этого желания убежать от страдания, тогда я начинаю понимать, в чём состоит содержание страдания.

Что такое страдание? Беспокойство – не так ли? – на различных уровнях, на физическом уровне и разных уровнях подсознания. Это та болезненная форма беспокойства, которая мне не нравится. Мой сын умер. Я связал с ним все мои надежды – или вокруг моей дочери, моего мужа, что хотите. Я наделил его всем, чем мне хотелось, чтобы он был, и я сохранял его как своего компаньона – вы знаете все эти вещи. И вдруг он ушёл. Отсюда смятение, не так ли? Это смятение я называю страданием.

Если мне не нравится это страдание, я говорю: «Почему я страдаю?», «Я так любил его», «Он был тем-то», «Я имел то-то». Я пытаюсь уйти в слова, в ярлыки, в верования, как

поступает большинство из нас. Они действуют в качестве наркотика. Что происходит, если я не сделаю этого? Я просто осознаю страдание. Я не проклинаяю его, я не оправдываю его – я страдаю. Тогда я могу следовать за его движением, не так ли? Тогда я могу проследить содержание его значения – «я следую» в смысле пытаюсь понять что-то.

Что это означает? Что есть то, что страдает? Не почему возникает страдание, не в чём причина страдания, но что на самом деле происходит? Не знаю, видите ли вы различие? Тогда я просто осознаю страдание, не как нечто вне меня, не как наблюдатель, следящий за страданием, – это часть меня, то есть весь я и есть страдание. Тогда я могу следить за его движением, увидеть, куда оно ведёт. Наверняка, если я делаю это, оно раскрывается, не так ли? Тогда я вижу, что я делал акцент на своём «я» – а не на человеке, которого я люблю. Его воздействие заключалось только в том, что он прикрывал меня от ощущения, что я несчастен, от моего одиночества, от моей не-счастливости. Поскольку я не являюсь чем-то, я надеялся, что он будет этим. Это ушло; я покинут, я потерян, я одинок. Без него – я ничто. Поэтому я плачу. Не потому, что он ушёл, но потому, что я покинут. Я один. Подойти к этому очень трудно, не так ли? Трудно действительно признать это, и не просто говорить: «Я один, и как мне избавиться от этого одиночества?» – что лишь другая форма бегства, – но осознать его, оставаться с ним, видеть его движение. Я привожу это только как пример. Постепенно, если я позволяю этому развернуться, раскрыться, я вижу, что страдаю оттого что потерян; меня призывают обратить моё внимание на что-то, на что я не хочу смотреть. Мне навязывают что-то, что мне нежелательно видеть и понимать. Есть бесчисленное количество людей, помогающих мне уйти, – тысячи так называемых религиозных людей, с их верованиями и догмами, надеждами и фантазиями – «это карма, это Божья воля», – вы знаете, все предлагают мне выход. Но если я могу оставаться с этим и не отодвигать это от себя, не пытаться ограничить или отрицать это – что тогда происходит? Каково состояние моего ума, когда он так следует за движением страдания?

Разве страдание – всего лишь слово, или же оно реальность? Если оно реальность, а не просто слово, тогда слово сейчас не имеет значения, поэтому есть просто чувство сильной боли. По отношению к чему? По отношению к образу, к переживанию, к чему-то, что у вас есть или чего у вас нет. Если у вас это есть, вы называете это удовольствием, если у вас этого нет – это боль. Следовательно, боль, печаль, существует по отношению к чему-то. Это что-то – всего лишь вербализация или это реальность? То есть когда скорбь присутствует, она существует только по отношению к чему-то. Она не может существовать сама по себе – равно как и страх не может существовать сам по себе, но только по отношению к чему-то: к человеку, к происшествию, к чувству. Теперь вы вполне осознали страдание.

Находится ли это страдание вне вас и потому вы просто наблюдатель, который воспринимает страдание, или это страдание – вы сами?

Когда нет наблюдателя, который страдает, отлично ли это страдание от вас? Вы и есть страдание, не так ли? Вы не отделены от боли – вы и есть боль. Что происходит? Нет никаких ярлыков, не даётся никакого имени и тем самым оно не отме тается в сторону – просто вы и есть эта боль, это чувство, это ощущение муки. Когда вы это – что происходит? Когда вы не даёте этому имени, когда это не вызывает у вас страха – соот несён ли с этим центр? Если центр соотнесён с этим, тогда он боится этого, тогда он должен действовать и сделать что-то с этим. Но если центр и есть это, тогда что вы делаете? Тогда нечего делать, не так ли? Если вы есть это и не принимаете этого, не навешиваете ярлык на это, не отбрасываете это – если вы есть это, что происходит? Говорите ли вы тогда, что страдаете? Наверняка произошло фундаментальное преобразование. Тогда больше не существует «я страдаю», потому что нет центра, чтобы страдать, а центр страдает потому, что мы никогда не рассматривали, что же такое центр. Мы просто живём от слова к слову, от реакции к реакции. Мы никогда не говорим: «Давайте я посмотрю, что это за вещь, которая страдает». Вы не можете видеть путём усилия, путём дисциплины. Вы должны смотреть с интересом, со спонтанным постижением. Тогда вы увидите, что то, что мы называем страданием, болью, то, чего мы избегаем, и дисциплина, – всё ушло. До тех пор пока у меня нет отношения к

этому как к чему-то, находящемуся вне меня, проблемы нет; с того момента, как я устанавливаю отношение к этому как к чему-то вне меня – проблема есть. В той мере как я обращаюсь со страданием как с чем-то вне меня – я страдаю из-за того, что я потерял своего брата, из-за того, что у меня нет денег, из-за того или из-за этого – я устанавливаю отношение к этому, и это отношение фиктивно. Но если я есть это, если я вижу этот факт, тогда всё преобразуется, всё имеет иное значение. Тогда есть полное внимание, целостное внимание, и то, что полностью рассматривается, является понятым и разрешённым, и поэтому нет никакого страха и, следовательно, слово «скорбь» перестало существовать.

8. Об осознании

ВОПРОС: В чём различие между осознанием и самоанализом? И кто осознаёт при осознании?

КРИШНАМУРТИ: Давайте сначала рассмотрим, что мы под понимаем под самоанализом. Мы подразумеваем под этим взгляд внутрь себя, рассмотрение самого себя. Почему человек рассматривает себя? Для того чтобы исправить, изменить, для того чтобы модифицировать себя. Вы смотрите в глубь себя для того, чтобы стать чем-то, иначе вы не стали бы этим заниматься. Вы не стали бы рассматривать себя, если бы не было желания модифицировать, изменить, стать чем-то другим, отличным от того, какой вы есть. Это очевидная причина само анализа. Я сержусь – и я всматриваюсь в себя, рассматриваю себя для того, чтобы избавиться от гнева, или модифицировать, или изменить гнев. Там, где есть самоанализ, а он есть желание модифицировать или изменить отклик, реакции нашего «я», там всегда преследуется некая цель; когда эта цель не достигается, возникает плохое настроение, депрессия. Поэтому самоанализу всегда сопутствует депрессия. Не знаю, заметили ли вы, что когда вы всматриваетесь в себя, для того чтобы изменить себя, всегда поднимается волна депрессии. Всегда возникает волна дурного настроения, с которым вы должны бороться. Вам приходится рассматривать себя снова, для того чтобы преодолеть это настроение, и так далее. Самоанализ – это процесс, который не даёт высвобождения, потому что это процесс трансформации того, что есть, во что-то, чего нет. Очевидно, это как раз то, что происходит, когда вы всматриваетесь в себя, когда вы предаётесь этому своеобразному действию. В этом действии всегда содержится накопительный процесс, «я» рассматривает что-то, чтобы изменить это, поэтому всегда есть дуалистический конфликт, и отсюда процесс растерянности. Никогда нет высвобождения; и, при появлении этой растерянности, присутствует депрессия.

Осознание – нечто совершенно иное. Осознание есть наблюдение без осуждения. Осознание приносит понимание, потому что нет осуждения или идентификации, но есть молчаливое наблюдение. Если я хочу понять что-то, я должен наблюдать, я не должен критиковать, я не должен осуждать, я не должен стремиться к этому как к чему-то приятному или избегать этого как что-то неприятное. Должно быть просто молчаливое наблюдение факта. Не преследуется никакая цель, но есть только осознание всего, по мере того как оно возникает. Это наблюдение, и понимание этого наблюдения, прекращается, когда есть осуждение, идентификация или оправдание. Самоанализ это самоусовершенствование, и потому самоанализ эго(само)центричен. Осознание не является самоусовершенствованием. Наоборот, это конец себя, конец «я», со всеми присущими ему специфическими странными наклонностями, воспоминаниями, запросами и устремлениями. В самоанализе есть идентификация и осуждение. В самосознании нет осуждения или идентификации, поэтому нет и самоусовершенствования. Между этими двумя есть огромная разница.

Человек, который хочет улучшить себя, никогда не придёт к осознанию, поскольку улучшение подразумевает осуждение и достижение результата. В то время как осознание – это наблюдение без осуждения, без отказа или притяжения. Это осознание приходит с внешними вещами, ощущать, быть в контакте с предметами, с природой. Прежде всего есть осознание

вещей вокруг человека, чувствительность к предметам, к природе, затем к людям, что означает взаимоотношения; затем есть осознание идей. Это осознание, чувствительность к вещам, к природе, к людям, к идеям, не состоит из отдельных процессов, но есть один единообразный процесс. Это постоянное наблюдение над всем, над каждой мыслью и чувством и действием, по мере того как они возникают в человеке. Поскольку осознание не осуждает – нет никакого накопления. Вы осуждаете только тогда, когда у вас есть стандарт, а это означает, что есть накопление и, следовательно, улучшение своего «я», укрепление «само». Осознание означает понимание деятельности «само», своего «я», в его взаимоотношениях с людьми, с идеями и с вещами. Это осознание происходит каждый миг, от момента к моменту, и поэтому его нельзя практиковать. Когда вы практикуете что-то, это становится привычкой, а осознание – не привычка. Ум, привыкший к какому-то определённому действию, нечувствителен, ум, функционирующий в колее частного действия, туп, ему чуждо усердие, в то время как осознание требует постоянного усердия, бдительности. Это нетрудно. Именно это вы обычно делаете, когда чем-то интересуетесь, когда вам интересно наблюдать вашего ребёнка, вашу жену, ваше растение, деревья, птиц. Вы наблюдаете без осуждения, без идентификации; поэтому в таком наблюдении имеет место полная общность; наблюдающий и наблюдаемое находятся в полном слиянии. Это действительно происходит, когда вы всерьёз, глубоко интересуетесь чем-то.

Итак, существует огромная разница между осознанием и расширяющим «я», улучшающим самоанализом. Самоанализ ведёт к разочарованию, к неудаче, к дальнейшему и ещё более тягостному конфликту; в то время как осознание – это процесс высвобождения из действия «само»; это означает – осознавать ваши повседневные движения, ваши мысли, ваши действия и осознавать другого, наблюдать его. Вы можете сделать это только, когда вы любите кого-то, когда вы глубоко интересуетесь чем-то; когда я хочу знать себя, всё моё существо, всё его содержание, а не только один или два слоя, тогда, очевидно, не должно быть осуждения. Тогда я должен быть открыт всякой мысли, всякому чувству, всем настроениям, всему что подавляет; и поскольку осознание всё больше и больше расширяется, возникает всё большая и большая свобода от всех скрытых движений мысли, мотивов и устремлений. Осознание – это свобода, оно приносит свободу, оно даёт свободу, тогда как самоанализ культивирует конфликт, процесс замыкания на себе, на «само»; поэтому он всегда ведёт к растерянности и страху.

Задавший вопрос хочет также знать – кто осознаёт. Когда у вас есть какое-либо глубокое переживание – что происходит? Когда есть такое переживание, сознаёте ли вы, что вы переживаете? Когда вы разгневаны, в долю секунды гнева, или ревности, или радости, – осознаёте ли вы, что вы радостны или разгневаны? Только когда переживание проходит, есть переживающий и пережитое. Тогда переживающий наблюдает пережитое, предмет переживания. В момент переживания не существует ни наблюдающего, ни наблюдаемого: есть только переживание. Большинство из нас не ощущают переживания. Мы всегда вне состояния переживания, и потому мы задаём вопрос о том, кто этот наблюдающий и кто осознающий. Конечно, это неправильный вопрос, не так ли? В тот момент, когда происходит переживание, не существует ни того, кто осознаёт, ни того, что он осознаёт. Нет ни осознающего, ни осознаваемого – но только состояние переживания. Большинство из нас считают, что жить в состоянии переживания исключительно трудно, потому что для этого требуется чрезвычайное усердие, быстрота, высокая степень чувствительности; а это отвергается, когда мы стремимся к результату, когда мы хотим преуспеть, когда мы имеем в виду какую-то цель, когда у нас есть какой-то расчёт – всё это ведёт к растерянности. Человек, который ничего не требует, который не преследует цель, не ищет результата – со всем тем, что из него вытекает, – такой человек находится в состоянии постоянного переживания. Всё тогда имеет движение, значение; ничто не является старым, ничто не покрывается коростой, ничто не повторяется, потому что то, что есть, никогда не бывает старым. Вызов всегда нов. Это только отклик на вызов стар; старое создаёт дальнейший осадок, который есть память, наблюдающий, который отделяет себя от наблюдаемого, от

вызова, от переживания.

Вы можете поставить этот опыт для себя очень просто и очень легко. В следующий раз, когда вы почувствуете гнев, или ревность, или жадность, или неистовство, или что бы то ни было, — понаблюдайте за собой. В этом состоянии «вас» нет, есть только это состояние бытия. Спустя момент, секунду, вы присваиваете этому термин, именуете его, вы называете это ревностью, гневом, жадностью; так вы немедленно создаёте наблюдающего и наблюдаемое, переживающего и переживаемое. Когда есть переживающий и переживаемое, тогда переживающий пытается модифицировать переживание, изменить его, запомнить что-то о нём, и так далее, и таким образом сохранять разделение между собой и пережитым. Если вы не дадите наименования этому чувству — а это означает, что вы не ищете результата, вы не осуждаете, вы просто молча осознаёте это чувство, — тогда вы увидите, что в этом состоянии чувства, переживания, нет наблюдающего и наблюдаемого, потому что наблюдающий и наблюдаемое единый феномен, и поэтому есть только переживание.

Поэтому самоанализ и осознание совершенно различны. Самоанализ ведёт к растерянности, к дальнейшему конфликту, потому что в нём заложено желание перемены, а перемена — это просто модификация того, что длится. Осознание это состояние, в котором нет осуждения, нет оправдания и нет идентификации, и потому есть понимание. В этом состоянии пассивного бдительного осознания нет ни переживающего, ни переживаемого.

Самоанализ, который есть форма улучшения своего «я», расширения своего «я», никогда не может привести к истине, потому что это всегда процесс замыкания на себе; тогда как осознание — это состояние, в котором может возникнуть истина, истина того, что есть, простая истина повседневного существования. Просто когда мы понимаем истину повседневного существования, мы можем продвигаться вперёд. Мы должны начать с близкого, чтобы зайти далеко. Но большинство из нас хочет прыгнуть, начать далеко без понимания того, что близко. По мере того как мы поймём близкое, мы обнаружим, что расстояния между близким и далёким нет. Расстояния нет — начало и конец едины.

9. О взаимоотношениях

ВОПРОС: Вы часто говорите о взаимоотношениях. Что это означает для вас?

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего не существует такой вещи, как изолированное существование. Быть — значит быть во взаимоотношениях, и без взаимоотношений нет существования. Что мы подразумеваем под взаимоотношениями? Это взаимосвязанные вызовы и ответы между двумя людьми, между вами и мной, вызов, который вы бросаете и который я принимаю или на который я отвечаю; а также вызов, который я бросаю вам. Взаимоотношения между двумя людьми создают общность; общество не независимо от вас и от меня; масса сама по себе — не отдельная целостность, но вы и я в наших взаимоотношениях друг с другом создаём массу, группу, общество. Взаимоотношения это осознание взаимосвязи между двумя людьми. На чём эти взаимоотношения обычно основываются? Не основываются ли они на так называемой взаимозависимости, на обоюдном содействии? По крайней мере мы говорим, что это взаимная помощь, взаимное содействие и так далее; но на самом деле вне слов, вне эмоциональной завесы, которую мы набрасываем друг на друга, — на чём они основаны? На взаимном удовлетворении, не так ли? Если я вам неприятен, вы избавляетесь от меня; если я вам приятен, вы принимаете меня — либо как вашу жену, либо как вашего соседа или друга. Таков факт.

Чем является то, что вы называете семьёй? Очевидно, это взаимоотношения близости и общности. Существует ли общность в вашей семье, в ваших взаимоотношениях с вашей женой, с мужем? Наверняка это подразумевается под взаимоотношениями, не так ли? Взаимоотношения означают общность без страха, свободу понимать друг друга, общаться напрямую. Очевидно, взаимоотношения означают это — находиться в состоянии общности с другим. Так ли это происходит у вас? Существует ли общность между вами и вашей женой? Возможно, в физическом смысле — но это не взаимоотношения. Вы и ваша жена живёте по

разные стороны стены изоляции, не так ли? У вас свои устремления, свои амбиции, а у неё свои. Вы живёте за стеной и время от времени заглядываете поверх этой стены – и это вы называете взаимоотношениями. Таков факт, не правда ли? Вы можете увеличить это, смягчить это, ввести новый набор слов для описания этого, но таков факт – что вы и другой живёте в изоляции и что жизнь в изоляции вы называете взаимоотношениями.

Если существуют настоящие взаимоотношения между двумя людьми, а это означает, что у них есть общность, последствия этого грандиозны. Тогда нет изоляции, тогда есть любовь, а не ответственность и долг. Именно люди, изолированные за своими стенами, говорят об ответственности и долге. Человек, который любит, не говорит об ответственности – он любит. Поэтому он делит с другим его радости, его горести, его день ги. Таковы ли ваши семьи? Существует ли непосредственное общение с вашими жёнами, с вашими детьми? Очевидно, нет. Поэтому семья – только предлог для сохранения имени, или традиции, чтобы получить то, что вам нужно, сексуально или психологически; так семья становится способом продолжения себя, носителем вашего имени. Это вид бессмертия, вид посто янства. Семья также используется как способ получения удовлетворения. Я безжалостно эксплуатирую других в деловом мире, в политическом и социальном мире вовне, а дома я ста раюсь быть добрым и великодушным. Или же мир для менячрезмерен, мне нужен покой, и я иду домой. Я страдаю в мире, и я иду домой и пытаюсь найти утешение. Так я пользуюсь взаимоотношениями как способом удовлетворения, а это означает, что я не хочу, чтобы мои взаимоотношения доставляли мне беспокойство.

Итак, люди ищут такие взаимоотношения, которые дают взаимное удовлетворение; если вы не получаете удовлетворения, вы меняете взаимоотношения; вы либо разводитесь, либо остаётесь вместе, но ищите удовлетворения где-то ещё, или переходите от одних взаимоотношений к другим, пока не находите то, что вы ищете – а это удовлетворение и чувство защищённости, комфорта. В конце концов таковы наши взаимоотношения в мире, и так оно действительно происходит. Взаимоотношения ищутся там, где есть уверенность, где вы как личность можете жить в состоянии уверенности, в состоянии удовлетворения, в состоянии неведения – и всё это всегда создаёт конфликт, не так ли? Если вы не даёте мне удовлетворения, а я ищу удовлетворения, естественно, должен быть конфликт, потому что мы оба ищем друг в друге безопасность; когда возникает неуверенность в такой безопасности, вы начинаете ревновать, ожесточаетесь, неистовствуете, в вас пробуждается собственничество и так далее. Поэтому взаимоотношения неизбежно влекут за собой чувство собственности, осуждение, настойчивое требование уверенности, безопасности, комфорта и удовлетворения, и в этом, естественно, нет любви.

Мы говорим о любви, мы говорим об ответственности, о долге, но в действительности нет любви; взаимоотношенияоснованы на удовлетворении, последствия этого мы видим в современной цивилизации. То, как мы обращаемся с нашимижёнами, детьми, соседями, друзьями, указывает на то, что в наших взаимоотношениях действительно совсем нет любви. Это только взаимный поиск удовлетворения. И если это так – в чём тогда цель взаимоотношений? В чём их конечная значимость? Если вы наблюдаете себя во взаимоотношениях с другими, не обнаруживаете ли вы, что взаимоотношения – это процесс самораскрытия? Разве мой контакт с вами не раскрывает моего собственного состояния бытия, если я осознаю, если я достаточно бдителен, чтобы осознавать мою собственную реакцию во взаимоотношениях? В действительности взаимоотношения – это процесс самораскрытия, а это процесс самопознания; это раскрытие обнаруживает много неприятных вещей, лишаящие покоя неприятные мысли, поступки. Поскольку мне не нравится то, что я обнаруживаю, я бегу от взаимоотношений неприятных к взаимоотношениям приятным. Поэтому взаимоотношения мало что значат, когда вы просто ищите в них взаимное удовлетворение, но становятся чрезвычайно значимыми, когда благодаря им происходит самораскрытие и самопознание.

В конечном счёте не существует взаимоотношений в любви, не так ли? Только когда вы любите что-то и ожидаете ответа на вашу любовь – взаимоотношения существуют. Когда

вы любите, когда отдаётесь чему-то полностью, целиком, – взаимоотношений нет.

Если вы действительно любите, если существует такая любовь, это замечательно. В такой любви нет трений, нет одного и другого, а есть полное единение. Это состояние целостности, полноты бытия. Бывают такие моменты, такие редкие, счастливые, радостные моменты полноты любви, полноты общности. Обычно в любви важна не любовь, а важен другой, важным становится предмет любви; важность обретает тот, на кого направлена эта любовь, а не сама любовь. Тогда предмет любви становится важным – по разным причинам, биологическим, словесным или из-за желания получить удовлетворение, комфорт и так далее – а любовь отступает. Тогда чувство собственности, обладания, ревность и требования создают конфликт, и любовь отступает всё дальше и дальше; чем дальше она отступает, тем менее важной становится проблема взаимоотношений, тем меньше её ценность и значимость. Так что любовь – одна из наиболее трудно постигаемых вещей. Она не приходит в ответ на интеллектуальный запрос, её нельзя создать разными методами, способами и дисциплиной. Это состояние бытия, когда деятельность «само», деятельность «я», прекращается; но она не прекратится, если вы просто подавите её, станете избегать её или подчинять дисциплине. Вы должны понять, как действует «само» на всех уровнях сознания. У нас бывают моменты, когда мы действительно любим, когда нет мысли, нет мотивации, но такие моменты очень редки. А оттого, что они редки, мы цепляемся за них в памяти и так создаём барьер между живой реальностью и нашим повседневным существованием.

Для того чтобы понять взаимоотношения, прежде всего важно понять то, что есть, что на самом деле происходит в нашей жизни, во всех разнообразных тонких формах; и также что реально подразумевается под взаимоотношениями. Взаимоотношения – это самораскрытие; мы прячемся за комфорт, потому что мы не хотим открыть себя самому себе – тогда взаимоотношения утрачивают огромную глубину, значимость и красоту. Настоящие взаимоотношения возможны только там, где есть любовь, но любовь – это не поиск удовлетворения. Любовь существует только при самозабвении, при полной общности, не между одним или двумя, но общности, единении с высшим; и это может иметь место, только когда «само» забыто.

10. О войне

ВОПРОС: Как мы, можем разрешить наш нынешний политический кризис и прекратить хаос в мире? Может ли отдельный человек сделать что-либо, чтобы предотвратить неминуемую войну?

КРИШНАМУРТИ: Война – это зрелищная и кровавая проекция нашей повседневной жизни, не так ли? Война – всего лишь внешнее выражение нашего внутреннего состояния, наши повседневные действия в увеличенном виде. Она более зрелищна, более кровава, более разрушительна, но она – суммарный результат нашей личной деятельности. Поэтому и вы, и я несём ответственность за войну, и что же мы можем сделать, чтобы предотвратить её? Очевидно, что непрерывно надвигающаяся война не может быть остановлена вами и мной, потому что она уже в действии; она уже происходит, хотя в настоящее время главным образом на психологическом уровне. Поскольку она уже происходит, её нельзя остановить – противоречий слишком много, они слишком велики, и они уже проявились. Но вы и я, видя, что дом охвачен пламенем, можем понять причину этого пожара, можем уйти от него и построить в новом месте из различных материалов, которые не воспламеняются, которые не вызовут новые войны. Вот всё, что мы можем сделать. Вы и я можем увидеть, что порождает войны, и если мы заинтересованы в том, чтобы их остановить, мы начинаем менять самих себя, поскольку мы являемся причиной войн.

Пару лет назад, во время войны, ко мне пришла американка. Она сказала, что потеряла сына в Италии и у неё есть другой сын, ему шестнадцать лет и она хочет его спасти; мы обсудили эту проблему. Я сказал ей, что для спасения сына она должна перестать быть американкой; она должна перестать быть алчной, перестать накапливать богатство,

стремиться к власти, к доминированию и быть простой в моральном смысле – не только простой в одежде, во внешних проявлениях, но простой в мыслях и чувствах, в своих взаимоотношениях. Она сказала: «Это слишком. Вы требуете слишком многого. Я не могу быть такой, потому что обстоятельства имеют слишком большую власть надо мной, чтобы я могла измениться». Поэтому она была ответственна за гибель своего сына.

Мы можем контролировать обстоятельства, потому что мы их создаём. Общество – это продукт взаимоотношений, и ваших и моих. Если мы изменим наши взаимоотношения, изменится и общество; полагаться только на законы, на принуждение для изменения во вне общества, оставаясь при этом внутренне испорченными, продолжая стремиться к власти, к высокому положению, к доминированию, – значит разрушать внешний мир, как бы тщательно и научно он ни был построен. Внутреннее всегда преодолевает внешнее.

Каковы причины войны – религиозные, политические или экономические? Очевидно – вера, либо в национализм, либо идеологию или какую-то определённую догму. Если бы у нас не было веры, а была бы добрая воля, любовь и взаимное уважение, тогда не было бы войны. Но мы вскормлены на верованиях, идеологиях и догмах и потому порождаем неудовлетворённость. Нынешний кризис имеет особый характер, и мы, люди, должны либо идти путём непрерывных войн и постоянных конфликтов, являющихся результатом наших повседневных действий, либо увидеть причины войн и отказаться от них.

Очевидно, что причиной войн является желание добиться власти, положения, доминирования, денег; а также болезнь, именуемая национализм, почитание некоего флага, болезнь организованной религии, почитание догмы. Всё это причины войны; если вы как личность принадлежите какой-либо организованной религии, если вы испытываете жажду власти, если вы завистливы, вы неизбежно создадите общество, обречённое на разрушение. Поэтому ещё раз: это зависит от вас, а не от лидеров – не от так называемых государственных деятелей и тому подобных. Это зависит от вас и от меня, но мы, по-видимому, не осознали этого. Если бы мы однажды по-настоящему почувствовали ответственность за наши действия, как быстро мы смогли бы положить конец всем этим войнам, этим ужасающим бедствиям! Но вы видите – мы равнодушны. Мы имеем три трапезы в день, мы имеем наши работы, мы имеем наши банковские счета, большие или маленькие, и говорим: «Бога ради, не тревожьте нас, оставьте нас в покое». Чем выше наше положение, тем больше мы нуждаемся в безопасности, постоянстве, покое, тем больше мы хотим, чтобы нас никто не трогал, чтобы всё сохранялось так, как есть; но всё не может сохраниться как есть, потому что нечего сохранять. Всё распадается. Мы не хотим взглянуть в лицо всему этому, мы не хотим взглянуть в лицо тому факту, что вы и я несём ответственность за войны. Мы с вами можем говорить о мире, проводить конференции, сидеть вокруг стола и вести дискуссию, но внутренне, психологически, мы хотим власти, положения, мы мотивированы жадностью. Мы интригуем, мы националисты, мы связаны верованиями, догмами, за которые мы готовы умирать и уничтожать друг друга. Неужели вы думаете, что у таких людей, как вы и я, может быть мир в этом мире? Чтобы у нас был мир, мы должны быть мирными; жить мирно означает не создавать антагонизм. Мир – не идеал. Для меня идеал – это просто уход, бегство от того, что есть, противоречие тому, что есть. Идеал мешает прямому воздействию на то, что есть. Чтобы установился мир, мы должны будем любить, мы должны будем начать жить не идеальной жизнью, но видеть вещи такими, каковы они есть, и воздействовать на них, преобразовать их. Пока каждый из нас ищет психологическую безопасность, физическая безопасность, в которой мы нуждаемся – пища, одежда и жилище, – разрушается. Мы ищем психологическую безопасность, которая не существует; а мы ищем её, если можем, во власти, в положении, титулах, именах – всё это разрушает физическую безопасность. Это очевидный факт, если вы рассмотрите его.

Чтобы установить мир, чтобы прекратились войны, нужна революция в человеке, в вас и во мне. Без этой внутренней революции экономическая безопасность не имеет смысла, ибо голод – результат плохо отлаженных экономических условий, а это результат нашего психологического состояния – жадности, зависти, злой воли и собственничества. Чтобы

положить конец скорби, голоду, войне, нужна психо логическая революция, и мало кто из нас готов встать лицом к лицу с этой необходимостью. Мы будем обсуждать мир, планировать законодательство, создавать новые Лиги наций, и так далее, и тому подобное; но мы не добьёмся мира, пото му что не откажемся от нашего положения, от нашей власти, от наших денег, от нашей собственности, от нашей глупой жизни. Полагаться на других совершенно бесполезно; другие не принесут нам мира. Ни один лидер не даст нам мира, ни одно правительство, ни одна армия, ни одна страна. Мир принесёт только внутреннее преобразование, ведущее к внешнему действию. Внутреннее преобразование не означает изоляцию, уход от внешнего действия. Наоборот, правильное действие возможно только тогда, когда есть правильное мышление, и нет правильного мышления, когда нет самопознания. Без познания себя нет мира.

Чтобы положить конец внешней войне, вы должны начать с того, чтобы положить конец войне в самом себе. Некоторые из вас кивнут головой и скажут: «Я согласен», – и выйдут и станут делать ровно то же самое, что вы делали последние десять или двадцать лет. Ваше согласие только словесно и не имеет значения, ибо бедствия и войны в мире не прекратятся из-за нашего небрежного согласия. Они прекратятся только тогда, когда вы осознаете опасность, когда вы осознаете свою ответственность, когда вы не станете предоставлять это кому-то другому. Если вы осознаете страдание, если вы поймёте неотложность немедленного действия и не будете откладывать его, тогда вы преобразите себя; мир наступит, только когда вы сами будете мирными, когда вы сами в мире со своим ближним.

11. О страхе

ВОПРОС: Как мне избавиться от страха, который оказывает влияние на всю мою деятельность?

КРИШНАМУРТИ: Что мы подразумеваем под страхом? Страх чего? Есть различные типы страха, и нам нет необходимости рассматривать каждый тип. Но мы можем видеть, что страх появляется, когда наше понимание взаимоотношений не является полным. Взаимоотношения – не только между людьми, но и между нами и природой, между нами и собственностью, между нами и идеями; пока эти взаимоотношения не поняты полностью – страх неизбежен. Жизнь – взаимоотноше ния. Быть – быть взаимосвязанным, и вне взаимосвязи жизни нет. Ничто не может существовать в изолированности; пока ум в поисках изолированности – страх неизбежен. Страх не абстрактен; он существует только по отношению к чему-то.

Вопрос – как избавиться от страха? Прежде всего всё, что преодолевается, приходится преодолевать снова и снова. Никакая проблема не может быть преодолена окончательно, побеждена; она может быть понята – но не завоёвана. Это два совершенно разных процесса, и процесс преодоления ведёт к дальнейшему смятению, к дальнейшему страху. Сопротивляться, теснить, доминировать, биться с проблемой или выстраивать защиту против неё – создаёт лишь дальнейший конфликт, тогда как если мы сможем понимать страх, вникать в него полностью, шаг за шагом, исследовать всё, что он содержит, тогда страх никогда не вернётся ни в какой форме.

Как я сказал, страх не абстрактен; он существует только во взаимоотношениях. Что же мы подразумеваем под страхом? В конечном счёте – разве не так? – мы боимся не быть, не стать. Теперь, когда присутствует страх не существовать, не продвигаться вперёд, не достигнуть или страх неведомого, незнаемого, смерти – может ли этот страх быть преодолён определением, решением, умозаключением, каким-то выбором? Очевидно, что нет. Просто подавление, сублимация, или подмена, создают дальнейшее сопротивление, не так ли? Так что страх никогда не может быть преодолён путём какой-либо формы дисциплины, какой-либо формы сопротивления. Этот факт должен быть увиден очень отчётливо, прочувствован и пережит: страх не может быть преодолён никакой формой защиты или сопротивления и не

может быть свободы от страха путём поиска ответа, путём просто интеллектуального или словесного объяснения.

Так чего именно мы боимся? Мы боимся некоего факта? – или мы боимся идеи, мысли относительно этого факта? Боимся ли мы чего-то, как оно есть, или мы боимся того, что мы думаем о том, каким оно является, нашей мысли об этом? Возьмём, к примеру, смерть. Мы боимся факта смерти – или идеи, мысли о смерти? Факт – одно, а идея о факте – другое. Боюсь ли я слова «смерть» или факта самого по себе? Из-за того, что я боюсь слова, идеи, я никогда не понимаю факта, я никогда не смотрю на факт, я никогда не вступаю с ним в непосредственное отношение. Только когда я в полном единении с фактом – никакого страха нет. Если полной общности с фактом нет, тогда есть страх, и никакого единения с фактом быть не может, пока я имею идею, мнение, теорию относительно факта, так что у меня должна быть полнота в вопросе – боюсь ли я слова, идеи или самого факта. Когда я с фактом лицом к лицу – понимать тут нечего: вот факт, и я могу иметь с ним дело. Если же я боюсь слова, тогда я должен понять это слово, вникнуть во всю полноту процесса всего того, что включено в это слово, этот термин.

Например, человек боится одиночества, боится боли, боли одиночества. Несомненно, страх этот существует потому, что человек никогда по-настоящему не вглядывался в одиночество, никогда не был с ним в полной общности. В момент, когда человек полностью открыт факту одиночества, он может понять, что это такое, но человек имеет идею, мнение относительно одиночества, основанное на полученном знании; эта идея, мнение, это полученное знание относительно факта и есть то, что создаёт страх. Страх есть очевидный результат наименования, присвоения термина, определения, проектирующего символа, представляющего факт; то есть страх не независим от слова, от термина.

У меня имеется реакция, скажем, на одиночество; то есть я говорю, что меня страшит быть ничем, ничего собой не представлять. Боюсь ли я факта самого по себе, или же страх этот пробуждён тем, что у меня имеется приобретённое ранее знание об этом факте? – знание, являющееся словом, символом, образом. Как может существовать страх факта? Когда я лицом к лицу с фактом, в непосредственном соприкосновении с ним, я могу смотреть на него, наблюдать его; поэтому страха факта нет. Что вызывает страх, так это мои опасения по поводу этого факта, чем этот факт может быть или что он может сделать.

Вот это моё мнение, моя идея, мой опыт, моё знание о факте – вот что создаёт страх. Пока имеет место вербализация факта, дающая факту наименование и тем самым идентифицирующая или осуждающая его, пока мысль судит о нём как наблюдающий – страх неизбежен. Мысль – продукт прошедшего, существовать она может только благодаря вербализации, с помощью символов, с помощью образов; пока мысль рассматривает или истолковывает факт – страх неизбежен.

Так что это ум и есть то, что создаёт страх, ум, являющийся процессом мышления. Мышление – вербализация. Вы не можете мыслить без слов, без символов, образов; эти образы, представления – предрассудки, ранее приобретённые знания, опасения ума – проецируются на факт, и из этого здесь появляется страх. Свобода от страха есть только тогда, когда ум способен смотреть на факт, не истолковывая его, не давая ему наименования, не снабжая его ярлыком. Это очень трудно, поскольку чувства, реакции, тревожности, имеющиеся у нас, немедленно идентифицируются умом – и выдаётся слово. Чувство ревности отождествляется с тем же словом. Возможно ли не идентифицировать чувство, смотреть на это чувство, не давая ему имени? Это наименование чувства и есть то, что даёт ему длительность, даёт ему силу. В момент, когда вы даёте наименование тому, что вы называете страхом, вы усиливаете его; но если вы можете смотреть на это чувство без приклеивания к нему термина, вы обнаружите, что оно улетучивается. Так что человеку, чтобы быть полностью свободным от страха, существенно важно понимать весь этот процесс определения, приклеивания терминов, проецирования символов, образов, представлений, придания фактам наименований. Свобода от страха может быть лишь там, где присутствует самопознание. Самопознание – начало мудрости, что и есть окончание страха.

12. О скуке и интересах

ВОПРОС: Меня ничего не интересует. Но жизнь большинства людей заполнена множеством интересов. Мне нетрудно работать, поэтому я не работаю. Должен ли я заняться каким-либо полезным трудом?

КРИШНАМУРТИ: Иначе говоря, заняться общественной, политической или религиозной деятельностью, так? Из-за того, что вам больше нечего делать, вы становитесь реформатором! Если вам нечего делать, если вам скучно – почему не скучать? Почему не быть таким? Если вам грустно – будьте грустным. Не пытайтесь найти выход из этого, потому что ваша скука имеет огромное значение, если вы способны понять её, жить с ней. «Мне скучно, поэтому я стану делать что-то другое», – вы просто пытаетесь бежать от скуки, а так как большая часть нашей деятельности и есть бегство, вы приносите больше вреда в общественном и других отношениях. Когда вы бежите от чего-то, в этом намного больше вреда, чем когда вы остаётесь таким, какой вы есть. Трудность в том, как оставаться с этим и не бежать от этого, поскольку большая часть нашей деятельности – это процесс бегства, вам чрезвычайно трудно прекратить этот процесс и посмотреть ему в лицо. Поэтому я рад, если вам действительно скучно, и говорю: «Точка, давайте остановимся на этом, посмотрим на это. Почему вы должны что-то делать?»

Если вам скучно – почему вы скучаете? Что это такое – скука? Почему вас ничего не интересует? Должны быть причины, которые притупили вас: страдание, бегство, верования, непрерывная деятельность притупили ум, сделали сердце невосприимчивым. Если вы сможете понять, почему вам скучно, почему у вас нет интересов, тогда, несомненно, вы решите эту проблему, не так ли? Тогда заработает пробуждённый интерес. Если вам не интересно, почему вы скучаете, вы не можете заставить себя обрести интерес в какой-либо деятельности, просто делать что-то, подобно белке, которая бегает по клетке. Я знаю, что большинство из нас предаются именно такого рода деятельности. Но мы можем найти внутренне, психологически, почему мы пребываем в состоянии полнейшей скуки; мы можем увидеть, почему большинство из нас находятся в этом состоянии: мы исчерпали себя эмоционально и умственно; мы перепробовали так много всего, так много переживали, так много развлекались, экспериментировали, что у нас всё притупилось, мы стали вялыми. Мы присоединяемся к одной группе, делаем всё, что от нас требуется, и покидаем её; затем мы идём куда-то ещё и пробуем что-то другое. Если у нас не получается с одним психологом, мы идём к кому-то другому или к священнику; если у нас не получается там, мы идём к другому учителю и так далее; мы всё время куда-то идём. Этот процесс постоянного растягивания и постоянного искания истощает, не так ли? Как всякие чувствования, он вскоре притупляет ум.

Мы это делали, мы переходили от чувствования к чувствованию, от возбуждения к возбуждению, пока не дошли до той точки, когда мы действительно истощены. Теперь, осознав это, не продолжайте то же самое, отдохните. Успокойтесь. Пусть ум наберётся сил сам по себе; не насилуйте его. Как почва обновляется за зиму, так же и ум, когда ему позволяют оставаться в покое, обновляется. Но очень трудно позволить уму быть спокойным, оставаться лежать «под паром» после всего этого, ибо ум хочет делать что-то всё время. Когда вы подходите к такой точке, где вы действительно позволяете себе быть таким, какой вы есть, – скучающим, некрасивым, безобразным или каким бы то ни было, – тогда появляется возможность с этим справиться.

Что происходит, когда вы принимаете что-то, когда вы принимаете то, какой вы есть? Когда вы принимаете, что вы то, что вы есть, – в чём же проблема? Проблема существует только тогда, когда вы не принимаете что-то, как оно есть, и хотите преобразовать его, – это совсем не означает, что я выступаю за состояние довольства, наоборот. Если мы принимаем себя, какие мы есть, тогда мы видим, что то, чего мы боялись, то, что мы называли скукой, то, что мы называли отчаянием, то, что мы называли страхом, подверглось полному

изменению. Произошло полное преобразование того, чего мы боялись.

Вот почему важно, как я сказал, понять процесс нашего мышления, пути нашего мышления. Самопознание нельзя почерпнуть у кого-то, из какой-нибудь книги, какой-нибудь профессии, психологии или у психоаналитика. Его нужно найти самому – потому что это ваша жизнь. Без расширения и без углубления этого знания о себе – делайте что угодно в соответствии с любыми внешними или внутренними обстоятельствами, влияниями, это всегда будет почвой, порождающей отчаяние, боль, скорбь. Чтобы выйти за пределы деятельности ума, замыкающей ваше «я», вы должны понять её; а понять её означает осознавать действия во взаимоотношениях, отношений к вещам, к людям и к идеям. В этих взаимоотношениях, которые являются зеркалом, мы начинаем видеть себя без какого бы то ни было оправдания или осуждения; и из этого более широкого и более глубокого познания путей нашего ума можно двигаться дальше; можно привести ум в состояние покоя и обрести то, что реально.

13. О ненависти

ВОПРОС: Если быть совершенно честным, я должен признать, что я ощущаю негодование, а временами и ненависть почти к каждому. Это делает жизнь мою очень несчастной и мучительной. Интеллектуально я понимаю, что сам я и являюсь этим возмущением, этой ненавистью; но совладать с этим не могу. Можете ли вы указать мне какой-то выход?

КРИШНАМУРТИ: Что мы подразумеваем под «интеллектуально»? Когда мы говорим, что мы понимаем что-то интеллектуально, что мы имеем в виду при этом? Существует ли вообще такая вещь – интеллектуальное понимание? Или это означает, что ум просто понимает слова, ведь это наш единственный способ общаться друг с другом! Можем ли мы, однако, действительно понимать что-либо на одном лишь словесном уровне, ментально? Это первое, во что мы должны внести полную ясность: не является ли так называемое интеллектуальное понимание препятствием для понимания. Понимания, конечно, целостного, не разделённого, не частичного? Либо я понимаю что-то, либо я не понимаю. Говорить себе: «Я понимаю что-то интеллектуально», безусловно, является препятствием для понимания. Это частичный процесс и, следовательно, вообще не понимание.

Теперь вопрос: «Как мне, негодующему, ненавидящему, как мне освободиться от этого или как мне справиться с этой проблемой?» Как вы справляетесь с проблемой? Что представляет собой проблема? Несомненно, проблема есть нечто беспокоящее. Я возмущён, негодую, я преисполнен ненависти; я ненавижу людей, и это причиняет боль. И я осознаю это. Что мне делать? Это очень беспокоящий фактор в моей жизни. Что мне делать, как мне действительно освободиться от этого – не на какие-то мгновения отбросить это, но освободиться от этого фундаментально, полностью и окончательно? Как мне сделать это?

Это для меня проблема, ведь это беспокоит меня. Если бы это не было беспокоящей вещью, это не было бы проблемой для меня. Но поскольку это причиняет боль, беспокойство, тревогу, поскольку я считаю, что это уродливо, я хочу от этого избавиться. Таким образом, то, от чего я хочу отделаться, – это беспокойство, не так ли? Я даю этому разные имена – в разное время, в зависимости от настроения; один день я называю это так, другой день как-то иначе, но желание, основополагающее, – не быть обеспокоенным. Разве не так? Поскольку удовольствие не является беспокоящим – я принимаю его. Я не хочу от удовольствия избавляться, ведь в нём нет беспокойства – по крайней мере в данный момент, но ненависть, негодование – очень беспокоящие факторы в моей жизни, и я хочу от них избавиться.

Моя забота – не быть обеспокоенным, и я пытаюсь найти способ никогда не испытывать беспокойства. Почему я должен не быть обеспокоенным? Я должен быть обеспокоенным, чтобы выяснять, не так ли? Я должен пройти сквозь невероятные потрясения, волнения, тревоги, чтобы выяснять, разве не так? Если я не буду

обеспокоенным, я буду оставаться в состоянии спячки, и, может быть, именно этого и хочет большинство из нас – быть умиротворёнными, быть погружёнными в сонливость, уйти от всякого беспокойства, отыскать изолированность, уединённость, безопасность. Если я не возражаю против беспокойства – по-настоящему, не только поверхностно, если я не возражаю против беспокойства, поскольку я хочу выяснять, – тогда моё отношение к ненависти, к негодованию претерпевает изменение, не так ли? Если я не возражаю против обеспокоенности, тогда наименование уже не является важным, так ведь? Слово «ненависть» уже лишено важности, верно? Или «возмущение» по отношению к людям – уже не важно, ведь так? Ведь в этом случае я непосредственно переживаю состояние, которое я считаю негодованием, без описания словами этого переживания.

Гнев – очень беспокоящее качество, подобно ненависти и возмущению; и очень немногие из нас переживают гнев непосредственно, не прибегая к словам. Если мы не облакаем его в слова, если мы не называем его гневом, несомненно, переживание совсем иное, разве не так? Присваивая ему термин, мы обесцениваем новое переживание или фиксируем его в терминах старого, тогда как если мы не называем его, тогда имеет место переживание, которое понимается непосредственно, и это понимание приносит трансформацию в само это переживание.

Возьмём, к примеру, мелочность. Большинство из нас, когда мы мелочны, не осознают этого – мелочность в денежных делах, мелочность в вопросах прощения тех, кто нас обидел, вы знаете, быть мелочным просто. Уверен, мы хорошо знакомы с этим. Теперь, осознавая это, как мы собираемся быть свободными от этого качества? – не становится великодушными, это совсем не то, что надо. Быть свободными от мелочности включает в себя великодушие, становиться великодушными вы не можете. Конечно, следует осознать это. Вы можете быть очень великодушным, предоставляя крупные суммы своему обществу, своим друзьям, и в то же время проявлять чрезвычайную мелочность, давая чаевые, – вы понимаете, что я подразумеваю под «мелочностью». Человек не сознаёт этого. Когда он начинает сознавать это – что происходит? Мы применяем нашу волю, чтобы стать великодушными; мы стараемся преодолеть мелочность; мы дисциплинируем себя, чтобы быть великодушными, и так далее и так далее. Но в конечном счёте усилие воли быть чем-то – по-прежнему часть мелочности в несколько расширенном виде, так что если мы ничего из этого не делаем, а просто осознаём всё, что включено в мелочность, не давая ей термина, мы увидим, что имеет место радикальная трансформация.

Пожалуйста, поэкспериментируйте с этим. Прежде всего человек должен быть обеспокоенным, и вполне очевидно, что большинство людей не любят быть обеспокоенными. Мы думаем, что мы нашли некий образец жизни – Учителя, веру, что угодно, – и на этом успокаиваемся. Это как иметь удобную бюрократическую работу, которую можно выполнять на протяжении всей жизни. С таким же умонастроением мы подходим к различным качествам, от которых мы хотим избавиться. Мы не видим, как важно быть обеспокоенным, быть без ощущения внутренней безопасности, не быть зависимым. Несомненно, раскрыть что-либо вы можете только при отсутствии внутренней безопасности, ведь только в таком состоянии вы видите и понимаете. Мы хотели бы жить как человек, у которого много денег, когда всё легко; он nebude беспокоиться; он не хочет быть обеспокоенным.

Обеспокоенность существенно важна для понимания, и всякая попытка обрести безопасность – препятствие для понимания. Когда мы хотим избавиться от чего-то, что нарушает покой, это, несомненно, препятствие. Если мы можем переживать чувство непосредственно, не давая ему наименования, я думаю, мы найдём в нём очень многое; тогда не будет больше битвы с ним, поскольку переживающий и то, что переживается, одно, и это существенно. Пока переживающий облакает чувство, переживание в слова, он отделяет себя от чувства, от переживания и воздействует на них; такое воздействие – искусственное, иллюзорное действие. Но если слова не применяются, тогда тот, кто переживает и то, что переживается, одно целое. Эта целостность необходима и должна быть воспринята со всей

основательностью.

14. О болтовне

ВОПРОС: Пересуды имеют ценность для раскрытия себя, особенно для понимания отношения других ко мне. Серьёзно, почему бы и не воспользоваться сплетней как средством раскрытия того, что есть? Меня не шокирует слово «сплетня» – лишь потому, что она издавна осуждается.

КРИШНАМУРТИ: Интересно – почему мы сплетничаем? Не потому, что это раскрывает для нас других. И почему другим надо быть раскрытыми для нас? Почему вы хотите знать других? Почему эта необычайная заинтересованность другими? Прежде всего почему мы сплетничаем? Это форма беспокойности, разве нет? Как и тревога, это показатель беспокойного ума. Откуда это желание вмешиваться, лезть к другим, узнавать, что другие делают, что говорят? Это очень поверх ностный ум – тот, что сплетничает, не так ли? – ум, интерес которого ложно направлен. Человек, задавший вопрос, по-видимому, думает, что другие открываются ему благодаря его заинтересованности ими – их делами, их мыслями, их мнениями. Но можем ли мы узнать других, если мы не знаем самих себя? Можем ли мы судить о других, когда мы не знаем путей нашего собственного мышления, путей того, как мы действуем, путей того, как мы ведём себя? Отчего этот необычайный интерес, озабоченность другими? Не бегство ли это, на самом деле – это желание выяснить, что другие думают и чувствуют и о чём болтают? Не способ ли это убежать от самих себя? Нет ли в этом также и желания вмешаться в жизни других? Разве наша собственная жизнь недостаточно трудна, недостаточно сложна, недостаточно болезненна, мучительна и без занятия другими, без вмешательства в жизнь других? Есть ли время думать о других в такой болтливой, грубой, уродливой форме? Почему мы делаем это? Вы знаете, каждый делает это. Практически каждый сплетничает о ком-то другом. Почему? Я думаю, мы сплетничаем о других, прежде всего, потому, что мы недостаточно интересуемся процессом нашего собственного мышления и наших собственных действий. Мы хотим видеть, что другие делают и, быть может, мягко говоря, подражать другим. Обычно, когда мы сплетничаем, мы осуждаем других, но, опять же выражаясь мягко, это, возможно, чтобы подражать другим. Почему мы хотим подражать другим? Не указывает ли всё это на необычайную мелкость нас самих? Это необычайно вялый, тусклый, тупой ум – тот, что хочет возбуждения, и отправляется во внешнее, чтобы получить его. Другими словами, сплетни, пересуды есть некая форма ощущений – не так ли? – которыми мы балуем себя, потакаем себе. Это могут быть разного рода ощущения, но всегда присутствует это желание найти возбуждение, развлечение, отвлечение. Если действительно глубоко войти в этот вопрос, то возвращаясь к самому себе, что показывает, что человек действительно чрезвычайно мелок и ищет возбуждения во внешнем, в разговорах о других. Поймите себя в следующий раз болтающим о ком-то; если вы осознаете это, оно укажет вам на очень многое о вас самом. Не прикрывайте это, говоря, что вы просто небезразличны к другим. Это свидетельствует о беспокойности, чувстве возбуждения, мелкости, об отсутствии подлинного, глубокого интереса к людям, не имеющего ничего общего с болтовнёй пересудов.

Следующая проблема – как остановить пересуды? Это следующий вопрос, не так ли? Когда вы осознаёте, что вы сплетничаете – как вам остановить это? Если это становится привычкой, уродливой вещью, продолжающейся день за днём – как вам остановить это? Возникает ли этот вопрос? Когда вы знаете, что вы сплетничаете, когда вы осознаёте, что вы сплетничаете, осознаёте всё, с этим связанное – говорите ли вы тогда себе: «Как мне остановить это?»? Не прекращается ли оно само по себе в момент, когда вы осознаёте, что вы сплетничаете? Это «как» не возникает вообще. Это «как» возникает, только когда вы не осознаёте; и болтовня указывает на отсутствие осознания. Поэкспериментируйте с этим для себя в следующий раз, когда будете сплетничать, и увидите как быстро, как момен

тально вы перестаёте сплетничать, когда вы осознаёте, что вы болтаете о чём-то, осознаёте, что язык ваш действует помимо вас. Чтобы остановить это, не требуется действия воли. Всё, что необходимо – это осознавать, сознавать то, что вы говорите и видеть содержание этого. Вам не нужно осуждать или оправдывать пересуды. Осознавайте их, и вы увидите, как быстро вы остановите болтовню; потому что это раскрывает человеку его собственный образ действия, его поведение, шаблон мышления; в этом раскрытии человек открывает самого себя, что гораздо важнее, чем болтовня о других, о том, что они делают, что они думают, как они ведут себя.

Большинство из нас, кто ежедневно читает газеты, переполнены сплетнями, глобальными сплетнями. Всё это бегство от самих себя, от нашей собственной убогости, от нашей собственной уродливости. Мы думаем, что посредством посредственного интереса к мировым событиям мы становимся всё более и более знающими, мудрыми, более способными что-то делать с нашими собственными жизнями. Всё это, несомненно, пути бегства от самих себя, не так ли? Внутренне мы так пусты, мелки; мы так боимся самих себя. Внутренне мы так бедны, что болтовня сплетен действует как форма обогащающего развлечения, бегство от самих себя. Мы пытаемся заполнить эту пустоту в нас знаниями, ритуалами, сплетнями, собраниями, митингами – бесчисленными путями бегства, так что наиважнейшим становится бегство, а не понимание того, что есть. Понимание того, что есть, требует внимания; чтобы знать, что ты мелок, пуст, что ты болен, необходимо огромное внимание, а не бегство – но большинству из нас нравятся эти бегства, ведь они намного приятнее, намного привлекательнее. К тому же, когда мы знаем себя такими, какие мы есть, очень трудно иметь с собой дело. Это одна из проблем, с которой мы сталкиваемся. Мы не знаем, что делать. Когда я знаю, что я мелок, что я пуст, что я страдаю, что мне больно – я не знаю, что делать, как мне справиться с этим. Потому-то человек и обращается к бегству всякого рода.

Вопрос – что делать? Несомненно, вполне очевидно – убежать нельзя; это верх нелепости и ребячества. Но когда вы лицом к лицу с собой, какой вы есть – что вы делаете? Прежде всего возможно ли не отвергать и не оправдывать это, но лишь оставаться с тем, какой вы есть? – что крайне трудно, ведь ум выискивает объяснения, осуждения, отождествления. Если он не делает ничего из этого, а остаётся с этим, тогда это будет приятием чего-то. Если я принимаю, что я темнокожий – с этим покончено; но если я вознамерился стать более светлым, возникает проблема. Принять то, что есть, чрезвычайно трудно; это можно сделать тогда, когда нет никакого бегства, а осуждения или оправдания – форма бегства. Поэтому, когда человек понимает весь процесс того, почему он сплетничает, и когда он осознаёт абсурдность этого, жестокость и всё, что включено в это, тогда он остаётся с тем, что он есть; а мы подходим к этому всегда, чтобы либо разрушить это, либо изменить это во что-то ещё. Если мы не делаем ничего из этого, а подходим к этому с намерением понять его, быть с ним полностью, тогда мы обнаружим, что это больше не является чем-то, что устрашает нас. Тогда есть возможность преобразования того, что есть.

15. О критике

ВОПРОС: Какое место во взаимоотношениях занимает критика? В чём разница между деструктивной и конструктивной критикой?

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего – почему мы критикуем. Для того чтобы понять? Или это просто процесс придиричности, ворчливости? Если я критикую вас – понимаю ли я вас? Приходит ли понимание путём осуждения? Если я хочу осознавать, если я хочу понимать не поверхностно, а глубоко всё значение моих взаимоотношений с вами, – начну ли я критиковать вас? Или же я осознаю эти взаимоотношения между вами и мной, молчаливо наблюдая их – не проецируя мнений, критик, суждений, отождествлений или обвинений, а молчаливо наблюдая что происходит? И если я не критикую – что происходит? Человек склонен сползти в спячку, не так ли? Это не значит, что, когда мы придираемся, ворчим, мы

не впадаем в спячку. Возможно, это становится привычкой, и мы отправляем себя в спячку через привычку. Более глубокое, более обширное понимание взаимоотношений – существует только благодаря критике? Не в том дело, будет ли критика конструктивной или деструктивной, – суть не в этом. Поэтому вопрос таков: «Какое необходимосостояние ума и сердца, чтобы понимать взаимоотношения?» Что представляет собой процесс понимания? Как мы понимаем что-либо? Как вам понять своего ребёнка, если вы заинтересованы в своём ребёнке? Вы наблюдаете – не так ли? Вы следите за его игрой, вы изучаете его в его различных настроениях; вы не проецируете на него своего мнения. Вы не говорите, что он должен быть этим или тем. Вы бдительно наблюдаете – не так ли? – активно осознаёте. Тогда, возможно, вы начнёте понимать ребёнка. Если вы постоянно критикуете, постоянно навязываете свою собственную личность, свою идиосинкразию, свои мнения, устанавливая, каким он должен или не должен быть, и всё тому подобное, вы, несомненно, создаёте барьер в этих взаимоотношениях. К несчастью, большинство из нас критикует с тем, чтобы оказать формирующее влияние, с тем, чтобы вмешаться, воздействовать, повлиять; это доставляет нам определённое удовольствие, определённое удовлетворение – придавать форму чему-либо: взаимоотношениям с мужем, с ребёнком или ещё с кем-то. Вы чувствуете при этом ощущение власти, вы босс, хозяин положения, и в этом громадное удовлетворение. Конечно, никакого понимания взаимоотношений в таком процессе нет. Здесь просто воздействие, желание привести кого-то в соот ветствие с определённым шаблоном идиосинкразии, вашего желания, вашей прихоти. Всё это препятствие – не так ли? – пониманию взаимоотношений.

Существует также самокритика. Быть критичным к себе, критиковать, осуждать или оправдывать себя – приносит ли это понимание самого себя? Когда я начинаю критиковать себя – не ограничиваю ли я процесс понимания, исследования? Разве самоанализ, некая форма самокритики, раскрывает «само», наше «я»? Что делает возможным раскрытие «само»? Постоянно анализировать себя, постоянно быть исполненным страха, критичным, несомненно, не способствует раскрытию себя. Что приносит раскрытие «само», такое, что вы начинаете понимать его – так это постоянное осознание его без всякого принуждения, без всякого отождествления. Должна быть определённая спонтанность; вы не можете постоянно анализировать себя, дисциплинировать себя, формировать себя. Эта спонтанность существенна для понимания. Если я просто ограничиваю, контролирую, осуждаю, то этим я вношу остановку в движениемысли и чувства, не так ли? Лишь при движении мысли и чувства я раскрываю что-то – а не тогда, когда просто контролирую. Когда открываешь, важно выяснить, как действовать с этим. Если я действую в соответствии с идеей, согласно стандарту, со образуясь с идеалом, я тем самым втискиваю, вдавливаю «само» в определённый шаблон. В этом нет понимания, нет возвышения, преображения. Если я могу наблюдать «само» без всякого принуждения, без всякого отождествления, тогда есть возможность выйти за его пределы. Вот потому-то весь этот процесс приближения себя к идеалу совершенно неправилен, ложен. Идеалы – это боги кустарного, домашнего изготовления, и приспособление к образу, который спроецирован нашим «само», нашим собственным «я», несомненно, не способствует раскры тию, не приведёт к освобождению.

Так что понимание может быть только тогда, когда ум молчаливо осознаёт, наблюдая – что очень трудно, потому что нам нравится быть активными, быть беспокойными, неутомными, критичными, осуждая, оправдывая. Такова структура нашего существа; и, через завесу идей, предрассудков, точек зрения, переживаний, памяти – мы пытаемся понимать. Возможно ли быть свободным от всех этих завес, экранов и благодаря этому понимать непосредственно, прямо? Несомненно, так мы и поступаем, когда проблема очень интенсивна; мы не прибегаем ко всем этим способам, мы подходим прямо, непосредственно. Понимание взаимоотношений приходит только тогда, когда этот процесссамокритики понят и ум тих, спокоен. Если вы слушаете меня и стараетесь следить – не прилагая слишком больших усилий – за тем, что я хочу передать, тогда есть возможность взаимного понимания между нами. Но если вы всё время критикуете, противопоставляя свои мнения, то, что вы усвоили из книг, или кто-то ещё вам что-то сказал и так далее и тому подобное, тогда вы и я

не имеем взаимоотношений, потому что между нами существует эта завеса, экран. Если мы оба стараемся выяснить суть проблемы, корень проблемы, лежащий в самой же проблеме, если мы оба страстно желаем дойти до самой её глубины, выяснить истину её, раскрыть, что она такое, – тогда отношения у нас есть. Тогда ваш ум одновременно и бдителен и пассивен, наблюдая, чтобы увидеть, что истинно в этом. Поэтому ваш ум должен быть чрезвычайно подвижным, не прикрепленным к какой-либо идее или идеалу, к какому-либо суждению, к какому-либо мнению, ук репившемуся и затвердевшему в вас как результат ваших частных опытов, переживаний. Понимание приходит, несомненно, тогда, когда имеет место быстрая гибкость пассивно осознающего ума. Тогда он способен воспринимать, тогда он чувствителен. Ум не чувствителен, когда он загружен идеями, предрассудками, мнениями, будь они за или против.

Чтобы понимать взаимоотношения, должно быть пассивное осознание – что не разрушает взаимоотношений. Напротив, оно делает взаимоотношения более жизнеспособными, более значительными. В таких взаимоотношениях имеется возможность подлинной привязанности; в них есть теплота, чувство взаимной близости, что не является просто ощущением или сентиментальностью. Если мы способны на такой подход, на такие взаимоотношения со всеми и всем, то наши проблемы окажутся легко разрешимыми – проблемы собственности, проблемы обладания, ведь мы и являемся тем, чем мы владеем. Человек, обладающий деньгами, и есть эти деньги. Человек, отождествляющий себя с собственностью, и есть эта собственность, этот дом, эта обстановка. То же самое с идеями или с людьми; когда присутствует обладание, взаимоотношений нет. Большинство из нас стремится к обладанию чем-то, ибо помимо этого у нас ничего нет. Если мы ничем не обладаем, не заполняем нашу жизнь обстановкой, музыкой, знаниями, тем или этим, то мы – пустые раковины. И эта раковина производит много шума, и этот шум мы называем жизнью; и этим мы удовлетворены. Если это нарушается, возникает скорбь, ибо вы внезапно видите себя таким, какой вы есть – пустой раковиной, ничего собой не представляющей. Осознавать всё содержание взаимоотношений означает действовать, и это действие создаёт возможность возникновения истинных взаимоотношений, возможность раскрыть их большую глубину и их большую значимость и узнать, что такое любовь.

16. О вере в бога

ВОПРОС: Вера в Бога была мощным стимулом к лучшей жизни. Почему вы отрицаете Бога? Почему вы не пытаетесь оживить веру человека в идею Бога?

КРИШНАМУРТИ: Давайте подойдем к этой проблеме широко и разумно. Я не отрицаю Бога – было бы глупо делать это. Только человек, который не знает реальность, позволяет себе бессмысленные слова. Человек, который говорит, что он знает – не знает; человек, который переживает реальность от мгновения к мгновению, не имеет средств передать, сообщить эту реальность.

Вера – отрицание истины, вера препятствует истине; верить в Бога – не найти Бога. Ни верующий, ни неверующий не найдут Бога; потому что реальность – неведомое и ваша вера или неверие в неведомое есть просто проекция вашего «я» и, следовательно, нереальна. Я знаю, что вы веруете, и я знаю, что это имеет очень мало значения в вашей жизни. Много есть людей, тех, кто верит; миллионы веруют в Бога и находят утешение. Прежде всего – почему вы веруете? Вы веруете потому, что это даёт вам удовлетворение, утешение, надежду, и вы говорите, что это придаёт жизни смысл. На самом же деле фактически ваша вера имеет очень мало значения, ведь вы веруете и эксплуатируете, вы веруете и убиваете, вы веруете в единого Бога и убиваете друг друга. Богатый человек тоже верует в Бога; он безжалостно эксплуатирует, накапливает деньги, а потом строит храм или становится филантропом.

Человек, сбросивший атомную бомбу на Хиросиму, говорил, что Бог был с ним; те, кто летел из Англии разрушать Германию, говорили, что этот Бог был их вторым пилотом.

Диктаторы, премьер-министры, генералы, президенты – все говорят о Боге, у них беспредельная вера в Бога. Служат ли они, делая жизнь человека лучше? Люди, те, что говорят, что они верят в Бога, разрушили полмира, и мир пребывает в полной нищете и страданиях. Религиозная нетерпимость привела к разделению людей на верующих и неверующих, ведущему к религиозным войнам. Это показывает, насколько вы, ваши умы, невероятно политизированы.

Является ли вера в Бога «мощным стимулом к лучшей жизни»? Почему вам хочется стимула к лучшей жизни? Несомненно, вашим стимулом должно быть ваше собственное желание жить чисто и просто, разве нет? Если вы высматриваете какой-то стимул, вы не заинтересованы в том, чтобы сделать жизнь возможной для всех, вы просто заинтересованы в своём стимуле, который отличен от моего – и мы будем ссориться из-за стимула. Если мы живём счастливо вместе не потому, что мы верим в Бога, но потому, что мы – человеческие существа, тогда мы организуем средства производства так, чтобы производить вещи для всех. Из-за нехватки разума мы принимаем идею Высшего Разума и называем его «Бог»; но этот «Бог», этот Высший Разум, не даст нам лучшую жизнь. Что ведёт к лучшей жизни – так это разум; и не может быть разума, если есть вера, если есть классовые разделения, если средства производства в руках немногих, если есть изолированные национальности и суверенные правительства. Всё это очевидным образом указывает на недостаток разума, и именно это отсутствие разума есть то, что препятствует лучшей жизни – а не неверие в Бога. Вы все веруете по-разному, но ваши верования лишены всякой реальности. Реальность есть то, чем являетесь вы, то, что вы делаете, то, что вы думаете, и ваша вера в Бога есть просто бегство от вашей монотонной, тупой и жестокой жизни. Более того, вера неизменно разделяет людей: есть индуисты, буддисты, христиане, коммунисты, социалисты, капиталисты и так далее. Вера, идея – разделяют; они никогда не объединяют людей. Вы можете собрать немного людей вместе, в группу, но эта группа противостоит другой группе. Идеи и веры никогда не объединяют; напротив, они отделяют, разобщают и разрушают. Поэтому ваша вера в Бога реально усиливает нищету и бедствия в мире; хоть она и может принести вам временное утешение, но в действительности она приносит вам ещё больше страданий и разрушений в виде войн, голода, классовых разделений и беспощадных действий разобщённых индивидов. Так что ваша вера вообще не имеет никакой ценности. Если вы действительно верите в Бога, если бы это было реальным переживанием для вас, тогда на вашем лице была бы улыбка; вы бы не уничтожали людей.

Теперь, что такое реальность, что такое Бог? Бог – не слово, слово не вещь. Чтобы постичь то, что неизмеримо, что не от времени, ум должен быть свободен от времени – что означает, что ум должен быть свободен от всех мыслей, от всех идей о Боге. Что вы знаете о Боге или истине? Вы на самом деле ничего не знаете об этой реальности. Всё, что вы знаете, – это слова, переживания других или какие-то моменты ваших собственных, скорей всего, весьма смутных, переживаний. Совершенно очевидно, что это не Бог, это не реальность, это не за пределами поля времени. Чтобы познать то, что за пределами времени, процесс времени должен быть понят, время есть мысль, процесс становления, накопление знания. Это-то и есть вся основа ума, подоплёка ума; ум и сам есть основа – сознания и подсознания, коллективного и индивидуального. Поэтому ум должен быть свободен от знания, от известного, что означает, что ум должен быть полностью умолкнувшим, немым, тихим – не сделан тихим. Ум, достигающий безмолвия как результата, как последствия определённого действия, практики, дисциплины, – не тихий ум. Ум, которого заставляют, принуждают, контролируют, формируют, втискивают в рамку и удерживают в покое, – не тихий ум. Вы можете заставить ум какое-то время быть поверхностно спокойным, но такой ум – не тихий ум. Спокойствие придёт, только когда вы поймёте весь процесс мысли, ведь понять процесс – это завершить его, и завершение процесса мысли есть начало тишины.

Только когда ум полностью затих, не только на верхнем уровне, но основательно, насквозь, и на поверхностном и наиболее глубоких уровнях сознания – только тогда неведомое может обрести бытие. Неведомое – не что-то, что может быть переживаемо умом;

единственно тишина может быть переживаема, ничего, кроме тишины. Если ум переживает что-либо помимо тишины, это просто проецирование его собственных желаний, и такой ум – не тих; пока ум не тих, пока мысль в любой форме, сознательной или бессознательной, пребывает в движении – тишины быть не может. Тишина – свобода от прошлого, от известного, от знания, от и сознательной и подсознательной памяти; когда ум полностью тих, не действует, когда присутствует тишина, которая не является результатом усилия – только тогда то, что вне времени, вневременное, вечное обретает бытие. Такое состояние не является состоянием воспоминания – отсутствует та сущность, которая вспоминает, которая переживает.

Так что Бог, или истина, или что хотите, обретает бытие каждый миг, от момента к моменту, и происходит это только в состоянии свободы и спонтанности – не когда ум дисциплинируется согласно какому-то образцу. Бог – не порождение ума, он не приходит путём проецирования вашего «я», он приходит только когда присутствует добродетель, которая есть свобода. Добродетель – во встрече факта того, что есть, и встреча факта есть состояние благодати. Только когда ум благодетен, спокоен, без какого бы то ни было своего собственного движения, без проекции мысли, сознательной или подсознательной, – только тогда вечное обретает бытие.

17. О памяти

ВОПРОС: Память, говорите вы, это неполное переживание. В моей памяти сохранились яркие впечатления от ваших предыдущих бесед. В каком смысле это неполное переживание? Пожалуйста, объясните эту идею во всех её деталях.

КРИШНАМУРТИ: Что мы подразумеваем под памятью? Вы ходите в школу и наполнены фактами, техническими знаниями. Если вы инженер, вы используете память технических знаний, чтобы построить мост. Это память фактов. Существует также психологическая память. Вы сказали что-то мне, приятное или неприятное, и я запоминаю это; когда я в следующий раз встречаю вас, я встречаю вас с этой памятью, памятью о том, что вы сказали или не сказали. У памяти две грани, два аспекта – психологический и фактический. Они всегда взаимосвязаны, поэтому между ними нет чёткого разделения. Мы знаем, что память фактов существенно необходима, так как является средством к жизни, – но существенна ли психологическая память? Что это за фактор – тот, что сохраняет психологическую память? Что заставляет человека психологически помнить обиду или похвалу? Почему человек сохраняет определённые воспоминания и отбрасывает другие? Вполне очевидно, что человек сохраняет воспоминания, которые приятны, и избегает воспоминаний, которые неприятны. Если вы понаблюдаете, то увидите, что тягостные воспоминания отбрасываются намного быстрее, чем доставляющие удовольствие. Ум есть память, на любом уровне, как бы вы ни называли его; ум – результат прошлого, он основан на прошлом, а это и есть память, обусловленное состояние. Те перь с этой памятью мы встречаем жизнь, мы встречаем новый вызов. Вызов всегда новый, а наш отклик, ответ всегда старый, ведь он – результат прошлого. Поэтому переживание без участия памяти есть одно состояние, а переживание с привлечением памяти – другое. То есть, существует вызов, который всегда нов. Я встречаю его откликом, обусловленностью старым. Поэтому – что происходит? Я поглощаю новое, я не понимаю его; и переживание нового обусловлено прошлым. Следовательно, имеет место частичное понимание нового, здесь не может быть полного понимания. Это только когда присутствует полное понимание чего-либо, оно не оставляет рубца памяти.

Когда существует какой-то вызов, который всегда нов, вы встречаете его откликом старого. Старый отклик обуславливает новое и тем самым искажает его, придаёт ему искривлённость, поэтому нет полного понимания нового, так как новое впитывается в старое и соответственно усиливает старое. Это может казаться абстрактным, но это не сложно, если вы посмотрите более пристально и внимательно. Ситуация в мире в настоящее

время требует нового подхода, новых путей решения мировой проблемы, которая всегда новая. Мы не способны относиться к этому по-новому, потому что мы подходим к ним с нашими обусловленными умами, с национальными, местными, семейными и религиозными предрассудками. Наши прежние переживания действуют как преграда к пониманию нового вызова, так как мы продолжаем развивать и усиливать память, и поэтому мы никогда полностью не понимаем новое, мы никогда не встречаем вызов во всей его полноте, полностью. Только когда человек способен встретить вызов по-новому, свежо, без прошлого, только тогда вызов раскрывает свои богатства, даёт плоды.

Задавший вопрос говорит: «В моей памяти сохранились яркие впечатления от ваших предыдущих бесед. В каком смысле это неполное переживание?» Очевидно, что это не полное переживание, если это только впечатления, память. Если вы понимаете то, что было сказано, видите истину этого, эта истина – не память. Истина – не память, ибо истина всегда нова, постоянно преобразовывая саму себя. У вас сохранилась память о предыдущей беседе. Почему? Потому что вы используете предыдущую беседу как руководство, вы не поняли её полностью. Вы хотите вникнуть в неё и подсознательно или сознательно продолжаете удерживать её. Если вы понимаете что-либо полностью, то есть видите истину чего-либо целиком и полностью, вы обнаруживаете, что никакой памяти нет вообще. Наше образование развивает память, укрепляет память. Ваши религиозные практики и ритуалы, ваши чтение и знания – всё это укрепляет память. Что мы при этом имеем в виду? Почему мы придерживаемся памяти? Не знаю, замечали ли вы, что когда человек взрослеет, он оглядывается в прошлое, с его радостями, с его горестями, с его удовольствиями; если человек молод, он смотрит в будущее. Почему мы так поступаем? Почему память становится такой важной? По той простой и очевидной причине, что мы не знаем, как жить целиком и полностью в настоящем. Мы используем настоящее как способ перехода к будущему, и потому настоящее не имеет никакого значения. Мы не можем жить в настоящем, потому что мы используем настоящее как коридор, проход в будущее. Из-за того, что я намереваюсь становиться чем-то, у меня ни когда нет полного понимания себя самого, а понимание себя, чем я в точности являюсь сейчас, не требует развития памяти. Напротив, память является помехой пониманию того, что есть. Не знаю, заметили ли вы, что новая мысль, новое чувство приходят только тогда, когда ум не пойман сетью памяти. Когда существует промежуток между двумя мыслями, между двумя воспоминаниями, когда этот интервал может быть удержан, тогда из этого интервала приходит новое состояние бытия, которое больше не является памятью. У нас есть воспоминания, и мы культивируем память как способ продления, придания длительности. «Я» и «моё» становятся очень важными, пока существует культивирование памяти, и поскольку большинство из нас слеплены из «я» и «моё», память играет очень важную роль в наших жизнях. Если бы у вас не было памяти, ваша собственность, ваша семья, ваши идеи не были бы важны как таковые; так, чтобы усилить «я» и «моё», вы культивируете память. Если вы понаблюдаете, вы увидите, что существует интервал между двумя мыслями, между двумя эмоциями. В этом промежутке, который не является продуктом памяти, пребывает необычайная свобода от этого «я» и этого «моё», и этот интервал – вне времени.

Давайте посмотрим на эту проблему по-другому. Безусловно, память – это время, не так ли? Память создаёт вчера, сегодня и завтра. Память о вчерашнем дне обуславливает день сегодняшний и тем самым формирует завтра. То есть прошлое через настоящее создаёт будущее. Есть время протекания процесса, являющегося волей стать чем-то. Память есть время, и посредством времени мы надеемся достичь результата. Сегодня я клерк, но, используя время и возможности, я стану менеджером или владельцем. Поэтому я должен иметь время – и с таким же умонастроением мы говорим: «Я достигну реальности, я приближусь к Богу». Следовательно, я должен иметь время, чтобы это осуществить, что означает: я должен культивировать память, укреплять память практикой, дисциплиной, чтобы быть чем-то, чтобы достичь, получить, – что означает продление во времени. Путём времени мы надеемся достичь вневременного, того, что вне времени, с помощью времени мы

надемся получить вечное. Можете ли вы сделать это? Можете ли вы поймать вечное в сеть времени – посредством памяти, пребывающей во времени? Что лишено времени, вневременное, может быть только тогда, когда память, которая есть «я» и «моё», исчезает. Если вы видите истину этого – что посредством времени, путём времени, вечное нельзя понять и получить – тогда мы можем войти в проблему памяти. Память того, что относится к технике, технологии, существенно важна; но психологическая память – та, что поддерживает «само», укрепляет «я» и «моё», та, что даёт идентификацию и ведёт к продлению своего «я», полностью вредна для жизни и для реальности. Когда человек видит истину этого, ложное отпадает; поэтому нет никакого психологического удержания вчерашнего переживания.

Вы видите чудный закат солнца, прекрасное дерево в поле – и когда вы впервые смотрите на них, вы наслаждаетесь ими полностью, всецело; но вы возвращаетесь к ним с желанием наслаждаться ими снова. Что происходит, когда вы возвращаетесь с желанием наслаждаться ими? Наслаждения нет – потому что это память о вчерашнем закате солнца теперь заставляет вас возвращаться, побуждает вас наслаждаться. Вчера не было памяти, только спонтанное понимание, восхищение, прямой отклик; сегодня вы возжелали возвращения вчерашнего переживания. То есть память, встречающая, вмешивающаяся, вторгается и располагается между вами и солнечным закатом, потому-то и нет наслаждения, нет богатства, полноты, насыщенности красоты. Опять же, у вас есть друг, который сказал вам что-то вчера, обидное или приятное, и вы сохраняете эту память; с этой памятью вы встречаете своего друга сегодня. Вы не реальным образом встречаете своего друга – вы несёте с собой память вчерашнего, которая вторгается, встречает. Так мы и продолжаем, окружая себя и свои действия памятью, и потому нет никакой новизны, никакой свежести. Вот почему память делает жизнь утомительной, унылой, тупой и пустой. Мы живём в антагонизме друг с другом, потому что «я» и «моё» усиливаются памятью. Память приходит в жизнь благодаря действию в настоящем; мы даём жизнь памяти посредством настоящего, оживляем её настоящим – но когда мы не даём жизнь памяти, она увядает, постепенно исчезает. Память фактов, технических вещей – несомненная необходимость, но память как психологическое удержание вредна для понимания жизни, для общения людей друг с другом.

18. Полагаться на «то, что есть»

ВОПРОС: В чём разница между подчинением Божьей воле и тем, о чём вы говорите как о принятии того, что есть?

КРИШНАМУРТИ: Совершенно очевидно, что существует огромная разница, разве не так? Подчинение Божьей воле подразумевает, что вы уже знаете волю Бога. Вы не подчиняетесь чему-либо, чего вы не знаете. Если вы познаёте реальность, вы не можете подчиняться ей; вы перестаёте существовать; не существует подчинения высшей воле. Если вы подчиняетесь высшей воле – эта высшая воля является проекцией вас самих, ведь реальное не может быть познано посредством известного, путём знания. Реальное обретает бытие только тогда, когда известное, знакомое, знание прекращает своё бытие, перестаёт быть. Известное есть порождение ума, поскольку мысль есть результат известного, прошлого и мысль может создавать только то, что она знает; поэтому то, что ей известно, не является вечным. Вот почему, когда вы подчиняетесь воле Божьей, вы подчиняетесь собственным проекциям; они могут быть удовлетворяющими, утешающими, но реальными они не являются.

Понимание того, что есть, требует иного процесса – возможно, слово «процесс» неправильное, но я имею в виду вот что: понять то, что есть, значительно труднее, это требует большего разума, большего осознания – чем просто принять или отдать себя какой-либо идее. Понимание того, что есть, не требует усилия; усилие – это отвлечение. Чтобы понять что-либо, понять то, что есть, вам нельзя быть отвлекаемым, разве не так? Если я хочу понять, что вы говорите, мне не следует слушать музыку, шум людей снаружи, я

должен отдать этому всю полноту своего внимания. Осознавать то, что есть, необычайно тяжело и труд нодоступно как раз из-за того, что само наше мышление стало отвлечением. Мы не хотим понимать то, что есть. Мы смотрим на то, что есть, через очки предубеждения, осуждения или отождествления, и очень трудно убрать эти очки и посмотреть на то, что есть. Несомненно – то, что есть, является фактом, является истиной, а всё прочее – это бегство, это не истина. Чтобы понять то, что есть, конфликт двойственности должен прекратиться, ведь негативная реакция стать чем-то иным, чем то, что есть, представляет собой отречение, отказ от понимания того, что есть. Если я хочу понять высокомерие, мне не следует входить в противоположное, мне не следует быть отвлечённым усилием чем-то стать, или даже усилием постараться понять то, что есть. Если я высокомерен – что происходит? Если я не присваиваю высокомерию имени, наименования – оно исчезает; это значит: ответ – внутри самой проблемы, а не вне неё.

Это не вопрос принятия того, что есть; вы не принимаете то, что есть, вы не принимаете то, что вы коричневый или белый, поскольку это факт; только когда вы стараетесь стать чем-либо ещё, иным, вам приходится принимать. В момент, когда вы осознаёте факт, он перестаёт иметь какое-либо значение; но ум, приученный думать о прошлом или о будущем, приученный убежать прочь в разнообразных направлениях, такой ум не способен понять то, что есть. Без понимания того, что есть, вы не можете найти, что реально, и без этого понимания жизнь не имеет смысла, жизнь – постоянная борьба, битва, в которой боль и страдание продолжают. Реальное может быть понято только пониманием того, что есть. Оно не может быть понято, если имеется какое-либо осуждение или отождествление. Ум, всегда осуждающий или отождествляющий, не может понимать; он может понимать лишь то, внутри чего он пойман. Понимание того, что есть, осознание того, что есть, раскрывает необычайные глубины, в которых – реальность, счастье и радость.

19. О молитве и медитации

ВОПРОС: Разве стремление, выраженное в молитве, это не путь к Богу?

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего мы собираемся исследовать проблемы, содержащиеся в этом вопросе. В него включены молитва, сосредоточение и медитация. Так что же мы подразумеваем под молитвой? Прежде всего в молитве есть прошение, просьба к тому, что вы называете Богом, реальностью. Вы как человек, нуждающийся, спрашивающий, просящий, умоляющий, вымаливающий, ищущий руководства от чего-то, что вы называете Богом; следовательно, ваш подход – подход человека, ищущего награду, стремящегося к удовлетворению. У вас беда, национальная или личная, и вы молитесь о покровительстве; или вы в смятении, и вы умоляете о ясности, вы ждёте помощи от того, кого вы называете Богом. При этом подразумевается, что Бог – кем бы он ни был, мы сейчас не будем это обсуждать – внесёт ясность в смятение, которое создано вами и мной. В конце концов ведь это именно мы создали это смятение, бедствия, нищету, хаос, ужасную тиранию, отсутствие любви, и мы хотим, что тот, кого мы называем Богом, всё это прояснит. Другими словами, мы хотим, чтобы наше смятение, наше страдание, наша скорбь, наши конфликты были разрешены кем-то другим; мы просим другого принести нам свет и счастье.

Теперь, когда вы молитесь, когда вы умоляете, просите о чём-то – оно обычно происходит, исполняется. Когда вы просите, вы получаете; но то, что вы получаете, не создаёт порядка, потому что полученное не приносит ясности, понимания. Оно только устраивает, даёт удовлетворение, но понимания не приносит, ведь когда вы требуете, вы получаете то, что сами же и спроектировали. Как может реальность, Бог, ответить на ваш частный запрос? Может ли неизмеримое, невыразимое, быть озабоченным нашими мелкими, маленькими тревогами, невзгодами, смятениями, которые мы сами себе создаём? Тогда, что же представляют собой эти ответы? Очевидно, что неизмеримое не может ответить измеримому, мелкому, малому. Но чем же являются эти ответы? В тот момент, когда мы молимся, мы довольно спокойны, совершенно безмолвны, в состоянии восприимчивости;

тогда наше собственное подсознание на краткий миг приносит ясность. Вы хотите чего-то, вы страстно устремлены к этому, и в этот самый момент желания, раболепной мольбы, вы довольно восприимчивы; ваш сознательный, активный ум относительно спокоен, тих, поэтому подсознание проектирует себя в него, и вы имеете ответ. Он, конечно, не является ответом реальности, неизмеримого — это ответ вашего собственного подсознания. Так что давайте не будем поддаваться путанице и считать, что когда на вашу молитву есть ответ, вы — во взаимоотношениях с реальностью. Реальность должна прийти к вам; вы не можете подойти к ней.

В этой проблеме молитвы имеется ещё один фактор: ответ того, что мы называем внутренним голосом. Как я сказал, когда ум молит, просит, он относительно спокоен, тих; когда вы слышите внутренний голос, это ваш собственный голос, проецирующий себя в этот относительно спокойный ум. И снова, как он может быть голосом реальности? Ум, запутавшийся, в смятении, в неведении, страстно желающий, вопрошающий, просящий, умоляющий, — как может он понять реальность? Ум может воспринимать реальность только тогда, когда он абсолютно спокоен, тих, не требующий, не страстно стремящийся, не жаждущий, не просящий — ни за себя, ни за нацию, ни за другого. Когда ум совершенно тих, абсолютно спокоен, когда желание исчезает — только тогда реальность обретает бытие. Человек, требующий, просящий, молящийся, стремящийся к тому, чтобы его направляли — найдёт то, что он ищет, но это не будет истиной. То, что он получает, будет ответом подсознательных пластов его собственного ума, которые проецируют себя в сознание; так что по-прежнему слабый голос, который направляет его, — это не реальное, но лишь отклик подсознательного.

В этой проблеме молитвы есть также вопрос сосредоточения. Для большинства из нас сосредоточение — процесс исключения. Сосредоточение достигается путём усилия, принуждения, направления, подражания, так что сосредоточение — процесс исключения. Я интересуюсь так называемой медитацией, но мои мысли рассеяны, поэтому я фиксирую свой ум на картине, на образе или на идее и исключаю все остальные мысли. Этот процесс сосредоточения, который есть исключение, считается способом медитации. Это то, что вы делаете, не так ли? Когда вы садитесь медитировать, вы фокусируете свой ум на слове, на образе или на картине, но ум блуждает по всему пространству.

Присутствует постоянное вмешательство других идей, других мыслей, других эмоций, и вы стараетесь оттолкнуть их; вы тратите своё время, сражаясь со своими мыслями. Этот процесс вы называете медитацией. То есть вы стараетесь сосредоточиться на чём-то, чем вы не интересуетесь, и ваши мысли продолжают умножаться, возрастать, вторгаться, вмешиваться, так что вы тратите свою энергию на исключение, на отражение, на отталкивание; если вам удаётся сосредоточиться на вами выбранной мысли, на определённом объекте, вы думаете, что вы наконец преуспели в медитации. Конечно, это не медитация, не так ли? Медитация не процесс исключения — исключения в смысле отражения, вы страивания сопротивления вторгающимся идеям. Молитва — не медитация, и сосредоточение как исключение — не медитация.

Что такое медитация? Сосредоточение не является медитацией, ведь там, где присутствует интерес, сравнительно легко сосредоточиться на чём-либо. Генерал, планирующий войну, бойню, очень сосредоточен. Бизнесмен, делающий деньги, очень сосредоточен — он даже может быть безжалостным, беспощадным, отбрасывая прочь любое другое чувство и полностью сосредотачиваясь на том, что он хочет. Человек, заинтересованный в чём-то, сосредотачивается естественно, спонтанно. Такое сосредоточение — не медитация, оно — просто исключение.

Так что же такое медитация? Несомненно, медитация — это понимание, медитация сердца есть понимание. Как может быть понимание, если присутствует исключение? Как может быть понимание, когда присутствует прошение, мольба? В понимании — мир, свобода; то, что вами понято, от того вы освобождены. Просто сосредоточение или молитва не приносит понимание. Понимание — сама основа, основополагающий процесс медитации. Вам

не следует полагаться на мои слова об этом, но если вы исследуете молитву и сосредоточение очень тщательно, глубоко, вы обнаружите, что ни то, ни другое не ведут к пониманию. Они только ведут к упорству, к закреплению, к иллюзии. Тогда как медитация, в которой есть понимание, приносит свободу, ясность и целостность.

Что же тогда мы подразумеваем под пониманием? Понимание означает – всему придаётся правильное значение, всем вещам даётся правильная оценка. Пребывать в неведении – это приписывать ложную ценность; сама природа глупости – это недостаток понимания правильных ценностей. Понимание приходит, когда существуют правильные ценности, когда они установлены. А как установить правильные ценности – правильную ценность собственности, правильную ценность взаимоотношений, правильную ценность идей? Чтобы правильные ценности появились, вы должны понять мыслящего, не так ли? Если я не понимаю мыслящего, то есть своё же «я», «само», то, что я выбираю, не имеет смысла; то есть если я не знаю самого себя, тогда моё действие, моя мысль не имеют под собой вообще никакого основания. Следовательно, самопознание – это начало медитации, – не знание, которое вы получаете из моих книг, от авторитетов, от гуру, но то знание, которое приходит путём исследования своего «я», отслеживания «само», что является самоосознаванием. Медитация – начало самопознания, и без самопознания нет медитации. Если я не понимаю пути своих мыслей, своих чувств, если я не понимаю свои мотивы, свои желания, свои требования, свои следования шаблонам действия, которые являются идеями, – если я не знаю себя, то нет никакой основы для мышления; мыслящий, который просто спрашивает, молится или исключает, не понимая себя самого, неизбежно закончит тем, что окажется в замешательстве, в смятении, в иллюзии.

Начало медитации – самопознание, что означает осознание каждого движения мысли и чувства, познающее все пласты своего сознания, не только поверхностные слои, но и скрытое, глубины затаённой активности. Чтобы узнать глубины затаённой активности, скрытые мотивы, отклики, мысли и чувства, сознательный ум должен пребывать в спокойствии; то есть сознательный ум должен быть тихим – чтобы получить проекцию подсознательного. Поверхностный, сознательный ум занят своей повседневной деятельностью, зарабатывая средства к существованию, обманывая других, используя других, убегая от проблем – вся повседневная деятельность нашего существования. Этот поверхностный ум должен понять правильное значение своей собственной деятельности и тем самым принести спокойствие самому себе. Он не может обрести спокойствие, тишину, только режимом, принуждением, дисциплиной. Он может обрести спокойствие, мир, тишину, только понимая свои собственные активности, наблюдая их, осознавая их, понимая свою собственную безжалостность, как он говорит со слугой, с женой, с дочерью, с матерью и так далее. Когда поверхностный, сознательный ум столь полно осознаёт все свои действия, тогда, путём такого понимания, он становится спонтанно спокойным, тихим – не под воздействием принуждения, не под управлением желания; тогда он в состоянии воспринять сообщение, указание, намёки подсознания, глубоко погребённые воспоминания, тайные устремления, глубокие раны, всё ещё не залеченные. Только когда всё это спроецировано ими и понято, когда всё сознание разгружено, освобождено от сковывающих его ран, от любой памяти чего бы то ни было, – только тогда ум в состоянии воспринять вечное.

Медитация – это самопознание, и без самопознания нет медитации. Если вы не осознаёте свои реакции всё время, если вы не полностью осознаёте, не полностью отслеживаете свою повседневную активность, а просто запираетесь в комнате и садитесь перед портретом вашего гуру, вашего Учителя, чтобы медитировать, – это бегство, потому что без самопознания нет правильного мышления, а без правильного мышления то, что вы делаете, не имеет никакого значения, как бы благородны ни были ваши намерения. Так что молитва не имеет значения без самопознания, а когда самопознание присутствует, присутствует и правильное мышление, и отсюда – правильное действие.

При правильном действии нет запутанности, нет смятения, и потому нет и мольбы –

просить кого-то ещё вывести вас из этого. Человек, полностью осознающий, – медитирующий человек; он не молится, потому что он не желает ничего. Молитвой, дисциплиной, повторением и тому подобным вы можете создать определённое спокойствие, но это просто отупение, приведение ума и сердца в состояние вялости, утомления. Это притуплённый, отравленный, наркотизированный ум; и исключение, которое вы называете сосредоточением, не приведёт к реальности – никакое исключение не может сделать это. Что приносит понимание – так это самопознание, и осознавать не так уж и трудно, если присутствует правильное намерение. Если вы заинтересованы в раскрытии всего процесса самого себя – не просто поверхностной части, но целостного процесса всего вашего существа, – тогда это сравнительно легко. Если вы действительно хотите познать себя, вы исследуете своё сердце и свой ум, чтобы узнать их полное содержание, и когда есть намерение узнать – вы узнаете. Тогда вы сможете отслеживать, без осуждения или оправдания, каждое движение мысли и чувства; отслеживая каждую мысль и каждое чувство по мере их возникновения, вы создадите спокойствие, не вынужденное, не организованное, а спокойствие, появляющееся как результат того, что нет проблем, нет противоречий. Это как озеро, которое становится спокойным, тихим, каждый вечер, когда нет ветра; когда ум тих, – то, что неизмеримо, обретает бытие.

20. О сознательном и подсознательном уме

ВОПРОС: Сознательный ум пребывает в неведении относительно подсознательного ума и испытывает страх перед ним. Вы обращаетесь главным образом к сознательному уму – и этого достаточно? Приведёт ли ваш метод к освобождению подсознания? Объясните, пожалуйста, подробно, каким образом можно полностью овладеть подсознательным умом?

КРИШНАМУРТИ: Мы сознаём, что есть сознательный ум и подсознательный ум, но большинство из нас функционирует только на сознательном уровне, в верхнем слое ума, и вся наша жизнь фактически этим и ограничена. Мы живём в так называемом сознательном уме и никогда не уделяем внимания более глубокому подсознательному уму, от которого иногда поступает намёк, указание, предвидение; этот намёк игнорируется, извращается или истолковывается в соответствии с нашими частными особыми требованиями сознательного ума в данный момент. Задавший вопрос спрашивает: «Вы обращаетесь главным образом к сознательному уму – и этого достаточно?» Давайте посмотрим, что же мы подразумеваем под сознательным умом. Отличается ли сознательный ум от подсознательного? У нас имеется разделение на сознание и подсознание; оправдано ли оно? Истинно ли оно? Существует ли такое разделение на сознание и подсознание? Есть ли определённая граница, линия, где кончается сознание и начинается подсознание? Мы сознаём, что верхний слой, сознательный ум, активен, но единственный ли это инструмент, который активен в течение дня? Если бы я сейчас обращался только к верхнему слою ума, тогда, несомненно, то, что я говорю, не представляло бы никакой ценности, не имело бы никакого значения. И всё же большинство из нас цепляется за то, что воспринял сознательный ум, потому что сознательный ум находит удобным приспособляться к некоторым очевидным фактам; но подсознательный ум может восстать и часто делает это, и потому существует конфликт между так называемым сознанием и подсознанием.

Следовательно, наша проблема именно в этом, не так ли? Ведь в действительности есть только одно состояние, а не два – сознательное и подсознательное; есть только состояние бытия, которое осознаваемо, хотя вы можете делить его на сознание и подсознание. Но это осознание – всегда от прошлого и никогда от настоящего; вы осознаёте только то, что уже свершилось. Вы осознаёте то, что я пытаюсь вам сообщить, только секунду спустя, не так ли? – вы понимаете это лишь мгновение спустя. Вы никогда не осознаёте и не знаете происходящего в данный момент. Понаблюдайте за своими собственными сердцами и умами, и вы увидите, что осознание функционирует между прошлым и будущим и что настоящее является просто переходом прошлого в будущее. Поэтому осознание – это движение от

прошлого к будущему.

Если вы понаблюдаете за тем, как работает ваш собственный ум, то увидите, что движение в прошлое и в будущее – процесс, в котором настоящего нет. Или прошлое оказывается способом бегства от настоящего, которое может быть неприятным, или будущее представляет собой надежду, уводящую от настоящего. Так что ум занят прошлым или будущим и отбрасывает настоящее. То есть ум обусловлен прошлым, обусловлен как индус, брамин или не-брамин, христианин, буддист и так далее, и этот обусловленный ум проецирует себя в будущее; поэтому он никогда не способен увидеть какой-либо факт непосредственно и беспристрастно. Ум или осуждает и отклоняет факт, или при нимает этот факт и отождествляет себя с ним. Такой ум, несомненно, не способен видеть какой-либо факт как факт. Таково наше состояние осознания, обусловленного прошлым, и наша мысль – это обусловленная реакция на вызов факта; чем в большей степени ваша реакция соответствует обусловленности в суждениями, убеждениями, прошлым, тем сильнее укрепляется прошлое. Это укрепление прошлого есть, очевидно, продление его самого, которое оно называет будущим. Таким образом, состояние нашего ума, нашего сознания – это маятник, качающийся вперёд-назад между прошлым и будущим. Таково наше сознание, которое состоит не только из верхних слоёв ума, но также и из более глубоких его слоев. Такое сознание, очевидно, не может функционировать на различных уровнях, поскольку оно знает только эти два движения – назад и вперёд.

Если вы понаблюдаете очень внимательно, вы увидите, что это не постоянное движение, но существует промежуток между двумя мыслями; хотя он может длиться всего лишь бесконечно малую долю секунды, этот промежуток важен для покачивания маятника вперёд и назад. Мы видим этот факт – что наше мышление обусловлено прошлым, которое проецируется в будущее; в момент признания прошлого вы должны также признать и будущее, ведь нет двух таких состояний, как прошлое и будущее, но только одно состояние, в которое включены и сознание и подсознание, и прошлое коллективное и прошлое индивидуальное. Коллективное и индивидуальное прошлое, откликаясь на настоящее, выдают определённые от веты, создающие индивидуальное сознание; таким образом, сознание – от прошлого, и в этом вся подоплёка, вся основа нашего существования. Когда у вас прошлое, у вас неизбежно и будущее, ведь будущее есть просто продлеваемое видоизменённое прошлое, но это всё ещё прошлое, так что наша задача – как внести трансформацию в этот процесс прошлого, не создавая другой обусловленности, другого прошлого.

Другими словами, проблема в следующем: большинство из нас отклоняют одну специфическую форму обусловленности и находят другую форму, более широкую, более значительную или более приятную. Вы бросаете одну религию и принимаете другую, отклоняете одну форму веры и принимаете иную. Такая замена, конечно – не от понимания жизни, жизни, ко торая есть взаимоотношения. Наша проблема – как быть свободным от всякой обусловленности. Или вы говорите, что это невозможно, что ни один человеческий ум не может когда-либо быть свободным от обусловленности, или вы начинаете экспериментировать, исследовать, выяснять, открывать. Если вы утверждаете, что это невозможно, естественно, вы не двинетесь дальше. Ваше утверждение может базироваться на ограниченном или широком опыте или на простом принятии верования, но такое утверждение – это отрицание поиска, исследования, проникновения, открытия. Чтобы выяснить, возможно ли для ума быть полностью свободным от любой обусловленности, вы должны быть свободны исследовать и открывать.

Так я говорю, это определённо возможно для ума быть свободным от любой обусловленности – не потому, что вы должны положиться на мой авторитет. Если вы положитесь на авторитет, вы никогда не совершите открытия, это будет ещё один заменитель – что не имеет никакого смысла. Когда я говорю, что это возможно, я говорю так, потому что для меня это – факт, и я могу показать вам это на словах, но если вы хотите выяснить истину этого сами, вы должны экспериментировать с этим и следовать этому

строго.

Понимание всего процесса обусловленности не придёт к вам через анализ или самоанализ, потому что когда вы имеете анализирующего, именно сам этот анализирующий и есть часть основы, подоплёки, прошлого, и потому его анализ не имеет никакого смысла. Это факт, и потому, вы должны отодвинуть в сторону такой подход. Анализирующий, который исследует, который анализирует то, на что он смотрит, сам является частью обусловленного состояния и поэтому какими бы ни были его интерпретация, его понимание, его анализ, это всё ещё часть этой основы, подоплёки, прошлого. Так что на этом пути никакого выхода нет, а разрушить эту основу существенно важно, ведь для того чтобы встретить вызов нового, и сам ум должен быть новым; чтобы открыть Бога, истину или что угодно, ум должен быть свежим, не засорённым, не отравленным прошлым. Анализировать прошлое, делать выводы из ряда экспериментов, строить утверждения и опровержения и всё остальное того же рода – всё это включает, по самой своей сути, продление основы, прошлого, в различных формах; когда вы видите истину этого факта, вы обнаруживаете, что анализирующий исчез. Тогда нет никакой сущности, кроме основы, прошлого: есть только мысль как основа, прошлое; мысль, являющаяся откликом памяти, и сознательной и подсознательной, индивидуальной и коллективной.

Ум – результат прошлого, то есть процесса обуславливания. Как это возможно для ума быть свободным? Чтобы быть свободным, ум должен не только видеть и понимать своё маятнико-подобное колебание между прошлым и будущим, но также осознавать промежуток между мыслями. Этот интервал спонтанен, он не приходит путём какой-либо причины, путём желания, путём принуждения.

Если вы понаблюдаете очень внимательно, вы увидите, что хотя реакции, движение мысли, кажутся такими быстрыми, между мыслями имеются щели, между мыслями существуют промежутки. Между двумя мыслями есть период тишины, несвязанный с мыслительным процессом. Если вы наблюдаете, вы увидите, что этот период тишины, этот интервал – вне времени, и открытие этого интервала, полное переживание этого интервала, освобождает вас от обусловленности – или, скорее, оно не освобождает «вас», но происходит освобождение от обусловленности. Таким образом, понимание процесса мышления – это медитация. Мы сейчас не только обсуждаем структуру и процесс мысли, что является основой, фоном памяти, опыта, знания, но мы также пытаемся выяснить, может ли ум освободить себя от этого фона, основы, прошлого. Только когда ум не способствует продлению мысли, когда он тих, спокоен, спокоен без какого-либо принуждения, без какой-либо причины – только тогда может быть свобода от этой основы, подоплёки, прошлого.

21. О сексе

ВОПРОС: Мы знаем секс как неизбежную физическую и психологическую необходимость, и, как представляется, именно он оказывается первопричиной хаоса в жизни людей нашего поколения. Как нам быть с этой проблемой?

КРИШНАМУРТИ: Почему получается, что всё, к чему бы мы ни прикоснулись, мы превращаем в проблему? Мы сделали проблемой Бога, мы превратили в проблему любовь, мы сделали проблемой отношения между людьми, саму жизнь, и мы превратили в проблему секс. Почему? Почему мы из всего делаем проблему, ужас? Почему мы страдаем? Почему секс стал проблемой? Почему мы поддались жизни с проблемами, почему мы не положим им конец? Почему вместо того, чтобы тащить их на себе день за днём, год за годом, мы не умираем по отношению к нашим проблемам? Вопрос о сексе определённо уместен, но самый первый вопрос в том, почему мы превращаем жизнь в проблему. Дела, секс, заработать деньги, размышления, чувства, переживания – вы знаете, весь этот круг жизни, – почему всё это представляет проблему? Не в том ли суть, что мы всегда думаем с определённой точки зрения, с фиксированной точкой зрения? Ведь мы всегда думаем от центра к периферии, именно периферия является центром для большинства из нас, и поэтому всё, к чему мы

прикасаемся – поверхностно. Но жизнь не поверхностна; она требует полноты целостной жизни, а поскольку мы живём лишь поверхностно, мы знаем только поверхностные реакции. Что бы мы ни делали на периферии, это должно неизбежно создать проблему – и такова наша жизнь: мы живём в поверхностном, и мы вполне довольны жить так со всеми проблемами поверхностного. Проблемы существуют до той поры, пока мы живём в поверхностном, на периферии, той периферии, которую образуют «я» и его ощущения, которые могут быть объяснены внешними причинами или быть субъективными, которые могут быть отождествлены со вселенной, со страной или с чем-то другим, созданным умом.

Пока мы живём в поле ума, должны быть осложнения, должны быть проблемы; вот всё, что мы знаем. Ум – это ощущение, ум – результат накопленных ощущений и реакций, и всё, чего бы ум ни коснулся, должно создать страдание, замешательство, бесконечную проблему. Реальная причина наших проблем – ум; ум, который работает механически ночью и днём, сознательно и подсознательно. Ум – самая поверхностная вещь, и мы прожили многие поколения, мы тратим всю нашу жизнь, культивируя наш ум, делая его всё более умным, всё более тонким, всё более хитрым, всё более нечестным и изворотливым, что проявляется в каждой грани деятельности в нашей жизни. Сама природа нашего ума должна быть нечестной, изворотливой, неспособной видеть факты такими, каковы они есть, и именно это и создаёт проблемы; это нечто такое, что само по себе является проблемой.

Что мы подразумеваем под проблемой секса? Дело в акте, в действии – или в мысли об этом действии? Определённо дело не в акте. Половой акт – не проблема для вас, не больше, чем еда для вас проблема, но если вы думаете о еде или о чём-то другом весь день-деньской, потому что вам больше не о чем думать, то это становится для вас проблемой. Проблема в половом акте или проблема в мысли об этом акте? Почему вы думаете об этом? Почему вы нагнетаете к этому интерес, а ведь вы со всей очевидностью так и делаете? Кинофильмы, журналы, рассказы, то, как одеваются женщины, всё возбуждает ваши мысли о сексе. Почему ум выстраивает всё это, почему ум вообще думает о сексе? Почему? Почему секс стал центральной проблемой в вашей жизни? В то время когда есть так много вещей, требующих вашего внимания, вы уделяете всё внимание мыслям о сексе. Что происходит, почему ваши умы столь заняты этим? Потому что это путь полного, крайнего, окончательного бегства – разве не так? Это способ полного самозабвения. В это время, по крайней мере в течение этого мгновения, вы можете забыть себя – и другого способа забыть самого себя нет. Всё остальное, что вы делаете в жизни, делает акцент на «я», на «само». Ваш бизнес, ваша религия, ваши боги, ваши лидеры, ваши политические и экономические действия, ваши уходы от действительности, бегства, ваши социальные поступки, ваши переходы из одной партии в другую – всё это подчёркивает и даёт силу «я». Так что есть только один акт, в котором нет никакого акцента на «я», поэтому это и становится проблемой, разве не так? Когда в вашей жизни есть только одна вещь, которая является средством к полному уходу, бегству, к полному забвению себя пусть лишь на несколько секунд, вы цепляетесь за это, потому что это – единственное мгновение, когда вы счастливы. Любая другая проблема, которой вы касаетесь, становится кошмаром, источником страдания и боли, поэтому вы цепляетесь за единственную вещь, которая даёт вам полное забвение, которое вы называете счастьем. Но когда вы прилеплены к этому, это также становится кошмаром, потому что тогда вы хотите быть свободным от этого, вы не хотите быть рабом этого. Тогда вы изобретаете, снова умом, идею целомудрия, безбрачия и пытаетесь оставаться безбрачным, быть целомудренными, через подавление себя, и всё это – действия ума, что бы отделить себя от факта. Этим снова делается специфический акцент на «я», которое пытается стать чем-то, чтобы снова поймать вас в сети мук, неприятностей, усилий, боли.

Секс становится чрезвычайно трудной и сложной проблемой, пока вы не поймёте ум, который думает об этой проблеме. Сам половой акт никогда не может быть проблемой, но мысль об этом акте создаёт проблему. Вы охраняете этот акт; вы живёте распущенно или даёте себе волю в браке, превращая тем самым свою жену в проститутку, и всё это кажется

вполне респектабельным, и вы этим удовлетворены настолько, что всё так и оставляете. Конечно, проблема может быть решена только тогда, когда вы поймёте весь процесс и структуру «я» и «моё»: моя жена, мой ребёнок, моя собственность, мой автомобиль, моё достижение, мой успех; пока вы не поймёте и не решите всё это, секс останется проблемой. Пока вы честолюбивы — в политике, в религии или в чём-либо другом, — пока вы выпячиваете своё «я», мыслящего, переживающего, навязывая ему честолю бивые устремления, подпитывая их, будь то во имя себя самого как индивида или во имя страны, партии или идеи, которую вы называете религией, — пока продолжается эта деятельностьэкспансии «само», «я», вы будете иметь сексуальную проблему. С одной стороны, вы создаёте, подпитываете, расширяетесебя, а с другой стороны, вы пытаетесь забыть себя, потерять себя хотя бы на мгновение. Как эти два подхода могут существовать вместе? Ваша жизнь — противоречие; упор на «я» и забвение «я». Секс не проблема; проблема в противоречии в вашей жизни; и это противоречие не может быть разрешено умом, потому что ум сам по себе — противоречие. Это противоречие может быть понято, только если вы понимаете полностью весь процесс вашего повседневного существования. Просмотр ки нофильмов и наблюдение за поведением женщин на экране, чтение книг, которые стимулируют эту мысль, просмотр журналов с картинками полуголых женщин, ваш способ смотреть на женщин, их ответные взгляды исподтишка, перехватывающие ваш взгляд, — все эти вещи поощряют ум окольными путями придать особое значение своему «я», и в это же самое время вы стараетесь быть добрым, любящим, нежным. Эти двое немогут идти вместе. Мужчина, который честолюбив, духовно или как-то иначе, никогда не будет без какой-либо проблемы, ведь проблемы прекращаются только когда своё «я» забыто, когда «я» не существует, и это состояние отсутствия «само» — не действие воли, не просто реакция. Секс становится реакцией; когда ум пытается решить проблему, он только ещё более запутывает проблему, делает её более мучительной, более болезненной. Акт не проблема, но ум — проблема, ум, который говорит, что он должен быть целомудренным. Целомудрие — не от ума. Ум может только подавлять свои собственные действия, а подавление — не целомудрие. Целомудрие — не добродетель, целомудрие нельзя культивировать. Человек, культивирующий смирение, конечно, не является скромным человеком; он может назвать свою гордость смирением, но он — гордый человек, и именно поэтому он стремится стать скромным.

Гордость никогда не может стать скромной, и целомудрие — не продукт ума, — вы не можете стать целомудренным. Вы будете знать целомудрие только тогда, когда есть любовь, а любовь — не от ума и не продукт ума.

Поэтому проблема секса, которая мучает так много людей во всём мире, не может быть решена, пока не понят ум. Мы не можем положить конец мышлению, но мысль приходит к концу, когда мыслящий исчезает, а мыслящий исчезает только когда есть понимание всего процесса. Страх приходит, когда присутствует разделение между мыслящим и его мыслью; когда мыслящего нет, только тогда нет никакого конфликта в мыслях. То, что безусловно, не требует никаких усилий для понимания. Мыслящий возникает через мысль; затем мыслящий проявляет себя, чтобы придавать форму своим мыслям, контролировать их или приводить их к концу. Мыслящий — это фиктивная сущность, иллюзия ума. Когда реализация мысли есть факт, тогда нет никакой необходимости думать о факте. Если имеет место простое, исключаящее выбор осознание, тогда то, что неявно включено в данный факт, начинает себя проявлять. Поэтому мысль как факт кончается. Тогда вы увидите, что проблемы, грызущие наши сердца и умы, проблемы нашей социальной структуры, могут быть разрешены. Тогда секс не рестаёт быть проблемой, он занимает своё надлежащее место, это ни нечто нечистое, ни нечто чистое. Секс занимает своё место; вот когда ум придаёт сексу доминирующее место, тогда он становится проблемой. Ум отдаёт сексу доминирующее место, потому что он не может жить без определённой доли счастья, и тогда секс становится проблемой; когда ум понимает весь свой процесс и потому выключается, то есть мышлениепрекращается, тогда есть творчество, и именно это творчество делает нас счастливыми. Находиться в этом

состоянии творчества – блаженство, потому что это самозабвение, в котором нет никакой реакции «я», «само». Это не абстрактный ответ на повседневную проблему секса – это единственный ответ. Ум отвергает любовь, а без любви нет целомудрия; и именно из-за того, что любви нет, вы делаете из секса проблему.

22. О любви

ВОПРОС: Что вы подразумеваете под любовью?

КРИШНАМУРТИ: Мы намереваемся раскрыть это через понимание того, чем любовь не является, потому что, поскольку любовь неизвестна, мы должны прийти к её пониманию, отбрасывая уже известное. Неизвестное не может быть обнаружено умом, который набит известным. Что мы собираемся делать – это выявить ценности этого известного, посмотреть на известное, а когда на что-то смотрят просто, без осуждения, ум становится свободным от знания, от известного; тогда мы узнаем, что такое любовь. Таким образом, мы должны подходить к любви от негативного – не от позитивного.

Что такое любовь для большинства из нас? Когда мы говорим, что любим кого-то – что мы имеем в виду? Мы подразумеваем, что мы обладаем этим человеком. От этого обладания возникает ревность, ведь если я потеряю его или её – что произойдёт? Я почувствую себя пустым, потерянным; поэтому я легализую своё обладание; я удерживаю его или её. Из владения, обладания этим человеком возникают ревность, страхи и все неисчислимы конфликты, которые возникают при владении чем-либо. Конечно, такое обладание – это не любовь, не так ли?

Очевидно, что любовь – это не сентиментальное чувство. Быть сентиментальным, быть эмоциональным – это не любовь, ведь сентиментальность и эмоции – это просто ощущения. Религиозный человек, который плачет об Иисусе или о Кришне, о своём гуру или о ком-то ещё, просто сентиментален, эмоционален. Он отдаётся ощущению, что является процессом мысли, а мысль – не любовь. Мысль есть результат ощущения, так что тот, кто сентиментален, кто эмоционален, не имеет возможности знать любовь. И несмотря на это – разве мы не эмоциональны, не сентиментальны? Сентиментальность, эмоциональность – просто форма экспансии «само», своего «я». Быть полным эмоций, несомненно – не любовь, ведь сентиментальный человек может быть жестоким, когда на его чувства не отвечают, когда его чувства не имеют выхода. Эмоциональный человек может быть доведён до ненависти, до войны, до кровавой бойни. Тот, кто сентиментален, кто полон слёз из-за своей религии, определённо не имеет любви.

Является ли прощение любовью? Что включено в прощение? Вы оскорбляете меня, и я обижаюсь на это, помню это; затем, или принудив себя, или через раскаяние, я говорю: «Я прощаю вас». Сначала я удерживаю, а потом я отбрасываю. Что это означает? Я – всё ещё центральная фигура. Я всё ещё важен, ведь именно я прощаю кого-то. Пока сохраняется установка на прощение, важен именно я, а не тот человек, который, предположительно, оскорбил меня. Поэтому, когда я накапливаю негодование, а затем отбрасываю его, что вы называете прощением, – это не любовь. Человек, который любит, очевидно, не испытывает никакой вражды и безразличен ко всем этим вещам. Симпатия, прощение, отношение обладания, ревность и страх – всё это не любовь. Все они – от ума, не так ли? Пока ум выступает арбитром, любви нет, поскольку ум выносит решение только как собственник, через обладание, и его арбитраж – просто стремление обладать в различных формах. Ум может только разрушить любовь, он не может способствовать рождению любви, он не может создать красоту. Вы можете написать поэму о любви, но это – не любовь.

Очевидно, что любви нет, когда нет подлинного уважения, когда вы не уважаете другого, будь то ваш слуга или ваш друг. Вы не замечали, что вы неуважительны, недоброжелательны, нещедры по отношению к вашим слугам, людям, которые, как говорится, стоят «ниже» вас? Вы уважаете тех, кто выше вас, своего босса, миллионера, человека с большим домом и высоким титулом, человека, который может предоставить вам

лучшее место, лучшую работу, – тех, от кого вы можете получить кое-что. Но вы пинаете тех, кто стоит ниже вас, и у вас для них особый язык. Поэтому там, где нет уважения, нет и любви; там, где нет милосердия, сострадания, великодушия, там нет любви. И поскольку большинство из нас находится именно в этом состоянии, у нас нет любви. Мы неуважительны, немилосердны, невеликодушны, нещедры. Мы собственники, мы заполнены сентиментальностью и эмоциями, которые могут быть направлены любым путём: убивать, участвовать в кровавой бойне или объединиться из-за какого-то глупого, невежественного намерения. Так как же здесь может быть любовь?

Вы можете познать любовь, только когда всё это остановлено, окончено, только когда вы не обладаете, когда вы не просто эмоциональны в своей увлечённости объектом. Такая увлечённость, поклонение, является мольбой о чём-то, стремлением к чему-то в иной форме. Человек, который молится, не знает любви. Раз в вас есть стремление обладать, раз вы нацелены на результат, через увлечённость, через мольбу, что делает вас сентиментальным, эмоциональным – любви, естественно, нет; очевидно, что нет любви и когда нет уважения. Вы можете сказать, что уважение у вас есть, но ваше уважение для превосходящего вас, это просто уважение, приходящее из желания чего-то, это уважение страха.

Если бы вы действительно чувствовали уважение, вы были бы почтительны к самому низкостоящему точно так же, как и к так называемому самому высокостоящему; раз у вас этого нет, нет и любви. Как мало среди нас великодушных, сострадающих, милосердных! Вы великодушны, когда это выгодно вам, вы милосердны, когда можете увидеть, что получите что-то взамен. Когда эти вещи исчезают, когда эти вещи не занимают ваш ум и когда всё, что исходит от ума, не заполняет ваше сердце, – тогда есть любовь; и любовь, одна, единственно она, может преобразовать нынешнее безумие и безрассудство в мире – не системы, не теории, левые или правые. Подлинно любите вы только тогда, когда вы не обладаете, когда вы независимы, нежадны, когда вы великодушны, уважительны, когда вы мило сердны и сострадательны, когда вы внимательны к вашей жене, вашим детям, вашему соседу, вашим несчастным слугам.

О любви невозможно думать, любовь невозможно культивировать, любовь невозможно практиковать. Практика любви, практика братства – всё ещё внутри поля ума, поэтому это не любовь. Только когда всё это остановлено, только тогда возникает любовь, тогда вы узнаете, что такое любить. Тогда любовь – не то, что измеряется, она вне количеств – одно только качество. Вы не говорите: «Я люблю весь мир», – но когда вы знаете, как любить одного, вы знаете, как любить всё. Поскольку мы не знаем, как любить одного, наша любовь к человечеству – фикция. Когда вы любите, нет ни одного, ни многих: есть только любовь. Только когда есть любовь, все наши проблемы могут быть разрешены, и тогда мы узнаем её блаженство и её счастье.

23. О смерти

ВОПРОС: Какое отношение имеет смерть к жизни?

КРИШНАМУРТИ: Есть ли разделение между жизнью и смертью? Почему мы рассматриваем смерть как нечто отдельное от жизни? Почему мы боимся смерти? И почему о смерти написана так много книг? Почему имеется эта граница между жизнью и смертью? И реально ли это разделение или оно просто произвольно, выдумка ума?

Когда мы говорим о жизни, мы считаем жизнь процессом непрерывным, продлением, в котором существует отождествление. Я и мой дом, я и моя жена, я и мой счёт в банке, я и мои переживания в прошлом – именно это мы подразумеваем под жизнью, не так ли? Жизнь есть процесс непрерывного продления в памяти, как сознательной, так и подсознательной, с её разными столкновениями, ссорами, борьбой, случаями, переживаниями и так далее. Всё это мы и называем жизнью; как противопоставление, противоположность этому – смерть, которая кладёт конец всему этому. Создав это противопоставление, а именно смерть, и страшая её, мы продолжаем искать взаимоотношения, связи между жизнью и смертью; если

мы можем закрыть этот разрыв каким-то объяснением, верой в продление, в будущую посмертную жизнь, мы удовлетворены. Мы верим в перевоплощение или в некоторую другую форму продления мысли, и затем мы пытаемся установить взаимоотношения между известным и неизвестным. Мы пытаемся соединить известное и неизвестное и тем самым пытаемся найти взаимоотношения между прошлым и будущим. Мы делаем именно это, не так ли, когда спрашиваем, есть ли какие-нибудь взаимоотношения между жизнью и смертью. Мы хотим знать, как соединить мостом жизнь и её окончание, – вот наше основное желание.

Теперь, можно ли окончание жизни, то есть смерть, познать ещё при жизни? Если бы мы могли знать, что такое смерть, будь дучи живыми, проблемы бы не было. Именно потому, что пока мы живы, мы не можем переживать на опыте это неизвестное, мы и боимся его. Наша борьба в том, чтобы установить взаимоотношения между нами, то есть результатом известного, и не известным, неизвестным, которое мы называем смертью. Могут ли существовать взаимоотношения между прошлым и чем-то, чего ум не может постичь, что мы называем смертью? Почему мы разделяем их? Не потому ли, что наш ум может действовать только внутри сферы известного, внутри сферы продлеваемого, непрерываемого? Человек знает себя только как того, кто мыслит, как того, кто действует с определённой памятью: страдания, удовольствия, любви, привязанностей, переживаний различного рода; человек знает себя только как нечто продолжающееся, продлевающееся, непрерывающееся – иначе он не имел бы воспоминаний о самом себе как о том, что он есть то-то и то-то. И когда это то-то и то-то приходит к концу, который мы называем смертью, возникает страх перед неизвестным; поэтому мы хотим затащить неизвестное в известное, и все наши усилия нацелены на то, чтобы дать продление неизвестному. Другими словами, мы не хотим знать жизнь, которая включает смерть, но мы хотим знать, как продлевать и не подходить к концу. Мы не хотим знать жизнь и смерть, мы только хотим знать, как продлевать без окончания.

То, что продлевается, лишено обновления. Не может быть ничего нового, не может быть ничего творческого в том, что имеет продолжение, в том, что продлеваемо – это достаточное очевидно. Только когда продолжение, продление закончено, есть возможность быть тому, что всегда ново. Но именно этого окончания мы и боимся, и мы не видим, что только в окончании могут быть обновление, творчество, неизведанность – не в перенесении из дня в день наших переживаний, наших воспоминаний и неудач. Только когда мы умираем каждый день ко всему, что есть старое, может быть новое. Новое не может быть там, где есть продолжение, продление – новое, будучи творчеством, неизведанностью, вечностью, Богом или чем хотите. Человек, продлевающаяся сущность, ищущая неизвестное, реальное, вечное, никогда не найдёт этого, потому что найти он может только то, что он проецирует из себя, а то, что он проецирует, реальностью не является. Только в окончании, в умирании, можно познать новое; и человек, который стремится выявить взаимоотношения между жизнью и смертью, соединить мостом продлеваемое с тем, что он считает за пределами, живёт в фиктивном, вымышленном, нереальном мире, который является проекцией его самого.

Так возможно ли, будучи живыми, умереть – что означает приводить к завершению, быть ничем? Возможно ли, живя в этом мире, где всё – становление всё большим и большим или становление всё меньшим и меньшим, где всё – процесс восхождения, достижения, продвижения шаг за шагом, возможно ли, в таком мире, познать смерть? Возможно ли завершить все воспоминания – не память фактов, дороги к своему дому и так далее, а внутреннюю привязанность посредством памяти к психологической безопасности, воспоминания, которые человек накопил, сохранил и в которых он ищет безопасность, счастье? Возможно ли положить конец всему этому – что означает умирание каждый день так, чтобы могло быть обновление завтра? Только тогда человек познаёт смерть, продолжая быть живым. Только в таком умирании, в таком подходе к завершению, приводящему к концу продолжение, продление, существует обновление – то творчество, котороеечно.

24. О времени

ВОПРОС: Может ли прошлое раствориться всё сразу, или для этого обязательно требуется время?

КРИШНАМУРТИ: Мы – результат прошлого. Наша мысль основана на вчерашнем дне и на многих тысячах вчерашних дней. Мы – результат времени, и наши отклики, реакции, наши нынешние позиции, отношения – это итог накоплений многих тысяч мгновений, событий и переживаний. Поэтому прошлое для большинства из нас является настоящим – и это факт, который нельзя отрицать. Вы, ваши мысли, ваши действия, ваши реакции – результат прошлого. Теперь задавший вопрос хочет знать, может ли это прошлое быть стёрто немедленно, что означает – не со временем, а именно немедленно; или же это накопленное прошлое требует времени для того, чтобы ум освободился в настоящем? Важно понять этот вопрос, который сводится к следующему: поскольку каждый из нас – результат прошлого, с фоном, основой бесчисленных влияний, постоянно варьирующихся, постоянно изменяющихся, то возможно ли стереть этот фон, основу, не проходя через процесс времени?

Что такое прошлое? Что мы подразумеваем под прошлым? Конечно, мы не имеем в виду хронологическое прошлое. Мы подразумеваем, безусловно, накопленные переживания, накопленные реакции, воспоминания, традиции, знания, подсознательное хранилище бесчисленных мыслей, чувств, влияний и откликов. С этой основой, фоном, невозможно понять реальность, ведь реальность должна быть неподвластна времени: она вечна, вне времени. Поэтому человек не может понять вечное, вневременное, умом, который является результатом времени. Задавший вопрос хочет знать, возможно ли освободить ум – или, чтобы ум, который является результатом времени, прекратил своё бытие мгновенно; или каждый должен пройти через длинный ряд исследований и анализов и таким путём освободить ум от его основы, фона, прошлого.

Ум и есть основа, фон; ум и есть результат времени; ум и есть прошлое, ум – не будущее. Он может проецировать себя в будущее, и ум использует настоящее как переход в будущее, поэтому он по-прежнему – что бы он ни делал, безотносительно своей активности, своей будущей активности, своей активности сейчас, своей прошлой активности – постоянно находится в сетях времени. Возможно ли, чтобы ум исчез полностью, чтобы процесс мысли пришёл к концу? Вполне очевидно, что ум имеет много слоёв; то, что мы называем сознанием, имеет много слоёв, и каждый слой связан с другими слоями, каждый слой зависит от другого, взаимозависит; всё наше сознание в целом – и не только переживая, но также и присваивая на звания, классифицируя и накапливая память. Это и есть весь процесс сознания в целом, не так ли?

Когда мы говорим о сознании, разве мы не подразумеваем – переживание, присваивание наименования или термина этому переживанию, чтобы тем самым отдавать это переживание в память для сохранения? Всё это на различных уровнях является сознанием. Может ли ум, который является результатом времени, пройти шаг за шагом через процесс анализа, чтобы освободить себя от фона, основы – или же, возможно ли быть полностью свободным от времени и смотреть на реальность прямо, напрямую?

Многие аналитики говорят: чтобы быть свободным от фона, основы, вы должны исследовать каждую реакцию, каждый комплекс, каждую помеху, каждую блокировку – что с очевидностью подразумевает процесс во времени. Это означает, что анализирующий должен понять то, что он анализирует, и он не должен превратно истолковывать то, что он анализирует. Если он неправильно истолкует то, что он анализирует, это приведёт его к неправильным выводам и тем самым создаст другой фон, основу. Анализирующий должен быть способен к анализу своих мыслей и чувств без малейшего отклонения; он не должен пропустить ни один шаг в своём анализе, потому что совершить неправильный шаг, сделать неправильный вывод – это значит заново создать фон по другой линии, на другом уровне. Возникает также и такая проблема: действительно ли анализирующий отличается от того, что он анализирует? Не являются ли анализирующий и то, что он анализирует, одним и тем

же?

Несомненно, переживающий и переживаемое – одно; они – не два отдельных процесса, поэтому прежде всего давайте посмотрим на трудности анализа. Почти невозможно анализировать всё содержание нашего сознания в целом и при этом быть свободным от этого процесса. В конце концов – кто этот анализирующий? Анализирующий не отличается от того, что он анализирует, – хотя он может думать, что он отличается. Он может отделять себя от того, что он анализирует, но анализирующий является частью того, что он анализирует. У меня мысль, у меня чувство – скажем, к примеру, я сердит, разгневан. Человек, который анализирует гнев, всё ещё часть гнева, так что анализирующий и анализируемое – это единое явление, они не являются двумя отдельными силами или процессами. Поэтому трудность самоанализа, раскрытия, просматривания себя страница за страницей, наблюдения за каждой реакцией, каждым откликом, является делом неисчислимо трудным и длительным. Поэтому это не может быть путём освобождения нас от фона, основы, не так ли? Должен быть намного более простой, более прямой путь – и это то, что вы и я собираемся выяснить. Чтобы выяснить, мы должны отбросить то, что ложно, а не держаться за него. Так что анализ – не путь и мы должны освободиться от процесса анализа.

Тогда – с чем вы остались? Вы же привыкли только анализировать, разве не так? Наблюдающий, наблюдая – наблюдающий и наблюдаемое, будучи единым феноменом – наблюдающий, пытаясь анализировать то, что он наблюдает, не освободит себя от своего фона, основы. Если это так, а это так и есть, вы отказываетесь от этого процесса, оставляете его, не так ли? Если вы видите, что это ложный путь, если вы понимаете не просто на словах, но фактически, что это ложный процесс, – что тогда происходит с вашим анализом? Вы прекращаете анализировать, разве не так? Тогда с чем вы остались? Понаблюдайте за этим, проследите это, и вы увидите, как быстро, сразу же, можно освободиться от фона, основы. Если это не путь, что ещё у вас осталось? Каково состояние ума, приученного анализировать, расследовать, заглядывать, расчленять, делать выводы и так далее? Если этот процесс остановлен, каково состояние вашего ума?

Вы говорите, что такой ум чист, пуст. Пройдём глубже в этот пустой, чистый ум. Другими словами, когда вы отбрасываете то, что известно как ложное, что происходит с вашим умом? В конце концов – что вы отбросили? Вы отвергли ложный процесс, который является результатом фона памяти. Разве не так? Одним ударом, на самом деле вы всё это отбросили. Поэтому ваш ум, когда вы отказываетесь от аналитического процесса со всеми его последствиями и видите это как ложное, освобождается от вчерашнего опыта и поэтому способен видеть напрямую, не проходя через процесс времени, и тем самым сразу же отбрасывая фон памяти.

Если выразить весь вопрос по-другому, мысль есть результат времени, не так ли? Мысль есть результат окружающей среды, социальных и религиозных влияний, которые все являются частью времени. Теперь вопрос, может ли мысль быть свободной от времени? То есть может ли остановиться и стать свободной от процесса времени мысль, которая является результатом времени? Мысль можно контролировать, её можно формулировать; но контроль над мыслью всё ещё остаётся в поле времени, и таким образом наша трудность в следующем: как может ум, который является результатом времени, многих тысяч вчера, мгновенно освободиться от этого сложного фона памяти? Вы можете быть свободны от этого, но не завтра, а в настоящем, в тепер и сейчас. Это может быть совершенно, только когда вы понимаете, что является ложным; а ложным с очевидностью является аналитический процесс, а это единственное, что мы имеем. Когда аналитический процесс полностью останавливается, останавливается не через принуждение, а через понимание неизбежной ложности этого процесса, тогда вы обнаружите, что ваш ум полностью отделён от прошлого – что подразумевает не то, что вы не признаёте прошлое, а то, что ваш ум не имеет никакой прямой общности с прошлым. Таким путём можно освободиться от прошлого немедленно, сейчас, и это разобщение от прошлого, эта полная свобода от вчера, не хронологического, а психологического, возможно; и это единственный способ понять

реальность.

Говоря очень простым языком: когда вы хотите что-то понять, в каком состоянии находится ваш ум? Когда вы хотите понять вашего ребёнка, когда вы хотите понять кого-то или что-то, что говорит кто-то, каково состояние вашего ума? Вы ведь не анализируете, не критикуете, не оцениваете, что говорит другой; вы слушаете, разве не так? Ваш ум находится в состоянии, когда процесс мышления не активен, но очень бдителен. Эта бдительность не зависит от времени, не так ли? Вы прос то бдительны, пассивно восприимчивы и одновременно пол ностью осознающий; только в этом состоянии имеет место понимание. Когда ум, буруемаый вопросами, волнуется, беспокоится, расчленяет проблему, анализирует – никакого понимания нет. А вот когда вы интенсивно пытаетесь что-то понять, ум с очевидностью спокоен. Вы, конечно, должны экспериментировать с этим, не верить мне на слово, но вы можете видеть, что чем больше вы анализируете, тем всё меньше вы понимаете. Вы можете понять определённые события, определённые впечатления, но всё содержание сознания не может быть освобождено путём аналитического процесса. Оно может быть освобождено только, когда вы видите ошибочность подхода путём анализа. Когда вы видите ложное как ложное, тогда вы начинаете видеть истину; и это та истина, которая должна освободить вас от фона памяти.

25. О действии, не основанном на идее

ВОПРОС: Чтобы открылась истина, вы отстаиваете действия без идеи. Но возможно ли действовать всегда без идеи, то есть не имея конкретной цели?

КРИШНАМУРТИ: Каковы наши действия в настоящее время? Что мы подразумеваем под действием? Наши действия – то, что мы хотим сделать, или то, какими хотим быть, – базируются на идее, не так ли? Это всё, что мы знаем; у нас есть идеи и идеалы, перспективы, различные формулировки относительно того, кто мы есть и кем мы не являемся. Основа наших действий – это или награда в будущем или страх наказания. Мы знаем это, не так ли? Такая деятельность изолирует, самоограничивает. У вас есть идея добродетели, и вы живёте согласно этой идее и дей ствуете соответственно. Отношения, коллективные или индивидуальные, являются для вас действием, которое нацелено на приближение к идеалу, к добродетели, к успеху и так далее.

Когда моё действие базируется на идеале, который является идеей типа: «Я должен быть храбрым», «Я должен следовать примеру», «Я должен быть милосердным», «Я должен быть социально сознательным» и так далее, – эта идея формирует мои действия, руководит моими действиями. Все мы говорим: «Есть пример добродетели, которому я должен следовать»; что означает: «Я должен жить согласно этому примеру». Таким образом, действие базируется на этой идее. Но между действием и идеей есть пропасть, разделение, есть процесс во времени. Это именно так, разве нет? Другими словами, я не являюсь милосердным, я не люблю, в моём сердце нет всепрощения, но я чувствую, что я должен быть милосердным. Так что есть разрыв между тем, кем я являюсь и кем я должен быть; и мы всё время пытаемся соединить этот разрыв. Это и есть наша деятельность, не так ли?

Теперь, что случилось бы, если бы идея не существовала? Одним ударом вы устранили бы этот разрыв, разве нет? Выбыли бы тем, кто вы есть. Вы говорите: «Я уродлив, я должен стать красивым; что я должен сделать?» – это действие, основанное на идее. Вы говорите: «Я не сострадаю другим, я должен сострадать им!» Так вы вводите идею, отделённую от действия. Поэтому никогда нет истинного действия того, кто вы есть, а всегда есть действие, основанное на идеале того, каким вы станете. Глупый человек всегда говорит, что он собирается стать умным. Он си дит, работая и пытаясь стать умным; он никогда не останавливается, он никогда не говорит: «Я глуп». Поэтому его действия, которые базируются на идее, это не действия вообще.

Действия подразумевают делание, движение. Но когда вы имеете идею, то действия – это просто продолжающаяся идеация, сознание идет, процесс мышления, продолжающийся

относительно действия. Если бы не было идеи, что случилось бы? Вы такой, каков есть. Вы немилосердны, вы неумолимы, вы жестоки, глупы, неосмотрительны. Можете ли вы смириться с этим? Если вы смиряетесь, смотрите, что происходит. Когда я признаю, что я немилосерден и глуп, что случается, когда я осознаю, что это так? Если нет милосердия, если нет интеллекта? Когда я признаю свою немилосердность полностью, не словесно, не искусственно, когда я понимаю, что я не милосерден и не люблю, в этом самом наблюдении того, что есть в действительности, разве нет любви? Разве я сразу не становлюсь милосердным? Если я вижу необходимость быть чистым, всё решается очень просто; я иду и моюсь. Но если то, что я должен быть чистым, это всего лишь идеал, что происходит в этом случае? Тогда чистота откладывается или наводится поверхностно.

Действие, основанное на идее, очень поверхностно, это не истинное действие вообще, это только идеация, которая является просто продолжающимся процессом мышления.

Действие, которое преобразует нас как людей, которое вы зывает регенерацию, искупление греха, трансформацию – называйте это как вам угодно, – такое действие не базируется на идее. Это действие не зависит от последующей награды или наказания. Такое действие вне времени, поскольку ум, который является процессом времени, процессом вычисления, разделения, процессом изоляции, не участвует в этом действии.

Этот вопрос решается не так легко. Большинство из вас ставят вопросы и ожидают ответ типа «да» или «нет». Легко задать вопрос вроде: «Что вы подразумеваете под..?», затем сесть и дать мне время объяснить его, но намного труднее узнать от вас самим, проникнуть в проблему так глубоко, так ясно и без какого-либо искажения, что проблема исчезает. Это может произойти только в случае, когда, столкнувшись с проблемой, ум действительно молчит. Проблема, если вы любите её, так же красива, как закат солнца. Если же вы настроены к проблеме антагонистически, вы никогда её не поймёте. Большинство из нас настроены к проблемам антагонистически, потому что мы страшимся результата, страшимся того, что может случиться, если мы пойдём дальше, так что мы теряем из виду значимость и приложения данной проблемы.

26. О старом и новом

ВОПРОС: Когда я слушаю вас, всё мне представляется ясным и новым. Но когда я возвращаюсь домой, во мне самоутверждается старое, тупое беспокойство. Что со мной не так?

КРИШНАМУРТИ: Что фактически имеет место в нашей жизни? Постоянно возникают вызовы и рождаются реакции. Таково существование, такова жизнь, не так ли? – это постоянные вызовы и ответы. Вызов всегда новый, а ответ всегда старый. Я встретил вас вчера, и вот вы приходите ко мне сегодня. Сегодня вы другой, вы изменились, вы модифицировались, вы новый; но я имею то представление о вас, каким вы были вчера. Поэтому я включаю новое в старое. Я не встречаю вас по-новому, заново, но я имею вчерашнюю картину вас, так что мой ответ на вызов всегда обусловлен. Здесь, в данный момент вы прекращаете быть брамином, христианином, представителем высокой касты или неважно кем, – вы забываете всё. Вы только слушаете, впитываете, пытаетесь познать. Когда вы возобновляете вашу повседневную жизнь, вы становитесь таким же, каким были раньше, – вы снова вернулись на свою работу, в свою касту, в свою систему, в своё семейство. Другими словами, новое всегда поглощается старым, старыми привычками, обычаями, идеями, традициями, воспоминаниями. Нового никогда нет, поскольку вы всегда сталкиваете новое со старым. Вызов нов, но вы сталкиваете его со старым. Проблема сводится к вопросу: как освободиться от старого, чтобы быть всё время новым. Когда вы видите цветок, когда вы видите чьё-то лицо, когда вы видите небо, дерево, улыбку, каким образом вы должны встретить это заново? Почему мы не способны встретить это заново? Почему дело обстоит так, что старое поглощает новое и изменяет его; почему новое исчезает, когда вы приходите домой?

Старый ответ рождается мыслящим. А разве мыслящий не стар всегда? Ведь поскольку ваша мысль основана на прошлом опыте, то когда вы встречаете новое, – это мыслящий, тот кто встречает это новое; вчерашние впечатления встречают это новое. Мыслящий всегда стар. Таким образом, мы возвращаемся к той же самой проблеме другим путём: как освободить ум от себя – мыслящего? Как стереть память, не фактическую память, а психологическую память, которая является накоплением впечатлений? Без свободы от осадка впечатлений не может быть никакого восприятия нового. Освободить мысль, быть свободным от процесса мышления и так встретить новое – это труднодоступное дело, не так ли? Потому что все наши верования, все наши традиции, все наши методы образования – это процесс имитации, копирования, запоминания, это создание резервуара памяти. Это память постоянно отвечает на новое; ответ этой памяти мы называем мышлением, и это мышление встречает новое. Так каким образом здесь может быть новое? Новизна может быть только тогда, когда нет никакого осадка памяти, а осадок остаётся, когда впечатления не доведены до совершенства, не завершены, не закончены; то есть когда понимание впечатлений неполно. Когда впечатления полны, нет никакого осадка – в этом красота жизни. Любовь – не оса док, любовь – не впечатления, это – состояние существования. Любовь вечно нова. Поэтому наша проблема в следующем: можем ли мы встречать новое постоянно, даже дома? Конечно, можем! Чтобы сделать это, нужно вызвать революцию в мыслях, в чувствах; вы можете быть свободны, только когда каждое событие продумывается от мгновения к мгновению, когда каждый ответ полностью понят, а не просто небрежно просмотрен и отброшен в сторону. Свобода от накопленной памяти наступает только тогда, когда каждая мысль, каждое ощущение завершены, продуманы до конца. Другими словами, когда каждая мысль и каждое ощущение продуманы, завершены, подведены к окончанию и возникает пространство между этим окончанием и следующей мыслью. В этом пространстве тишины и возникает обновление, возобновляется творческая активность.

Это не теоретизирование, не отрыв от практики. Если вы попытаетесь продумать каждую мысль и каждое чувство, вы обнаружите, что это является необычайно практичным для вашей повседневной жизни, только тогда вы новы, а то, что является новым, продолжается вечно. Быть новым – значит быть творчески активным, а быть творчески активным – значит быть счастливым; а счастливый человек не обеспокоен тем, богат он или беден, он не заботится о том, к какому уровню общества и к какой касте принадлежит или в какой стране живёт. Счастливый человек не имеет никаких лидеров, никаких богов, никаких храмов, никаких церквей и поэтому не ввязывается ни в какие ссоры, не испытывает вражды.

Конечно, это самый практичный способ разрешить наши трудности в этом нынешнем мире хаоса, не так ли? Именно потому, что мы не являемся творческими в том смысле, в котором я использую это слово, мы настолько антиобщественны на всех различных уровнях нашего сознания. Чтобы быть очень практичными и эффективными в наших социальных отношениях, в наших отношениях со всем окружающим, нужно быть счастливым; но не может быть счастья, если нет окончания, не может быть счастья, если есть постоянный процесс становления. Только окончание открывает путь к возобновлению, возрождению, новизне, свежести, радости.

Новое поглощается старым, и старое уничтожает новое, пока есть фон памяти, пока ум, мыслящий, обусловлен своей мыслью. Чтобы освободиться от этого фона, от обуславливания воздействиями, от памяти, – должна быть свобода от непрерывности. Непрерывность же продолжается, пока мысль и чувства не закончены полностью. Вы завершаете мысль, когда проследживаете мысль до её конца и таким образом кладёте конец каждой мысли, каждому ощущению. Любовь – это не привычка или намять; любовь всегда нова. Новое можно встретить только тогда, когда ум свеж; а ум не является свежим, пока в нём есть осадок памяти. Есть память фактов, и есть психологическая память. Я сейчас говорю не о памяти фактов, а о психологической. Пока опыт полностью не понят, есть осадок, который является старым, который является вчерашним, вещью из прошлого; это прошлое всегда поглощает новое и поэтому уничтожает новое. Только когда ум свободен от старого, он встречает всё

по-новому, заново – и в этом – есть радость.

27. О наименовании

ВОПРОС: Как можно осознать эмоцию, не назвав её или не присвоив ей ярлык? Если я осознаю какое-то чувство, я, как представляется, знаю, каково это чувство, почти сразу после того, как оно возникает. Или вы имеете в виду что-то другое, когда говорите: «Не присваивайте имени»?

КРИШНАМУРТИ: Почему мы всему присваиваем имена? Почему мы присваиваем ярлык цветку, человеку, чувству? Или для того чтобы сообщить о своих чувствах, чтобы описать цветок и так далее и так далее; или чтобы идентифицировать себя с этим чувством. Разве не так? Я называю нечто, какое-то чувство, чтобы сообщить о нём – «я сердит». Или же я идентифицирую себя с этим чувством, чтобы усилить его или ослабить, или же сделать по отношению к нему что-нибудь. Мы присваиваем имя чему-то, например бутону розы, чтобы сообщить это другим или же, давая розе имя, мы думаем, что мы поняли её. Мы говорим: «Это роза», бросаем быстрый взгляд на неё и продолжаем своё занятие. Давая цветку имя, мы думаем, что мы поняли его; мы классифицировали его и думаем, что таким образом мы поняли всё содержание и красоту этого цветка. Давая чему-то имя, мы просто помещаем это в некую категорию и думаем, что мы поняли это; мы не вглядываемся в это более пристально. Однако если мы не даём чему-то имени, то вынуждены вглядываться в это. Это значит, что мы подходим к цветку или к тому, чем бы это ни было, с ожиданием новизны, с желанием исследовать заново; мы рассматриваем это так, как если бы мы никогда это прежде не видели. Присвоение имён – очень удобный способ избавляться от вещей и людей; сказав, что они являются немцами, японцами, американцами, индусами, вы можете присвоить им любой ярлык и уничтожить этот ярлык. Но если вы не присваиваете людям ярлыки, то вы вынуждены вглядываться в них, и тогда намного труднее убить кого-то. Вы можете уничтожить ярлык с помощью бомбы и чувствовать, что совершили справедливое дело, но если вы не присваиваете ярлыки и должны поэтому вглядываться в отдельную вещь – будь то человек, цветок, событие или эмоция, – тогда вы вынуждены учитывать и вашу связь с этим, и ваши последующие действия. Таким образом, наименование или присвоение ярлыка – это очень удобный способ избавления от чего угодно, способ отрицания, осуждения или оправдания чего-то. Это одна сторона вопроса.

Каково ядро, из которого вы даёте имена, что это за центр, который всегда называет, выбирает, присваивает ярлыки? Ведь все мы чувствуем, что действительно имеется центр, ядро, не так ли, из которого мы действуем, из которого мы судим, из которого мы называем. Что же является этим центром, этим ядром? Некоторые хотели бы думать, что это духовная сущность, Бог, или что вам угодно. Так что давайте узнаем, чем же является это ядро, этот центр, который называет, классифицирует, оценивает. Несомненно, этим ядром является память, не так ли? Последовательность переживаний, отождествлённых и ограниченных – прошлое, передающее жизнь через настоящее. Это ядро, этот центр питает настоящее через название, наименование, присвоение ярлыков, запоминание.

По мере того как мы будем раскрывать это, мы вскоре увидим, что пока этот центр, это ядро существует, не может быть никакого понимания. Только после исчезновения этого ядра возникает понимание, потому что, в конце концов, это ядро есть память; память о различных переживаниях, которым присвоены имена, ярлыки, отождествления. С этими названными и маркированными переживаниями, в этом центре, как раз и происходит принятие и отклонение, и решение – быть или не быть – выносятся в соответствии с ощущениями, удовольствиями и болями памяти о переживаниях. Таким образом, этот центр есть слово. Если вы не называете этот центр, то разве центр есть? Точно так же, если вы не думаете в терминах слов, если вы не используете слова, разве вы можете думать? Мышление возникает через вербализацию; или же вербализация начинается в ответ на мышление. Центр, ядро, есть вербализованная память о неисчислимых переживаниях удовольствия и боли.

Понаблюдайте, пожалуйста, за собой, и вы увидите, что слова стали намного более важными, ярлыки стали намного более важными, чем сама жизнь; и мы живём словами.

Для нас слова «истина», «Бог» и подобные им стали очень важными – или по крайней мере важны чувства, которые эти слова представляют. Когда мы говорим «американец», «христианин», «индус» или слово «гнев» – мы являемся словом, представляющим это чувство. Но мы не знаем, каково это чувство, потому что важным стало само слово. Когда вы называете себя буддистом, христианином – что означает это слово, что является смыслом этого слова, которое вы никогда не исследовали? Наш центр, ядро, есть это слово, этот ярлык. Если сам ярлык не имеет значения, если значение имеет то, что скрывается за ярлыком, то вы способны исследовать, но если вы отождествляете себя с ярлыком и прилеплены к нему, вы не сможете пойти дальше. А ведь мы отождествлены с ярлыками: дом, форма, имя, мебель, счёт в банке, наши мнения, наши стимулы и так далее и так далее. Мы – все эти вещи, вещи, представляемые именами. Стали важными вещи, имена, ярлыки; и поэтому центром, ядром является слово.

Если нет никакого слова, никакого ярлыка, то нет и центра, не так ли? Есть распад, есть пустота – но не пустота страха, которая является совершенно другой вещью. Рождается ощущение, что вы ничто; потому, что вы удалили все ярлыки или, скорее, потому, что вы поняли, почему вы присваиваете ярлыки чувствам и идеям, и вы полностью обновлены, разве нет? Нет никакого центра, из которого вы действуете. Центр, который является словом, растворился. Ярлык убран, и где вы как центр? Вы есть, но произошло изменение. Это изменение немного пугает; поэтому вы не продолжаете то, что всё ещё вовлечено в это; вы уже начинаете составлять суждение, решать, нравится вам это или не нравится. Вы не продолжаете попытку понять то, что приходит к вам, вы уже выносите приговор, что означает, что в вас есть центр, из которого вы действуете. Поэтому вы останавливаетесь в тот момент, когда выносите суждение; важными становятся слова «нравится» и «не нравится». Но что случается, когда вы не присваиваете имени? Вы вглядываетесь в эмоцию, в ощущение более пристально и поэтому имеете совершенно иное отношение к этому, точно так же как вы по-новому относитесь к цветку, когда вы не называете его. Вы вынуждены смотреть на него по-новому. Когда вы не называете группу людей, вы вынуждены вглядываться в лицо каждого индивидуума и не рассматривать их всех как безликую массу. Поэтому вы намного более бдительны, намного более наблюдательны, больше понимаете; вы испытываете более глубокое чувство сострадания, любви; но если вы рассматриваете всех этих людей как массу, всё кончено.

Если вы не присваиваете ярлыков, то должны рассмотреть каждое чувство, когда оно возникает. Когда вы присваиваете ярлыки, разве чувство отличается от ярлыка? Или это ярлык пробуждает чувство? Пожалуйста, обдумайте это. Когда мы присваиваем ярлыки, большинство из нас усиливают свои чувства. Чувство и придание ему имени происходят мгновенно и одновременно. Если бы между обозначением и чувством существовал разрыв, интервал, вы могли бы узнать, что чувство отличается от своего обозначения, и тогда вы были бы способны иметь дело с чувством, не называя его.

Проблема в том – не так ли? – как быть свободным от чувства, которое мы называем – такого как гнев? Не как поработить, возвысить, подавить его – всё это так нелепо и незрело, – а как действительно быть свободным от этого чувства? Чтобы быть действительно свободным от чувства, мы должны обнаружить, не является ли слово более важным, чем само чувство. Слово «гнев» имеет большее значение, чем само это чувство. Чтобы действительно узнать, что важнее, должен быть разрыв между чувством и его обозначением. Это одна часть проблемы.

Если я не называю чувство, то есть если мысль не функционирует просто из-за слов или если я не думаю в терминах слов, образов или символов, а ведь большинство из нас думает именно в этих терминах, – что происходит тогда? Несомненно, ум тогда не является наблюдателем. Когда ум не думает в терминах слов, символов, образов, то мыслящий не отделён от мысли, которая является словом. Тогда ум спокоен – не так ли? – он не сделан

спокойным, он является спокойным. Когда ум действительно спокоен, тогда с чувствами, которые возникают, можно иметь дело напрямую. Только когда мы даём чувствам имена и тем самым усиливаем их, только тогда чувства обретают длительность, продление; они сохраняются в центре, из которого мы потом присваиваем ярлыки или чтобы усилить эти чувства, или чтобы сообщать о них.

Когда ум более не является центром, что имеет место в случае, когда мыслящий состоит из слов, из прошлых переживаний, – которые все являются воспоминаниями, ярлыками, за пасёнными и расставленными по ячейкам категориями, – когда не делается ни одной из этих вещей, тогда с очевидностью ум спокоен. Он более не связан, он более не имеет центра, опре делимого как «моё» – мой дом, моё достижение, моя работа, – которые всё ещё остаются словами, стимулируя чувства и таким образом укрепляя память. Когда ум не совершает ни одной из этих вещей, ум очень спокоен. Это состояние не является отрицанием. Напротив, чтобы прийти в эту точку, вы должны пройти всё это, и это огромное свершение; это не просто запоминание нескольких наборов слов и их повторение, подоб но школьнику – «не называть», «не называть». Чтобы пройти через все эти сложности, чтобы испытать это, чтобы видеть, как работает ум, и таким образом прибыть в ту точку, когда вы больше не даёте имён, что означает, что центр более не отде лён от мысли, – несомненно, весь этот процесс и есть реальная медитация.

Когда ум действительно спокоен, тогда есть возможность, чтобы возникло неизмеримое. Любой другой процесс, любой другой поиск действительности – просто проекция «я», самоделка и потому нереальна. Но этот процесс очень труден, и это означает, что ум должен постоянно знать обо всём, что происходит внутри него. Чтобы прибыть в эту точку, нельзя выносить никакого суждения или оправдания с начала и до конца – нельзя считать, что вот это конец. Конца нет, ведь наличествует нечто необычайное, всё ещё продолжающееся. Это не обещание. Это говорится для вас, чтобы вы поэкспериментировали, вошли в себя глубже, глубже и глубже, так, чтобы всё множество слоёв центра растворялось и вы могли бы делать это быстрее или медленнее. Необычайно интересно наблюдать за процессом ума, как он зависит от слов, как слова стимулируют память или реанимируют мёртвые переживания опыта и дают им жизнь. Именно в этом процессе ум живёт или в будущем, или в прошлом. Поэтому слова имеют огромное значение и в неврологическом, и в психологическом отношении. И, пожалуйста, не пытайтесь выучить всё это по моим словам или из книг. Вы не можете изучить это по опыту другого человека или найти это в книге. То, что вы изучаете или находите в книгах, не будет реальностью. Но вы можете испытать это, вы можете наблюдать себя в действии, видеть себя размышляющим, наблюдать за тем, как вы думаете, как быстро вы называете чувство, как только оно возникает, и наблюдение за всем процессом освобождает ум от его центра. Тогда ум, будучи спокойным, может получить то, что является вечным.

28. Об известном и неведомом

ВОПРОС: Наш ум знает только известное. Что в нас есть такое, что побуждает нас искать неведомое, реальность, Бога?

КРИШНАМУРТИ: Стремится ли наш ум к неведомому? Есть ли в нас страстное стремление к неведомому, к реальности, к Богу? Подумайте, пожалуйста, над этим серьёзно. Это не риторический вопрос – давайте действительно выясним. Существует ли внутреннее стремление в каждом из нас найти неведомое? Есть оно? Как вы можете найти неведомое? Если вы не знаете его, как вы можете его найти? Есть ли в нас стремление к реальности, или это просто желание – для знания, для расширения? Вы понимаете, что я имею в виду? Я знаю множество вещей; они не принесли мне счастья, удовлетворения, радости. Поэтому теперь я хочу чего-нибудь ещё, что даст мне большую радость, большее счастье, большую жизнеспособность – что хотите. Может ли известное, то есть мой ум – ведь мой ум и есть известное, результат прошлого, – может ли этот ум искать неведомое? Если я не знаю

реальность, неведомое, как я могу это искать? Несомненно – оно само должно прийти, я не могу пойти за ним. Если я иду за ним, я иду за чем-то, что является известным, спроецированным самим же мною.

Наша проблема не в том, что в нас есть такое, что заставляет нас искать неведомое, – это достаточно ясно. То наше собственное желание быть более защищёнными, более долгоживущими, более устроенными, более счастливыми, убежать от суматохи, от боли, от замешательства. Это и есть наш очевидный стимул, сила побуждения. Когда есть такой сильный стимул, такое устремление, вы найдёте чудодейственный способ бегства, изумительное убежище – в Будде, в Христе или в политических лозунгах и всём таком прочем. Это не реальность; это не непостижимое, неведомое. Поэтому стремление к неведомому должно прийти к концу, поиск неведомого должен остановиться; это означает, что должно возникнуть понимание совокупного известного, накопленного знания, что и является умом. Ум должен понять себя как известное, ведь это всё, что он знает. Вы не можете думать о чём-то, чего вы не знаете. Вы можете думать только о том, что вы знаете.

Наша трудность в том, чтобы ум не продолжал действовать в известном; это может произойти, только когда ум понимает себя и то, что все его движения – из прошлого, проецирующего себя через настоящее в будущее. Это одно непрерывное движение известного; может ли это движение прийти к концу? Это может окончиться только тогда, когда механизм его собственного процесса понят, только когда ум понимает себя и свою работу, свои пути, свои цели, свои стремления, свои требования – не только поверхностные требования, но и глубокие внутренние убеждения и мотивы. Это весьма трудная задача. То, что вы намереваетесь выяснять, – не то, что простое посещение собрания или лекции или чтение книги. Напротив, это требует постоянной наблюдательности, слежения, постоянного осознания каждого движения мысли – не только когда вы бодрствуете, но и когда вы спите. Это должен быть единый, целостный процесс, не спорадический, частичный процесс.

Также и намерение должно быть правильным. То есть следует отбросить суеверное мнение, будто внутренне все мы устремлены к неведомому. Это иллюзия – думать, что все мы ищем Бога: мы не ищем. Нам не следует искать свет. Свет будет, когда нет темноты, и посредством темноты мы не можем найти свет. Всё, что мы можем сделать, – устранить те препятствия, что создают темноту, и устранение зависит от намерения. Если вы устраняете их для того, чтобы видеть свет, то вы не устраняете ничего, вы лишь заменяете темноту словом «свет». Даже смотреть за пределы темноты является бегством от темноты.

Нам следует рассматривать не «что есть то, что побуждает нас?», а – почему в нас такое смятение, замешательство, такая сумятица, беспорядок, такой раздор, борьба и антагонизм – все глупости нашего существования. Только когда их нет, тогда есть свет, мы не должны искать его. Когда глупость ушла – присутствует разум. Но человек, который глуп и пытается стать разумным, – по-прежнему глуп. Глупость никогда не может сделаться мудростью; только когда глупость прекращается – присутствует мудрость, разум. Человек, который является глупым и пытается стать разумным, мудрым, очевидно, никогда не сможет быть таким. Чтобы узнать, что такое глупость, человек должен войти в неё, не поверхностно, полностью, всецело, глубоко, проникновенно, мудро; человек должен войти во все различные слои глупости, и в прекращении этой глупости присутствует мудрость.

Поэтому важно выяснять, не «существует ли нечто большее, нечто более великое, чем знание, известное, что побуждает нас стремиться к неведомому», а увидеть, что в нас есть такое, что создаёт беспорядок, путаницу, войны, классовые различия, снобизм, погоню за славой, накопление знания, бегство с помощью музыки, с помощью искусства, бегство столь многими различными путями. Несомненно, это важно – видеть их, какие они есть, и обратиться к самим себе, какие мы есть. Отсюда мы можем продвигаться дальше. Тогда отбрасывать известное сравнительно легко. Когда ум тих, когда он больше не проецирует себя в будущее, желая чего-то; когда ум действительно спокоен, глубоко умиротворён, тогда неведомое обретает бытие. Вы не должны искать его. Вы не можете пригласить его. Вы можете пригласить только то, что вы знаете. Вы не можете пригласить неведомого гостя. Вы

можете пригласить только того, кого вы знаете. Но вы не знаете неведомое, Бога, реальность или как хотите. Оно должно прийти. Оно может прийти, только когда поле в порядке, когда почва возделана, но если вы вспахиваете для того, чтобы оно пришло, – оно не будет у вас.

Наша проблема не в том, как искать непознаваемое, а в том, чтобы понять накапливающие процессы ума, который всегда – известное. Это трудная задача: это требует постоянного внимания, постоянного осознания, в котором отвлечение, отождествление, осуждение не имеют никакого значения; это – быть с тем, что есть. Только тогда ум может быть тихим. Никакое количество медитаций, дисциплины, не может сделать ум тихим – в подлинном смысле этого слова. Только когда ветер стихает, озеро становится спокойным. Вы не можете сделать озеро спокойным. Наша работа не в том, чтобы преследовать непостижимое, а в том, чтобы понять беспорядок, сумятицу, страдание в нас самих; и тогда это нечто таинственным образом обретает бытие, в котором – радость.

29. Истина и ложь

ВОПРОС: Каким образом истина, как вы говорили, будучи повторенной, становится ложью? Что такое на самом деле ложь? Почему это плохо – лгать? Не является ли это глубокой и тонкой проблемой на всех уровнях нашего существования?

КРИШНАМУРТИ: Здесь два вопроса, так давайте исследуем первый, а именно: когда истина повторена, как она становится ложью? Чем является то, что мы повторяем? Можете ли вы повторить понимание? Я понял что-то. Могу я повторить это? Я могу облечь в слова это, я могу сообщить об этом, но само переживание, несомненно – не то, что повторяемо? Мы пойманы сетью слова и упускаем значение переживания. Если у вас было переживание, можете ли вы повторить его? Вы можете хотеть повторить его, у вас может быть желание его повторения, его ощущения, но раз у вас было переживание, оно завершено, оно не может быть повторено. Что может быть повторено – это ощущение и соответствующее слово, которое даёт жизнь это му ощущению. Поскольку, к сожалению, большинство из нас пропагандисты, мы в ловушке повторения слов. Так мы живём словами – и истина не подпускается.

Возьмите, например, чувство любви. Вы можете повторить его? Когда вы слышите слова «возлюби ближнего своего» – для вас это истина? Это истина, только когда вы действительно любите своего соседа; и эта любовь не может быть повторена – повторяется только слово. Тем не менее большинство из нас счастливы, довольны – с этим повторением «возлюби ближнего своего» или «не будьте жадными». Так что истина другого, или действительное переживания, которое вы имели, просто через повторение, не становится реальностью. Напротив, повторение не подпускает реальность, препятствует ей. Просто повторение неких идей – не реальность.

Трудность здесь – понять вопрос, не думая в терминах противоположности. Ложь – не что-то противоположное истине. Человек может видеть истину того, что говорится – не в противоположности или в сравнении, как ложь или истину; но просто видеть, что большинство из нас повторяют без понимания. Например, мы обсудили присвоение и не присвоение имени некоему чувству или чему-то другому. Уверен, многие из вас будут повторять это, думая, что это «истина». Вы никогда не повторите переживание, если это непосредственное переживание. Вы можете сообщить о нём, но когда это реальное переживание и ощущения, связанные с ним, ушли, эмоциональное содержание слов полностью рассеялось.

Возьмите, например, идею, что мыслитель и мысль – одно. Это может быть истиной для вас, потому что вы напрямую пережили это. Если я повторяю это, тогда это уже не будет истинным, не так ли? – истинным, не как противопоставление ложному, прошу вас. Это не было бы действительным, это было бы просто повторением и потому не имело бы никакого значения. Видите ли, повторением мы создаём догму, мы строим церковь – и в этом находим убежище. Слово и не истина – по лучается «истина». Слово – не вещь. Для нас же вещь –

слово, и именно поэтому человек должен быть предельно осторожен, чтобы не повторять что-либо, чего он на самом деле не понимает. Если вы поняли что-то, вы можете сообщить об этом, но слова и память уже утратили своё эмоциональное значение. Поэтому если человек понимает это, то в обычном разговоре, беседе его обзор обсуждаемого, его словарь, подбор слов – изменяются.

Поскольку мы ищем истину путём самопознания, а не просто пропагандисты, важно это понять. Путём повторения человек гипнотизирует себя словами или ощущениями. Человек оказывается пойманным в сеть иллюзий. Чтобы быть свободным от этого, надо обязательно переживать напрямую, а чтобы переживать напрямую, нужно осознавать себя в процессе повторения, привычек или же слов, ощущений. Это осознание даёт человеку необычайную свободу, поэтому возможно обновление, постоянное переживание, новизна.

Другой вопрос: «Что такое на самом деле ложь? Почему это плохо – лгать? Не является ли это глубокой и тонкой проблемой на всех уровнях нашего существования?»

Что такое ложь? Противоречие – не так ли? – противоречие «само», нашего «я». Можно противоречить сознательно или подсознательно; можно преднамеренно или неосознанно; противоречие может быть или очень-очень тонким, или очевидным. Когда расхождение в противоречии очень велико, тогда либо человек теряет душевное равновесие, либо осознаёт это расхождение и старается исправить его.

Чтобы понять эту проблему – что такое ложь и почему мы лжём, – надо вникнуть в неё без размышления в терминах противоположности. Можем ли мы взглянуть на эту проблему противоречия в нас самих, не пытаясь не быть противоречивыми? Наше трудность в исследовании этого вопроса – не так ли? – в том, что мы слишком охотно осуждаем ложь, – но, чтобы понять её, можем ли мы думать о ней не в терминах истины и лжи, а в ракурсе – что такое противоречие? Почему мы противоречим? Почему существует противоречие в нас самих? Не из-за попытки ли жить согласно стандарту, согласно шаблону, образцу – постоянное приближение себя к образцу, постоянное усилие быть чем-то, либо в глазах другого, либо в наших собственных глазах? Есть желание – разве не так? – соответствовать образцу, подчиняться шаблону; когда человек не живёт согласно этому образцу, имеет место противоречие.

Теперь, почему мы имеем образец, стандарт, приближение, идею, которым мы пытаемся соответствовать? Почему? Вполне очевидно – чтобы быть в безопасности, быть невредимыми, быть популярными, иметь о себе хорошее мнение и так далее. Здесь семя противоречия. Пока мы приближаем себя к чему-то, пытаемся быть кем-то, должно присутствовать противоречие; следовательно, должно быть и это расхождение между ложным и истинным. Думаю, это важно, если вы спокойно вникнете в это. Не то, что ложного и истинного нет; но почему про тиворечие – в нас самих? Не потому ли, что мы пытаемся быть кем-то – быть благородными, быть хорошими, быть добродетельными, быть творческими, быть счастливыми и так далее? В самом желании быть кем-то есть противоречие – не быть кем-то ещё. Именно это противоречие и есть то, что столь разрушительно. Если человек способен на полное отождествление с чем-то, с этим или с тем, тогда противоречие прекращается; когда мы отождествляем себя полностью с чем-то, имеет место отгораживание себя нашим «я», налицо сопротивление, что создаёт неуравновешенность – вполне очевидная вещь.

Почему в нас существует противоречие? Я сделал что-то, и я не хочу, чтобы это было раскрыто; я придумал нечто, что не соответствует должному уровню, это ставит меня в состояние противоречия, и мне это не нравится. Где есть приближение, к приблизительному соответствию, должно быть и опасение, страх, а этот страх и есть то, что противоречит. И наоборот, если нет «становления», нет попытки быть кем-то или чем-то, то нет и чувства страха; нет никакого противоречия; в нас нет никакой лжи ни на каком уровне, сознательном или подсознательном – ничего, что должно быть подавлено, ничего, что должно быть разоблачено или выставлено напоказ. Поскольку большая часть наших жизней – это результат настроений и поз, зависящих от наших настроений, мы принимаем позы, делаем

вид – что является противоречием. Когда настроение исчезает, мы такие, какие мы и есть па самом деле. По-настоящему важно именно это противоречие, а не то, говорите ли вы вежливую безобидную ложь или нет. Пока существует это противоречие, должно быть и поверхностное существование, и, следовательно, поверхностные страхи, которые должны охраняться, – за тем безобидная ложь, – вы знаете, всё остальное, что за этим следует. Давайте посмотрим на этот вопрос, не спрашивая, что является ложью и что истиной, но без этих противоположностей вникнем в проблему противоречия в нас самих – что чрезвычайно трудно, ведь из-за того, что мы так сильно зависим от ощущений, большая часть наших жизней является противоречием. Мы зависим от воспоминаний, от мнений; у нас так много опасений, страхов, которые мы хотим скрыть, – всё это создаёт противоречие в нас самих; когда такое противоречие становится непереносимым, человек теряет голову. Каждый хочет мира, но всё, что каждый делает, ведёт к войне, не только в семье, но и вне неё. Вместо того чтобы понять, что именно создаёт конфликт, мы только пытаемся стать всё более и более то чем-то од ним, то чем-то другим, противоположным, тем самым создавая ещё большее разделение.

Можно ли понять, почему существует противоречие в нас самих – не только поверхностно, но и намного более глубоко, психологически? Прежде всего осознаёт ли человек, что живёт жизнью, полной противоречий? Мы хотим мира, и мы – националисты; мы хотим избежать социальных бедствий, нищеты, и всё же каждый из нас индивидуалист, ограничен, замыкается в своём «я». Мы постоянно живём в противоречии. Почему? Не потому ли, что мы – рабы ощущений? Это нельзя отклонять или принимать. Это требует очень большого понимания всего, что включено в ощущения, которые являются желаниями. Мы хотим так много всего, и каждое в этом противоречит другому. У нас так много конфликтующих масок; мы надеваем одну из них, когда это удовлетворяет нас, и сбрасываем её, когда что-то другое оказывается ещё более выгодным, даёт ещё больше удо вольствия. Именно это состояние противоречия и создаёт ложь. В противоположность этому – мы создаём «истину». Но опре делённо, истина – не противоположность лжи. То, что имеет противоположность – не истина. Противоположность содержит свою собственную противоположность, поэтому она – не истина, и чтобы понять эту проблему очень глубоко, нужно осознавать все противоречия, в которых мы живём. Когда я говорю: «Я люблю тебя», с этим идут ревность, зависть, беспокойство, страх – что является противоречием. Должно быть понято именно это противоречие, а его можно понять только тогда, когда человек осознаёт его, осознаёт без всякого осуждения или оправдания – просто глядя на него. Чтобы смотреть на него пассивно, человек должен понять все процессы оправдания и осуждения.

Это нелегко – смотреть пассивно на что-либо; но в понима нии этого человек начинает понимать весь процесс движения своих чувств и мыслей. Когда человек осознаёт всю полноту значения противоречия в себе самом, это приносит необычайное изменение: вы становитесь самим собой – не кем-то, кем вы пытаетесь быть. Вы больше не следуете идеалу, не ищете счастья. Вы – то, что вы есть, и отсюда вы можете продолжать продвигаться. Тогда нет никакой возможности быть противоречию.

30. О боге

ВОПРОС: Вы познали реальность. Можете ли вы сказать нам, Бог – это что?

КРИШНАМУРТИ: Как вы можете знать, что я познал? Чтобы знать, что я познал, вы также должны были это познать. Это не просто умный ответ. Чтобы знать что-либо, вы должны были быть в этом. Вы должны были сами также пережить это, и поэтому сказанное вами, что я познал, по-видимому, не имеет значения. Что оттого – познал я или не познал? Что то, что говорится мною – истина? Да будь я и самым совершенным человеческим существом – если то, что я говорю, не истинно, почему вы вообще должны слушать меня? Несомненно, моё познание не имеет никакого отношения к тому, что я гово рю, и человек, который поклоняется другому из-за того, что другой познал, поклоняется на самом деле

авторитету, и потому он никогда не найдёт истину. Понимать, что было познано, и знать того, кто познал, вообще не важно, не так ли?

Мне известно, вся традиция говорит: «Будь с человеком, который познал». Как вы можете знать, что он познал? Всё, что вы можете сделать, – общаться с ним, и даже это чрезвычайно трудно в наше время. Очень немного хороших людей, в подлинном смысле этого слова – людей, которые не ищут что-то, которые не гонятся за чем-то. Те, кто ищет что-то или гонится за чем-то, – эксплуататоры, и поэтому очень трудно кому-либо найти товарища по любви.

Мы идеализируем тех, кто познал, и надеемся, что они дадут нам что-то, – это ложные взаимоотношения. Как может человек, который познал, сообщить, передать, если нет любви? В этом наша трудность. Во всех наших обсуждениях мы на самом деле не любим друг друга; мы недоверчивы, подозреваем. Вы хотите чего-то от меня, знаний, реализации или вы хотите общаться со мной – всё это указывает на то, что вы не любите. Вы хотите чего-то и поэтому вы готовы эксплуатировать. Если мы действительно любим друг друга, будет мгновенная связь. Тогда не имеет значения, что вы узнали, а я нет или высокое вы или низкое. С тех пор как наши сердца иссохли, очерствели, Бог стал ужасно важен. То есть вы хотите знать Бога, потому что песня в вашем сердце умолкла, и вы гонитесь за певцом и просите его, не может ли он научить вас петь. Он может научить вас технике, но техника не приведёт вас к творчеству. Вы не можете быть музыкантом, просто зная, как петь. Вы можете знать все движения танца, но если в вашем сердце нет творчества, вы будете функционировать как механизм. Вы не можете любить, если ваша цель – просто достичь результата. Нет такой вещи как идеал, поскольку это просто достижение. Красота – не достижение, это реальность, сейчас, не завтра. Если есть любовь, вы поймёте неведомое, вы будете знать, что такое Бог, и не надо никого, кто говорил бы вам, – и в этом красота любви. Она – вечность сама по себе. Так как любви нет, мы хотим, чтобы кто-то другой, или Бог, дал это нам. Если бы мы действительно любили, знаете ли вы, насколько другим был бы этот мир? Мы были бы по-настоящему счастливыми людьми. Поэтому мы не стали бы облачать наше счастье в вещи, в имя, в идеалы. Мы были бы счастливыми, и потому вещи, люди и идеалы не возвышались бы над нашими жизнями. Это всё вторичные вещи. Оттого, что мы не любим, и оттого, что мы несчастливы, мы делаем ставку на вещи, думая, что они принесут нам счастье, и одна из вещей, в которые мы вкладываем, – Бог.

Вы хотите, чтобы я сказал вам, какова реальность. Может ли неопишное быть помещённым в слова? Можете ли вы измерить что-то неизмеримое? Можете ли вы поймать своей рукой ветер? Если поймали – ветер ли это? Если вы измеряете то, что неизмеримо, – подлинно ли это? Если вы формулируете это – истинно ли это? Конечно, нет, ведь в момент, когда вы описываете то, что неопишимо, оно перестаёт быть реальным. В момент, когда вы переводите непостижимое в известное, оно перестаёт быть непостижимым. Однако мы страстно желаем именно этого. Всё время мы хотим знать, потому что тогда мы будем способны продолжать, продлевать, затем мы будем способны, мы полагаем, поймать максимальное счастье, постоянство, прочную неизменность. Мы хотим знать, потому что мы несчастливы, потому что мы ведём мучительную борьбу, потому что мы изнурены, истощены, деградируем. Однако вместо осознания этого простого факта – что мы являемся деградирующими, что мы отупевшие, ослабленные, запутавшиеся, – мы хотим уйти от того, что известно, в неведомое, что снова становится известным, и потому мы никогда не можем найти реальное.

Поэтому, вместо того чтобы спрашивать, кто познал или что такое Бог, почему бы не отдать всё ваше внимание и сознание тому, что есть? Тогда-то вы и найдёте неведомое или, скорее, оно придёт к вам.

Если вы поймёте, что представляет собой известное, вы испытаете ту необычайную тишину, которая не создана, не навязана, испытаете ту творческую пустоту, единственно в которую и может войти реальность. Она не может прийти к тому, кто становится, кто борется; она может прийти только к тому, кто наличествует, кто понимает то, что есть. Тогда

вы увидите, что реальность – не на расстоянии; не ведомое – не где-то далеко; оно в том, что есть. Как ответ на проблему – в самой проблеме, так и реальность – в том, что есть; если мы сможем понять это, мы познаем истину.

Крайне трудно быть сознающим отупение, быть сознающим жадность, быть сознающим недоброжелательность, честолюбие и так далее. Сам факт присутствия осознания того, что есть, – истина. Истина и есть то, что освобождает, не ваше стремление быть свободным. Так что реальность – не далеко, но мы помещаем её заведомо далеко, поскольку мы пытаемся использовать её как средство для продления «само», нашего «я». Она здесь, сейчас, в мгновенном. Вечное или вневременное, лишённое времени – сейчас, но это сейчас не может быть понято человеком, который пойман сетью времени. Чтобы освободить мысль от времени, требуется действие, но ум ленив, он инертен и потому всегда создаёт другие преграды. Возможно только это является правильной медитацией, что означает полное, завершённое действие, не продолжающееся действие, и полное, завершённое действие может быть понято, когда ум постигает процесс продления, придания длительности, который является памятью – не памятью фактов, а психологической памятью. Пока память действует, ум не может понять то, что есть. Но человеческий ум, всё человеческое существо, становится необычайно творческим, пассивно бдительным, когда человек понимает значение окончания, завершения, ведь в завершении присутствует обновление, тогда как в продолжении, в продлении присутствует смерть, присутствует распад.

31. О немедленном осознании

ВОПРОС: Можем ли мы сразу осознать истину, о которой вы говорите, без какой-либо предварительной подготовки?

КРИШНАМУРТИ: Что вы подразумеваете под истиной? Давайте не будем использовать слово, значения которого мы не знаем; мы можем использовать более простое слово, более-прямое слово. Можете ли вы понять, можете ли вы постичь проблему напрямую, непосредственно? Это имелось в виду, не так ли? Можете ли вы понять то, что есть, немедленно, сейчас? В понимании того, что есть, вы поймёте значение истины; но говорить, что человек должен понять истину, имеет очень небольшое значение. Можете ли вы понять проблему напрямую, полностью, и быть свободным от неё? Это-то и подразумевается в этом вопросе, не так ли? Можете ли вы понять кризис, вызов, сразу, увидеть всё его значение и быть свободным от него? То, что вы понимаете, не оставляет следа; поэтому понимание или истина – освободитель. Можете ли вы сейчас освободиться от проблемы, от вызова? Жизнь – ряд вызовов и ответов, реакций, не так ли? – и если ваш ответ на вызов обусловлен, ограничен, неполон, то этот вызов оставляет свой след, свой осадок, который впоследствии усиливается другим новым вызовом. Так что имеется постоянная остаточная память, накопления, шрамы, и со всеми этими шрамами вы пытаетесь встретить новое, и потому вы никогда не встречаете это новое. Поэтому вы никогда не понимаете, никогда не освобождаетесь ни от какого вызова. Проблема, вопрос, в том, могу ли я понять вызов полностью, напрямую; почувствовать всё его значение, весь его аромат, его глубину, его красоту и его уродство и таким образом освободиться от него. Вызов всегда нов, не так ли? Проблема всегда нова, разве не так? Проблема, которую вы имели вчера, например, подверглась такой перемене, что когда вы встретите её сегодня, она уже новая. Но вы встречаете её со старым, ведь вы встречаете её без изменения, просто переменив свои собственные мысли.

Позвольте мне выразить это иным образом. Я встретил вас вчера. С того времени вы переменились. Вы подверглись перемене, но у меня по-прежнему вчерашнее представление о вас. Я встречаю вас сегодня с моим вчерашним представлением о вас, и поэтому я не понимаю вас – я понимаю только представление о вас, которое я приобрёл вчера. Если я хочу понять вас, а ведь вы переменились, поменялись, я должен устранить, я должен

освободиться от вчерашнего представления. Другими словами, чтобы понять вызов, который всегда нов, я должен встретить его по-новому, не должно быть никакого осадка вчерашнего; так что я должен сказать «прощай» вчерашнему.

В конце концов – что такое жизнь? Разве она не что-то всё время новое, не правда ли? Она есть что-то, что всегда подвергается перемене, создавая новые ощущения. Сегодня никогда не то же самое, что вчера, и в этом красота жизни. Можем ли вы и я встречать каждую проблему по-новому? Можете ли вы, когда придёте домой, встретить вашу жену и вашего ребёнка по-новому, встретить вызов по-новому? Вы не будете способны сделать это, если вы обременены воспоминаниями вчерашнего. Поэтому, чтобы понять истину проблемы, взаимоотношения, вы должны подойти к ней по-новому, сызнова – не с «открытым умом», что не имеет никакого смысла. Вы должны подойти к ней без шрамов вчерашних воспоминаний – что означает осознание, по мере возникновения каждого вызова, всех откликов вчерашнего, и, осознавая вчерашние осадки, воспоминания, вы обнаружите, что они отпадают одно за другим без борьбы, и потому ваш ум свеж.

Может ли человек постигать истину сразу, мгновенно, без подготовки? Я говорю: да, может – не из-за какой-то моей фантазии, не из-за какой-то иллюзии; но психологически поэкспериментируйте с этим, и вы увидите. Возьмите любой вызов, любой маленький случай – не ждите какого-то великого кризиса – и посмотрите, как вы реагируете на него. Осознайте это, ваши реакции, ваши намерения, ваше отношение, и вы поймёте их, вы поймёте ваш фон, основу, задний план. Уверю вас, вы можете сделать это сразу, немедленно, если вы отдадите этому всё ваше внимание. Если вы стремитесь выявить всю полноту значения вашего фона, основы, он поддастся, уступит, согласится предоставить всю свою значимость, и тогда вы одним взмахом откроете истину, понимание проблемы. Понимание обретает жизнь от сейчас, настоящего, которое всегда лишено времени. Хотя оно может быть завтра, оно всё же в сейчас, в теперь; просто отложить на время, подготовиться к тому, чтобы получить то, что явится завтра, значит воспрепятствовать себе понять то, что есть сейчас, теперь. Несомненно, вы можете понять напрямую, непосредственно, то, что есть сейчас, не так ли? Чтобы понять то, что есть, вы должны быть спокойным, не отвлекаемым, вы должны отдать ваш ум и сердце этому. Это должен быть ваш единственный интерес в этот момент, полностью. Тогда то, что есть, даёт вам свою полную глубину, своё полное значение, и тем самым вы освобождены от этой проблемы.

Если вы хотите узнать истину, психологическое значение собственности, например, если вы действительно хотите понять это напрямую, сейчас – как вы подойдёте к этому? Несомненно, у вас должно быть чувство родственной близости к проблеме, вы не должны бояться её, у вас не должно быть никакого убеждения, никакого возражения, никакой защиты – между вами и проблемой. Только когда вы в прямых, непосредственных взаимоотношениях с проблемой, вы найдёте ответ. Если же вы вводите ответ, если вы осуждаете, испытываете психологическое отторжение, нерасположение – тогда вы будете откладывать, вы будете подготавливаться понять завтра то, что может быть понято только в «сейчас». Поэтому вы никогда не поймёте. Восприятие истины не нуждается ни в какой подготовке; подготовка включает время, а время – не путь понимания истины. Время – продолжение, длительность, а истина – вне времени, не продлема, не длящаяся. Понимание – не продлеваемо, оно – каждый миг, от мгновения к мгновению, не остаточное, без остатка.

Боюсь, в моих словах всё это кажется очень трудным – или нет? Но это легко, просто понять, только если вы экспериментируете с этим. Если же вы уходите в мечту, медитируете над этим, это становится очень трудным. Когда между вами и мной нет никакого барьера – я понимаю вас. Если я открыт для вас, я понимаю вас напрямую, непосредственно – а быть открытым не является вопросом времени. Сделает ли время меня открытым? Сделает ли подготовка, система, дисциплина меня открытым по отношению к вам? Нет. То, что делает меня открытым по отношению к вам – так это моё намерение понять. Я хочу быть открытым, ведь мне нечего скрывать, я не боюсь; поэтому я открыт – и есть мгновенное общение, есть истина. Чтобы воспринять истину, познать её красоту, познать её радость,

должна быть мгновенная восприимчивость, не затуманенная теориями, страхами и ответами.

32. О простоте

ВОПРОС: Что такое простота? Предполагает ли она очень ясное видение существенного и отказ от всего остального?

КРИШНАМУРТИ: Давайте посмотрим, что – не простота. Не говорите: «Это негативно» или «Скажите нам что-нибудь позитивное». Это незрелая, глупая реакция. Те люди, которые предлагают вам «позитивное», – эксплуататоры; они имеют нечто, что вы хотите, чтобы дать это вам, и через это эксплуатируют вас. Мы не делаем ничего подобного. Мы пытаемся выяснить истину простоты. Поэтому вы должны отказаться, отложить идеи в сторону и наблюдать заново. Человек, имеющий много, боится революции, внутренне и внешне.

Давайте выясним, что – не простота. Усложнённый ум – не простой, не так ли? Искусный, ловкий ум – не простой; ум, имеющий впереди цель, ради которой он работает, за награду, из страха – не простой ум, не так ли? Ум, обременённый знанием, – не простой ум; ум, повреждённый убеждениями, искалеченный верованиями, – не простой ум, не так ли? Ум, отождествляющий себя с чем-то более великим и стремящийся удержать это отождествление, – не простой ум, не так ли? Мы думаем, простота в том, чтобы иметь только одну или две набедренные повязки, мы хотим внешнего проявления простоты, напоказ, и легко обманываемся этим. Потому-то человек, который очень богат, поклоняется человеку, который отвергнул, отказался.

Что такое простота? Может ли простота быть отказом от несущественного и преследованием существенного? – что означает процесс выбора. Разве это не означает выбора – выбор существенного и отказ от несущественного? Что такое – этот процесс выбора? Что за сущность – та, что выбирает? Ум, не так ли? Неважно, как вы назовёте это. Вы говорите: «Я выберу это – существенное». Как вы узнаете, что это существенное? Либо у вас имеется образец того, что сказано другими людьми, или ваш собственный опыт говорит, что что-то существенно. Можете ли вы положиться на свой опыт? Когда вы выбираете, ваш выбор основан на желании, не так ли? То, что вы называете «существенным», – это то, что даёт вам удовлетворение. Так что вы вернулись в тот же самый процесс, не так ли? Может ли запутавшийся ум выбирать? Если он выбирает, выбор должен быть также запутанным.

Следовательно, выбор между существенным и несущественным – не простота. Это конфликт. Ум, находящийся в конфликте, в замешательстве, в смятении, не может быть простым. Когда вы отбрасываете, когда вы действительно наблюдаете и видите все эти ложные штучки, уловки ума, когда вы смотрите на это и осознаёте это, тогда вы сами узнаете, что такое простота. Ум, связанный верованиями, убеждениями, не может быть простым умом. Ум, изуродованный знанием, – не простой ум. Ум, отвлечённый Богом, женщиной, музыкой, – не простой ум. Ум, захваченный рутинной службой, обязанностей, ритуалов, молитв, – такой ум не прост. Простота есть действие – без идеи. Но это очень редкая вещь; это означает творчество. Пока нет творчества, мы – центры бедствий, страдания и разрушения. Простота – не что-то такое, за чем вы можете гнаться и переживать на опыте. Простота приходит, как цветок раскрывается в надлежащий момент, когда человек понимает весь процесс существования и взаимоотношений. Поскольку мы никогда не думали об этом, не наблюдали это, мы это не осознаём; мы ценим все внешние формы обладания немногим, но они – не простота. Простота не может быть найдена, получена, достигнута; она не в выборе между существенным и несущественным. Она обретает бытие, только когда нет «само», нет «я»; когда ум не захвачен предположениями, заключениями, верованиями, построениями идей. Только такой свободный ум может найти истину. Единственно такой ум может воспринять то, что неизмеримо, что неназываемо; и это – простота.

33. О поверхностности

ВОПРОС: Как тому, кто поверхностен, стать серьезным?

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего мы должны осознать, что мы поверхностны, не так ли? Что означает быть поверхностным? По существу – быть зависимым, не так ли? Зависеть от стимула, зависеть от вызова, зависеть от другого, психологически зависеть от определённых ценностей, определённых переживаний, определённых воспоминаний – не это ли всё создаёт поверхностность? Когда я завишу от хождения в церковь каждое утро или каждую неделю, для того чтобы поднять дух, чтобы мне помогли, разве это не делает меня поверхностным? Если я должен выполнять определённые ритуалы, чтобы поддержать моё чувство целостности или восстановить чувство, которое я, возможно, когда-то испытывал, разве это не делает меня поверхностным? Разве я не делаюсь поверхностным, когда отдаю себя стране, какому-то плану или определённой политической группе? Несомненно, весь этот процесс зависимости есть уклонение, бегство от себя; это отождествление с чем-то большим есть отход, отказ от того, чем я являюсь. Но я не могу отвергнуть то, чем я являюсь; я должен понять то, чем я являюсь, а не пытаться отождествить себя со вселенной, с Богом, с определённой политической партией или с чем хотите. Всё это ведёт к мелкому, поверхностному мышлению, а от мелкого мышления – к деятельности, от которой нескончаемые бедствия, как в мировом масштабе, так и в индивидуальном.

Прежде всего осознаём ли мы, что мы делаем все эти вещи? Мы не осознаём: мы оправдываем их. Мы говорим: «Что со мной будет, если я не стану делать эти вещи? Мне будет ещё хуже; мой ум развалится на части. Сейчас по крайней мере борюсь за то, чтобы достичь чего-то лучшего». Чем больше мы боремся, тем более мы поверхностны. Я должен увидеть это сначала, не так ли? Это одно из самых трудных дел; видеть, что я такое, сознавать, признавать, что я глуп, туп, что я мелочен, что я ограничен, что я ревнив. Если я вижу, какой я на самом деле, если я осознаю, признаю это, тогда с этим я могу начинать. Несомненно, мелкий ум – это ум, который убегает от того, что есть; чтобы не убегать, требуется трудное, энергичное исследование, отказ от инерции. В момент, когда я знаю, что я мелочен, уже присутствует процесс углубления – если я не предпринимаю ничего по отношению к мелочности. Если ум говорит: «Я мелочен, и я собираюсь войти в это, я собираюсь понять всю эту мелочность, это ограничивающее влияние», тогда есть возможность изменения; но мелочный, мелкий ум, признавая, что он является мелким и пытаясь быть не мелким с помощью чтения, встреч с людьми, путешествий, пребывая, подобно обезьяне, в постоянной активности, – по-прежнему мелкий ум.

И снова, как видите, реальная революция имеет место, только если мы подходим к этой проблеме правильно. Правильный подход к проблеме даёт необычайную уверенность, которая, смею уверить, сдвигает горы – горы наших собственных предубеждений, обусловленности. Пребывая в осознании мелкости ума, не пытайтесь стать глубоким. Мелочный ум никогда не может познать больших глубин. Он может иметь множество знаний, информации, он может повторять слова – вы знаете всё пустозвонство поверхностного ума, который активен. Но если вы знаете, что вы поверхностны, мелочны, если вы осознаёте мелочность и наблюдаете все её действия без оценки, без осуждения, тогда вы вскоре увидите, что мелочность исчезла полностью, без вашего воздействия на неё. Это требует терпеливости, настойчивости, бдительной осторожности – не страстного желания результата, достижения. Это только мелкий ум хочет достижения, результат.

Чем больше вы осознаёте весь этот процесс, тем больше вы откроете активностей ума, но вы должны наблюдать их, не пытаясь положить им конец, ведь в момент, когда вы стремитесь положить конец, вы снова пойманы в двойственность «я» и «не я» – что придаёт проблеме длительность.

34. О банальностях мысли

ВОПРОС: Чем должен быть занят ум?

КРИШНАМУРТИ: Вот очень хороший пример, как конфликт возникает: конфликт между тем, что должно быть, и тем, что есть. Сначала мы устанавливаем, что должно быть, идеал, а затем пытаемся жить в соответствии с этим образцом. Мы говорим, что ум должен быть занят благородными делами, бескорыстностью, великодушием, добротой, любовью; это образец, убеждение, как должно быть, насущная необходимость, и мы пытаемся жить соответственно. Так образуется направление конфликта – между проекцией того, что должно быть, и действительностью, тем, что есть, и с помощью этого конфликта мы надеемся измениться. Пока мы боремся за то, что должно быть, мы ощущаем добродетельность, мы ощущаем благо, добро – но что является важным: что должно быть или что есть? Чем заняты наши умы – фактически, не идеологически? Банальностями, не так ли? Как мы выглядим, амбициями, жадностью, завистью, сплетнями, жестокостью. Ум живёт в мире банальностей, а банальный ум, создающий благородный образец, по-прежнему банален, не так ли? Вопрос не в том, чем должен быть занят ум, а в том, может ли ум освободить себя от банальностей? Если мы вообще осознаём, если мы вообще исследуем, мы знаем наши собственные отдельные банальности: непрерывные разговоры, постоянная болтовня ума, беспокойство, хлопоты о том и этом, любопытство к тому, что люди делают или не делают, попытки достичь результата, добиваясь собственного возвеличивания и так далее. Мы заняты именно этим, и мы знаем это очень хорошо. Может ли это быть изменено? Это является проблемой, не так ли? Спрашивать, чем должен быть занят ум – просто незрелость.

Теперь, будучи осознающим, что мой ум банален и занят банальностями, может ли он освободить себя из этого положения? Разве ум по самой своей природе не банален? Чем является ум, как не результатом памяти? Памяти о чём? О том, как выживать, не только физически, но также и психологически – путём развития определённых качеств, добродетелей, хранения опыта, устройства, упрочения, утверждения себя в своей собственной деятельности. Это ли не банально? Ум, будучи результатом памяти, времени, банален сам по себе; так что может он сделать, чтобы освободить себя от своей собственной банальности? Может ли он сделать что-нибудь? Пожалуйста, поймите важность этого. Может ли ум, который является эго(само)центричной активностью, освободить себя от этой активности? Очевидно, что не может; что бы он ни делал, он по-прежнему банален. Он может размышлять о Боге, он может изобретать политические системы, он может выдумывать верования; но он по-прежнему в поле времени, его замены по-прежнему от воспоминания до воспоминания, он по-прежнему связан своими собственными ограничениями. Может ли ум сломать это ограничение? Или же это ограничение разрушается, когда ум спокоен, тих, когда он неактивен, когда он осознаёт, признаёт свои собственные банальности, какими бы великими он их себе ни воображал? Когда ум, видя свои банальности, полностью осознаёт их и от этого становится действительно спокойным, тихим, – только тогда имеется возможность этим банальностям отпасть. Пока вы интересуетесь, чем должен быть занят ум, он будет занят банальностями – независимо оттого, строит ли он церковь, молится ли он или посещает место поклонения. Ум сам по себе мелок, мелочен, ограничен, мал, и просто сказав, что он мелочен, вы не устраните его ограниченности. Вы должны понять его, ум должен осознавать свою собственную активность, и в процессе этого осознания, в осознании банальностей, которые он сознательно и подсознательно строит, ум становится спокойным, тихим. В этой тишине – творческое состояние, и это является фактором, создающим изменение.

35. О тишине ума

ВОПРОС: Почему вы говорите о тишине ума и что такое эта тишина?

КРИШНАМУРТИ: Не необходимо ли, если мы хотим понять что-то, чтобы ум был тих? Если у нас проблема, мы обеспокоены ею, не так ли? Мы вникаем в неё, мы анализируем её, мы расчлняем её на части – в надежде понять её. Теперь, понимаем ли мы посредством усилия, путём анализа, путём сравнения, через какую-либо форму умственной

борьбы? Несомненно, понимание приходит, только когда ум очень спокоен. Мы говорим, что чем больше мы боремся с проблемой голода, войны или любой другой человеческой проблемой, чем больше мы входим в столкновение с ней, тем лучше мы поймём её. Теперь, правда ли это? Войны продолжаются на протяжении столетий, конфликт между людьми, между обществами; война, внутренняя и внешне, постоянно здесь. Разрешим ли мы эту войну, этот конфликт, с помощью нового конфликта, дальнейшей борьбы, хитроумным старанием? Или же мы понимаем проблему, только когда мы непосредственно перед ней, когда мы лицом к лицу с фактом? Мы можем быть лицом к лицу с фактом, только когда нет никакого встречающего, мешающего возбуждения между умом и фактом, – так не важно ли для ума, в момент нашего понимания, успокоиться, затихнуть?

Вы неизбежно спросите: «Как можно ум сделать тихим?» Такова немедленная реакция, не так ли? Вы говорите: «Мой ум возбуждён, взволнован, как я могу держать его спокойным?» Может ли какая-либо система сделать ум спокойным? Может ли формула, дисциплина, сделать ум тихим? Может; но когда ум сделан тихим – спокойствие ли это, тишина ли это? Или же ум всего лишь отгорожен идеей, внутри формулы, внутри фразы? Такой ум – мёртвый ум, не так ли? Потому-то большинство людей, которые пытаются быть духовными, так называемыми духовными, и мертвы – ведь они обучили свои умы быть тихими, они отгородили себя внутри формулой, чтобы быть спокойными. Очевидно, такой ум никогда не спокоен, не тих; он только подавлен, удерживается в подчинении.

Ум спокоен, тих, когда он видит истину того, что понимание приходит, только когда он спокоен, тих; что если мне надо понять вас, я должен быть спокоен, я не должен иметь реакций против вас, я не должен иметь предубеждений, я должен отбросить все мои выводы, все переживания моего опыта и встретить вас лицом к лицу. Только тогда, когда ум свободен от моей обусловленности – я понимаю. Когда я вижу истину этого, тогда ум тих, спокоен – и тогда нет вопроса, как сделать ум спокойным. Только истина может освободить ум от его собственных идеаций, создания идей; чтобы увидеть истину, ум должен осознать, признать факт, что пока он возбуждён, взволнован, он не может понимать. Тишина ума, спокойствие ума – это не то, что создаётся усилием воли, действием желания; если это достигнуто таким образом, то такой ум отгорожен, изолирован, это мёртвый ум и потому лишён способности к адаптации, к гибкости, к быстроте. Такой ум – не творческий.

Наш вопрос тогда – не как сделать ум спокойным, а как увидеть истину каждой проблемы, как только она представляет себя нам. Это похоже на пруд, который становится спокойным, когда прекращается ветер. Наш ум возбуждён, взволнован, поскольку у нас есть проблемы; и чтобы уклониться от проблем, мы делаем ум спокойным. Теперь ум спроецировал эти проблемы, и уже нет никаких проблем, отдельных от ума; и пока ум проецирует всякие концепции чувствительности, практикует любую форму тишины, он никогда не может быть тихим. Когда ум осознаёт, что понимание существует только в тишине, – он становится очень спокойным. Такое спокойствие не навязано, не создано дисциплиной, это спокойствие, которое не может быть понято возбуждённым, взволнованным умом.

Многие, кто ищет спокойствие ума, удаляются от активной жизни в деревню, в монастырь, в горы, или они уходят в идеи, отгораживают себя верой, или избегают людей, которые создают им неприятности. Такое изолирование – не тишина ума. Отгораживание ума идеей или избегание людей, которые делают жизнь сложной, не создаст тишину ума. Тишина ума приходит, только когда нет процесса изолирования путём накопления – но полное понимание всего процесса взаимоотношений. Накопление делает ум старым; только когда ум нов, когда ум свеж, без процесса накопления – только тогда имеется возможность обрести спокойствие ума. Такой ум не мёртв, он в высшей степени активен. Спокойный, тихий ум – самый активный ум, но если вы будете экспериментировать с ним, войдёте в него глубоко, вы увидите, что в тишине нет проецирования мысли. Мысль, на всех уровнях, является, со всей очевидностью, реакцией памяти, и мысль не может быть в состоянии творчества. Она может выражать творчество, но мысль сама по себе никогда не

может быть творческой. Когда присутствует безмолвие, то спокойствие ума, которое не является результатом, тогда мы увидим, что в этом спокойствии – необычайная активность, необычайное действие, которое ум, возбуждённый мыслью, никогда не может познать. В этой тишине нет формулировки, нет идеи, нет памяти; эта тишина – состояние творчества, которое может быть переживаемо, только когда имеет место полное понимание всего процесса «я». Если иначе – тишина не имеет значения. Только в той тишине, которая не результат, открывается вечное, которое вне времени.

36. О смысле жизни

ВОПРОС: Мы живём, но мы не знаем зачем. Для очень многих из нас жизнь представляется не имеющей смысла. Не могли бы вы рассказать нам о смысле и цели нашей жизни?

КРИШНАМУРТИ: Почему вы задаёте этот вопрос? Почему вы просите, чтобы я рассказал вам о смысле жизни, о цели жизни? Что мы подразумеваем под жизнью? Имеет ли жизнь смысл, цель? Не является ли жизнь сама по себе своей собственной целью, своим собственным смыслом? Почему мы хотим большего? Из-за того, что мы так не удовлетворены нашей жизнью, наша жизнь так пуста, так убога, так однообразна – делая одно и то же снова и снова, мы хотим чего-то большего, чего-то за пределами того, что мы делаем. Так как наша повседневная жизнь настолько пуста, настолько уныла, настолько бессмысленна, настолько скучна, так невыносимо глупа, мы говорим, что жизнь должна иметь более высокий смысл, – потому-то вы и задаёте этот вопрос. Несомненно, человек, чья жизнь богата, человек, который видит вещи такими, какие они есть, и доволен тем, что имеет, такой человек не сбив с толку, такой не в замешательстве; ему всё ясно, так что он не спрашивает, в чём цель жизни. Для него сама жизнь – и начало и конец. Наша трудность в том, что из-за того, что наша жизнь пуста, мы хотим найти цель жизни и бороться за неё. Такая цель жизни может быть просто активностью ума, лишённой всякой реальности; когда цель жизни преследуется глупым, тупым умом, пустым сердцем, такая цель также будет пустой. Поэтому наша цель – как сделать нашу жизнь богатой, не деньгами и всем остальным того же рода, но внутренне богатой, – что не является чем-то таинственным. Когда вы говорите, что цель жизни – быть счастливым, цель жизни – познать Бога, несомненно, это желание найти Бога есть бегство от жизни, и ваш Бог – просто что-то, что известно. Ведь вы можете направить свой путь только к тому, что вам известно; если вы сооружаете лестницу к тому, что вы называете Богом, несомненно, это не Бог. Реальность может быть понята только в процессе жизни, не в бегстве. Когда вы ищете цель жизни, вы на самом деле убегаете и не понимаете, что такое жизнь. Жизнь – взаимоотношения, жизнь – действия во взаимоотношениях; когда я не понимаю взаимоотношений или когда взаимоотношения запутаны, тогда я ищу более полный смысл. Почему наши жизни так пусты? Почему мы так одиноки, разочарованы? Потому что мы никогда не вглядывались в самих себя и не понимаем себя. Мы никогда не признаёмся себе, что эта жизнь есть всё, что мы знаем, и что поэтому она должна быть понята полностью и совершенно. Мы предпочитаем убежать от себя самих, и именно поэтому мы ищем цель жизни вдали от взаимоотношений. Если мы начинаем понимать действие, которое является нашим взаимоотношением с людьми, с собственностью, с верованиями и идеями, мы обнаружим, что сами эти отношения приносят своё собственное вознаграждение. Вы не должны искать. Это похоже на поиски любви. Можете ли вы найти любовь, разыскивая её? Любовь невозможно взрастить, развивать. Вы найдёте любовь только во взаимоотношениях, не вне взаимоотношений, и именно потому, что в нас нет любви, мы и хотим знать цель жизни. Когда есть любовь, которая – своя собственная вечность, тогда нет поиска Бога, ибо любовь и есть Бог.

Из-за того, что наши умы заполнены технической терминологией и суеверным бормотанием, наши жизни так пусты, и именно поэтому мы ищем цель вне самих себя.

Чтобы найти жизненную цель, мы должны пройти сквозь дверь самих себя; сознательно или подсознательно мы избегаем смотреть в лицо вещам и видеть их такими, какие они есть сами по себе, и поэ тому мы хотим, чтобы Бог открыл для нас дверь, которая по ту сторону, за пределами. Вопрос о цели жизни ставят только те, кто не любит. Любовь может быть обретаена только в действии, которое есть взаимоотношение.

37. О запутанности ума

ВОПРОС: Я слушал все ваши беседы, и я прочёл все ваши книги. Я спрашиваю вас с величайшей серьёзностью – какой может быть цель моей жизни, если, как вы говорите, вся мысль должна прекратиться, всё знание должно быть пресечено, вся память утрачена? Как вы соотносите такое состояние бытия, каким оно, согласно вам, может быть, с миром, в котором мы живём? Какое отношение имеет такое бытие к нашему печальному и тягостному существованию?

КРИШНАМУРТИ: Мы хотим знать, что это за состояние, которое может быть только тогда, когда нет ни знания, ни узнающего; мы хотим знать, какое отношение это состояние имеет к нашему миру повседневной деятельности, повседневных занятий. Мы знаем, какова наша нынешняя жизнь – печальная, тягостная, постоянно наполненная страхами, ничего постоянного; мы знаем это очень хорошо. Мы хотим знать, какое отношение то другое состояние имеет к этому, – и если мы отложим в сторону знание, станем свободны от наших воспоминаний и так далее, какова тогда цель существования?

Какова цель нашего существования, каким мы его знаем сейчас? – не теоретически, но на самом деле? Какова цель нашего повседневного существования? Только выжить, не так ли? – со всем этим страданием, со всем этим горем и неразберихой, вой нами, разрушениями и так далее. Мы можем изобрести теории, мы можем сказать: «Так не должно быть, должно быть что-то другое». Но это всё теории, они – не факты. То, что мы знаем, это неразбериха, боль, страдание, бесконечные антагонизмы. Мы знаем также, если мы вообще осознаём, как они возникают. Цель жизни, от мгновения к мгновению, каждый день – уничтожить друг друга, эксплуатировать друг друга, либо индивидуально, либо коллективом человеческих существ. В нашем одиночестве, в нашем страдании мы стараемся использовать других, мы пытаемся убежать от самих себя – путём развлечений, через богов, через знание, через всяческие формы веры, через отождествление. В этом наша цель, сознательно или подсознательно, так мы сегодня живём. Существует ли более глубокая, более широкая цель за пределами всего этого, цель – не от неразберихи, не от приобретений? Имеет ли это не требующее усилий состояние какое-либо отношение к нашей повседневной жизни?

Несомненно, оно вообще не имеет отношения к нашей жизни. Как оно может иметь? Если мой ум в смятении, мучится, прилагает отчаянные усилия, страстно борется, одинок – как он может быть связан с чем-то, что не от него самого? Как может истина быть связанной с ложным, с иллюзией? Мы не хотим признать это, ведь наша надежда, наше смятение заставляют нас верить во что-то большее, более благородное, что, как мы говорим, связано с нами. В своём отчаянии мы ищем исти ну, надеясь, что с открытием её отчаяние наше исчезнет.

Итак, мы можем видеть, что запутавшийся ум, ум, охваченный скорбью, ум, осознающий свою собственную пустоту и одиночество, никогда не сможет найти то, что вне его самого. То, что за пределами ума, может обрести бытие, только когда причины смятения, страдания, рассеяны или поняты. Всё, что было мною сказано, о чём я говорю – как понять себя самих, ведь без самопознания иного нет, иное – лишь иллюзия. Если мы можем понять всеобщий процесс самих себя, «само», каждый миг, от мгновения к мгновению, мы увидим, что при прояснении нашего собственного смятения, беспорядка, то, иное, обретаает бытие. Тогда переживание того, иного, будет иметь отношение к этому. Но это никогда не будет иметь отношения к тому, к иному. Будучи по эту сторону занавеса, будучи во тьме, как можно иметь переживание света, свободы? Но когда однажды имеет место переживание

истины, тогда вы можете соотнести, связать его с этим миром, в котором мы живём.

Если мы никогда не познаём, что такое любовь, а знаем только постоянные ссоры, страдания, конфликты – как можем мы испытать ту любовь, что не от всего этого? Но когда однажды мы переживаем такое – тогда мы больше не беспокоимся выяснять от ношения. Тогда любовь, разум – в действии. Но чтобы испытать такое состояние, все знания, накопленные воспоминания, действия самоотождествления должны прекратиться, так, чтобы ум был неспособен к каким-либо проецируемым ощущениям. Тогда, в переживании такого, в этом мире имеет место действие.

Несомненно, это и есть цель существования – выйти за пределы эго(само)центрической активности ума. Переживая такое состояние, которое не измеримо умом, – тогда само переживание этого создаёт внутреннюю революцию. Тогда, когда есть любовь, нет никаких социальных проблем. Не существует никаких проблем любого рода – когда присутствует любовь. Из-за того, что мы не знаем, как любить, мы имеем социальные проблемы и системы философии о том, что делать с нашими проблемами. Я говорю, эти проблемы никогда не могут быть решены никакой системой, ни слева, ни справа, ни из середины. Они могут быть разрешены – наше смятение, беспорядок, наше страдание, наше саморазрушение, – только когда мы сможем пережить то состояние, которое не является проецированием «само», нашего «я».

38. Об изменении

ВОПРОС: Что вы подразумеваете под изменением?

КРИШНАМУРТИ: Вполне очевидно, что должна быть радикальная революция. Мировой кризис требует её. Наша жизнь требует её. Наши каждодневные события, устремления, тревоги требуют её. Наши проблемы требуют её. Должна быть фундаментальная, радикальная революция, ведь всё вокруг нас рушится. Хотя порядок внешне и сохраняется, фактически происходит медленный распад, разрушение: волна разрушения постоянно настигает волну жизни.

Поэтому должна быть революция – но не революция, основанная на идее. Такая революция – это просто продолжение идеи, не радикальное изменение. Революция, основанная на идее, приносит кровопролитие, разрушение, хаос. Из хаоса вы не можете сотворить порядок; вы не можете преднамеренно создать хаос и надеяться сотворить порядок из этого хаоса. Вы не Богом-избранные, кто сотворит порядок из беспорядка. Таков ложный способ мышления со стороны тех людей, которые хотят вызвать всё больший и больший беспорядок, чтобы создавать порядок. Ведь в момент, когда они у власти, они полагают, что знают все способы, как навести порядок. Видя всю эту катастрофу – постоянное повторение войн, непрекращающийся конфликт между классами, между народами, ужасное экономическое и социальное неравенство, неравенство способностей и дарований, пропасть между теми, кто необычайно счастлив, спокоен, и теми, кто пойман в ловушку ненависти, конфликта, и страдания – видя всё это, видишь, что должна быть революция, должно быть полное изменение, не так ли?

Это изменение, эта радикальная революция – что-то самое отдалённое, завершающее, или оно – каждый миг, от мгновению к мгновению? Я знаю, нам хотелось бы, чтобы оно было самым отдалённым, ведь намного легче думать в терминах отдалёного, далёкого, отсутствующего. В конечном счете, когда-то мы будем изменёнными, в конечном счете, когда-то мы будем счастливыми, в конечном счете, когда-то мы постигнем истину; пока же – давайте продолжать. Несомненно, такой ум, думающий в терминах будущего, не способен действовать в настоящем; поэтому такой ум не стремится к изменению, он просто избегает изменения. Что же мы подразумеваем под изменением?

Изменение – не в будущем, никогда не может быть в будущем. Оно может быть только сейчас, от мгновения к мгновению. Так что же мы подразумеваем под изменением? Несомненно, это очень просто: видеть ложное как ложное и истинное как истинное. Видеть

истину в ложном и видеть ложное в том, что было принято как истина. Видеть ложное как ложное и истину как истину – это и есть изменение, потому что когда вы видите что-то очень ясно как истину, эта истина освобождает. Когда вы видите, что что-то ложно, эта ложная вещь отпадает. Когда вы видите, что эти обряды – просто пустые повторения, когда вы видите истину этого и не оправдываете их, налицо изменение – разве не так? – ведь ещё один обруч зависимости исчез. Когда вы видите, что классовое различие ложно, что оно вызывает конфликт, создаёт страдание, разделение между людьми – когда вы видите истину этого, сама эта истина освобождает. Само восприятие этой истины есть изменение, не так ли? Поскольку мы окружены таким множеством того, что ложно, восприятие ложности каждый миг, от мгновения к мгновению, есть изменение. Истина не накапливаема. Она – каждый миг, от мгновения к мгновению. Что накапливается, складывается – так это память, и с помощью памяти вы никогда не сможете найти истину, ибо память – от времени, времени как прошлое, настоящее и будущее. Время, представляющее собой продление, длительность, никогда не может найти то, что вечно; вечность – не продление. То, что длится, продолжается – не вечно. Вечность – в мгновении. Вечность – в сейчас. Сейчас – не отражение прошлого, не продолжение прошлого через настоящее в будущее.

Ум, желающий будущего изменения или смотрящий на изменение как на отдалённую цель, никогда не сможет найти истину, ибо истина – это то, что должно приходить каждый миг, от мгновения к мгновению, что должно быть открываемо заново; не может быть открытия путём накопления. Как вы можете открыть новое, если вы перегружены старым? Только сбросив это бремя, вы откроете новое. Чтобы открыть новое, вечное, в настоящем, каждый миг, от мгновения к мгновению, человеку нужен необычайно бдительный ум, ум, который не ищет результат, ум, который не в процессе становления. Ум, занятый становлением, никогда не может знать полного счастья подлинного довольства; не довольства самодовольным удовлетворением; не довольства достигнутым результатом, а довольства, которое приходит, когда ум видит истину в том, что есть, и ложь в том, что есть. Восприятие этой истины – каждый миг, от мгновения к мгновению; и такое восприятие отодвигается путём вербализации этого мгновения.

Изменение – не цель, не результат. Изменение не результат. Результат подразумевает остаток, причину и следствие. Где есть причинность, есть ограничение, быть следствию. Следствие – просто результат вашего желания быть изменённым. Когда вы желаете быть изменённым, вы всё ещё мыслите в терминах становления; то, что становится, никогда не может познать то, что является налицо-существующим. Истина – налицо-существующее каждый миг, от мгновения к мгновению, и счастье, которое длится – не счастье. Счастье – такое состояние бытия, которое вне времени. Это лишённое времени состояние может прийти только когда присутствует громадная неудовлетворённость – не та неудовлетворённость, которая создаёт канал, по которому она ускользает, а неудовлетворённость, не имеющая никакого выхода, для которой нет путей бегства, которая уже не ищет удовлетворения. Только тогда, в таком состоянии высшей неудовлетворённости, реальность может обрести бытие. Эта реальность не покупается, не про даётся, не повторяется; она не может быть уловлена в книгах. Она должна быть найдена каждый миг, от мгновения к мгновению, в улыбке, в слезе, под опавшим листом, в блуждающих мыслях, в полноте любви.

Любовь не отлична от истины. Любовь – такое состояние, в котором процесс мысли, как время, полностью прекратился. Где любовь есть, есть и изменение. Без любви революция не имеет никакого смысла, ведь тогда революция – просто разрушение, распад, всё более и более нарастающее бедствие, нищета, страдание. Где есть любовь, есть и революция, потому что любовь – изменение каждый миг, от мгновения к мгновению.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

